

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 4 (95) 2025

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)
ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 4 (95) 2025 год

Учредитель – ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук;

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДонГУ);

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, г. Краснодар);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Выборнов А.А., д-р ист. наук (Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону);

Крысенко Д.С., д-р ист. наук (Луганский государственный аграрный университет им. К. Е. Ворошилова);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Литинский В.В., д-р ист. наук (ДонГУ);

Минаев А.И., д-р ист. наук (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина);

Муза Д.Е. д-р философ. наук (ДонГУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДонГУ);

Цыганков П.А., д-р философ. наук (Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, г. Москва);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДонГУ);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (ДонГУ).

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

(Лицензионный договор № 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.)

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации 125009, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный Округ Тверской, ул.Тверская, д. 11, стр. 1;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Адрес редакции:

283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +7(856) 302-07-25

e-mail: v.razumnyiy@donnu.ru
razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <https://dongu-hipis.ru/>

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
29.12.2025 (протокол № 16)*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – № 4/2025 (95). – 133 с.

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№ 230-11/2025 от 17 ноября 2025 г.**

С 01.02.2025 г. научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.3. Археология (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4РОС55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2025

© Авторский коллектив выпуска, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Савельев Д.О., Рыбальченко Б.Е. Изделия среднепалеолитического облика из местонахождений на территории Белогорского и Кировского районов Республики Крым.....5

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Харьковская Н.А. Отечественная историография англо-советских отношений в период первого премьерства Уинстона Черчилля (1940 – 1945 гг.).....19

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мишечкин Г.В. 1-й гвардейский механизированный корпус в Донбасской стратегической наступательной операции.....33

Ешпанов В.С., Аяпов А.К. Значение советского спорта в годы Великой Отечественной войны (история, опыт, проблемы).....44

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Шульга Д.П. О могильнике Чжайтоухэ в контексте «китаизации» кочевников второй половины I тыс. до н.э.....53

Харьковский Р.Г. Колониальная политика Франции и Великобритании по отношению к Египту в период турецко-египетских конфликтов 30-х – 40-х гг. XIX в.....62

Мирошниченко Н.А., Щукина А.В. Нюрнбергский процесс как символический перелом: право, память, ответственность.....74

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Медовкина Л.Ю., Куканова М.А. Личностные аспекты власти: как имидж Си Цзиньпина формирует внешнюю политику Китая.....84

Минаев А.И., Шабалдас А.И. Усиление российско-британских противоречий в период проведения Специальной военной операции.....97

ПОЛИТОЛОГИЯ

Проскурина Е.А. Политическая мимикрия как атрибут политической деятельности в контексте кризиса глобального лидерства.....106

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

Грицай Л.А. Памятники как индикатор украинских идеологических разломов: политические стратегии репрезентации прошлого XX–XXI вв.....116

CONTENT

ARCHEOLOGY

Savelyev D.O., Rybalchenko B.E. Products of the Middle Paleolithic appearance from locations on the territory of the Belogorsky and Kirovsky districts of the Republic of Crimea.....5

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Kharkovskaya N.A. Russian historiography of Anglo-Soviet relations during the first premiership of Winston Churchill (1940-1945).....19

NATIONAL HISTORY

Mishechkin G.V. 1-st Guards Mechanized Corps in the Donbass strategic offensive operation.....33

Yeshpanov V.S., Ayapov A.K. The importance of Soviet sports during the Great Patriotic War (history, experience, problems).....44

THE WORLD HISTORY

Shulga D.P. About the Zhaitouhe burial ground in the context of the «Sinicization» of the nomads of the second half of the First millennium BC.....53

Kharkovskiy R.G. The colonial policy of France and Great Britain towards Egypt during the Turkish-Egyptian conflicts of the 30s and 40s. XIX century62

Miroshnichenko N.A., Shchukina A.V. The Nuremberg Trials as a symbolic turning point: law, memory, responsibility.....74

INTERNATIONAL RELATIONS

Medovkina L.Y., Kukanova M.A. Personal aspects of power: how Xi Jinping's image shapes China's foreign policy.....84

Minaev A.I., Shabalda A.I. Intensification of Russian-British contradictions during the special military operation.....97

POLITOLOGY

Proskurina E.A. Political mimicry as an attribute of political activity in the context of the global leadership crisis.....106

QUESTIONS OF DENAZIFICATION

Gritsai L.A. Monuments as an indicator of Ukrainian ideological fractures: political strategies for representing the past of the XX–XXI centuries.....116

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903.2:902(477.75)

DOI: 10.5281/zenodo.19113893

EDN: JRMOOQ

Д.О. Савельев

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В.И. Вернадского»

E-mail: akkorddnk@gmail.com

Б.Е. Рыбальченко

независимый исследователь

E-mail: b.e.rybalchenko@gmail.com

ИЗДЕЛИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ИЗ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОГОРСКОГО И КИРОВСКОГО РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования подъёмного материала, найденного на границе Белогорского и Кировского районов республики Крым. Местонахождения выявлены Рыбальченко Б.Е. и представляют собой открытые, регулярно вспахиваемые участки с обнаженным кремневым материалом. Морфологический и сравнительно-типологический анализ найденных предметов выявил аналогии со среднепалеолитическими памятниками «западно-крымского мустье» и микокским кругом памятников Крыма и юга Русской равнины.

Ключевые слова: *Крым, Белогорский и Кировский районы, средний палеолит, местонахождения, нуклеусы, скребла, «западно-крымское мустье», «крымский микок».*

Summary

The article presents the results of a study of surface lithic material found at the border of the Belogorsky and Kirovsky districts of the Republic of Crimea. The sites were discovered by B.E. Rybalchenko and represent open, regularly plowed areas with exposed flint artifacts. Morphological and comparative-typological analysis of the discovered items revealed analogies with Middle Paleolithic sites of the "Western Crimean Mousterian" and the Micoquian sphere of sites in Crimea and the South of the Russian Plain.

Keywords: *Crimea, Belogorsky and Kirovsky districts, Middle Paleolithic, sites, cores, scrapers, "Western Crimean Mousterian", "Crimean Micoquian".*

История изучения памятников среднего палеолита в Белогорском районе Крыма

На территории Кировского района Республики Крым на сегодняшний день нет сведений о наличии среднепалеолитических памятников, историографическая часть работы будет касаться только Белогорского района. История открытий древнейших стоянок в этой части Крыма насыщена многочисленными открытиями.

В 1880 г. К.С. Мережковским была осуществлена первая попытка поиска следов пребывания первобытного человека на полуострове. По всей видимости, первооткрыватель палеолита в Крыму посетил район горы Ак-Кая, где им были осмотрены находящиеся неподалеку скальные навесы, однако, выявить материальных свидетельств в них, исследователю так и не удалось [1, с. 13]. В 1924-1926 гг. Крымской палеолитической экспедицией под руководством Г.А. Бонч-Осмоловского был исследован грот Киик-Коба на правом берегу долины р. Зуя (в 25 км к востоку от г. Симферополь). В ходе раскопок было выявлено два культурных слоя, относящихся к среднему палеолиту [2, с. 124; 3, с. 25]. Кремневый инвентарь верхнего культурного слоя (литологический горизонт 4) характеризуется отсутствием леваллуазских сколов, малочисленностью нуклеусов, сравнительно небольшим размером орудий (менее 5 см), а также использованием бифасиальной техники расщепления на плитчатом сырье. Комплекс находок из нижнего культурного слоя (литологической горизонт 5-6) Г.А. Бонч-Осмоловский определил как «аморфный» [3, с. 25]. Первичное расщепление базировалось на использовании мелких галек мелового кремня и отличалось неразвитой техникой. Среди орудий доминируют зубчато-выемчатые изделия [4, с. 105; 5, с. 31; 6, с. 28]. Наиболее значимым открытием в ходе изучения грота, послужило выявления двух погребений палеоантропов [7; 8; 5, с. 31; 6, с. 27].

Далее, в ходе проведенных геологических разведок на западном склоне Караби-Яйлы в 1920 г., А.С. Моисеевым был собран кремневый материал в пещере Аджи-Коба. В 1932–1933 гг. Г.А. Бонч-Осмоловским были проведены археологические изыскания внутри пещеры, в ходе которых были выявлены два комплекса находок, относящихся к среднему и верхнему палеолиту. Кремневые орудия из второго комплекса (мустьерского), Г.А. Бонч-Осмоловским были соотнесены с изделиями из верхнего слоя Киик-Кобы и материалами стоянки Чокурча [9].

В 1935–1939 гг. Крымской палеоантропологической экспедицией ИА МГУ под руководством О.Н. Бадера, были проведены разведывательные работы в балке Берекет у с. Ароматное. В результате исследований была обнаружена стоянка Чагорак-Коба. За два года работ, с 1936 по 1937 гг. памятник был полностью раскопан. Кремневый материал немногочисленный, представлен простыми, угловыми, двойными скреблами, остроконечниками и

сколами-заготовками. Бифасиальная техника расщепления на стоянке не прослеживается. На основе анализа кремневых изделий и найденных костей животных, О.Н. Бадер датировал стоянку позднемустье́рским временем [10, с. 301; 11, с. 140-144; 12, с. 8-10].

В 1964 г. В.Ф. Петрунь исследовав среднюю часть правого склона Красной балки в непосредственной близости от скалы Ак-Кая Вишенского сельского поселения выявил новое местонахождение среднепалеолитических изделий, получившее название «Заскальное» [13]. В 1969 г. отрядом Крымской палеолитической экспедиции АН УССР под руководством Ю.Г. Колосова были начаты полномасштабные исследования балочных склонов вблизи от горы Ак-Кая на предмет наличия стоянок каменного века. За один год работы было выявлено более 14 пунктов местонахождений орудий среднепалеолитического времени. Группа найденных местонахождений в Красной балке, за исключением стоянки под открытым небом Красная балка, была систематизирована под общим названием «Заскальненские». Их нумерация (от Заскальной I до Заскальной IX) произведена по топографическому принципу – в направлении от устья правого борта балки к её верховьям на протяжении 0,5 км. Следующая группа памятников, расположенная севернее, после поворота правого борта балки, получила наименование «Ак-кайских» (Ак-Кая I-V). Помимо работ в Красной балке, также исследовался район урочища Сары-Кая, где было найдено еще 5 местонахождений (Сары-Кая I-V) [14, с. 6], [15, с. 33], [16, с. 14-15]. Исследования вышеприведенных стоянок происходило с 1969 по 1980-е гг. Итогом многолетнего изучения стало выделение ак-кайской мустье́рской культуры [6, с. 46-54].

Помимо полевого изучения памятников, расположенных у скалы Ак-Кая, Крымской палеолитической экспедицией были предприняты исследования долины р. Кучук-Карасу. Так, в 1973 г. были обнаружены стоянки получившие названия Пролом I и Пролом II [17; 18; 19]. Раскопки стоянки Пролом I проводились в 1973–1974 и 1977 гг., в ходе работ была вскрыта площадь 68 м². Исследования показали наличие двух культуросодержащих слоев среднепалеолитического возраста. Оба слоя были отнесены к киик-кобинской мустье́рской культуре [6, с. 116-124]. Стоянка Пролом II изучалась в 1981-1982 и 1986 гг. Памятник локализован в 300-х м выше по течению относительно стоянки Пролом I. В ходе стационарных работ было обнаружено 4 культурных слоя среднепалеолитического возраста. Анализ кремневого материала позволил отнести стоянку к среднему периоду ак-кайской мустье́рской культуры [6, с. 51-52, 92-100].

В 1994 г. ниже по склону Красной балки, в 15 м от стоянки Заскальная V, под делювиальными отложениями была выявлена стоянка «Алёшин грот». Исследование памятника проводилось с 1994 по 1995 гг. Полевыми работами было зафиксировано наличие четырех культурных горизонтов. Второй горизонт – «очажный» – представлен наибольшим количеством кремневых и фаунистических остатков. На основании изучения кремневых изделий из

второго культуросодержащего слоя были сделаны выводы о схожести найденных предметов с кремневыми изделиями стоянки Шайтан-Коба [20; 21].

Культурная атрибуция памятников существенно менялась в 1980-2000 гг. В начале 1980-х гг. В.Н. Гладилин предложил свой вариант систематизации среднепалеолитических индустрий Восточной Европы, выделив 6 типов, которые включают т.н. «фации» [22]. Позднее, во второй половине 1990-х гг. В.П. Чабаем и коллективом исследователей, опираясь на подход В.Н. Гладилина [23, с. 43-44], была разработана концепция вариабельности, в рамках которой на основе типолого-статистического и технологического методов выделялись две основные индустрии в среднем палеолите Крыма: «западно-крымское мустье» [24, с. 52] и «крымская микокская» [25, с. 68-70]. Одной из характерных особенностей «западно-крымского мустье» является преобладание монофасиально обработанных изделий, при отсутствии, или же незначительном количестве бифасиальных изделий. Маркером принадлежности к «западно-крымскому мустье» является наличие леваллуазских сколов заготовок и изготовленных на базе этой техники орудий [26, с. 33-80]. «Крымский микок» включает ак-кайскую, старосельскую и киик-кобинскую фации. Основным маркером принадлежности к микокской индустрии являются преобладание орудий, изготовленных с помощью двусторонней техники обработки. Фациальные отличия определяются «спецификой орудийных наборов, тогда как их технологические параметры, практически идентичны» [27, с. 216; 26, с. 81-204].

В 1990 г. на правом берегу р. Бурульча, в 5 км южнее с. Ароматное, А.А. Яневичем была открыта многослойная стоянка Буран-Кая 3. Археологическое изучение среднепалеолитических слоев проводилось совместно с Й. Ямадой в 1994 г. Найденные кремневые изделия были объединены в 3 группы индустрий (литологические горизонты 7-12). Первый и второй комплексы находок были соотнесены авторами работ с материалами верхнего слоя Киик-Кобы. Малочисленность находок из третьего горизонта не позволила авторам определить культурно-хронологическую принадлежность найденных изделий [28, с. 279-281]. В 1996-2001 гг. другим коллективом исследователей (В.П. Чабай, Ю.Э. Демиденко, А.И. Евтушенко, Э. Маркс и др.) были вновь произведены археологические раскопки на стоянке Буран-Кая 3. В результате работ была скорректирована стратиграфия культурных напластований. Ими были выделены верхняя и нижняя пачки отложений. К верхней пачке относятся литологические слои 1-6 с культурными напластованиями, датированными от средневековья до граветта. Нижняя пачка отложений представлена литологическими слоями 4-1, с пятью археологическими горизонтами – А, В, С, D, Е. Индустрия слоя «А» относится к среднему палеолиту с «ярко выраженным двусторонним компонентом» [29, с. 65]. Материалы слоя «В» В.П. Чабаем были отнесены к кик-кобинской фации микских памятников Крыма. Индустрия слоев «С», «Е», возможно носит позднепалеолитический облик. Материал слоя «D» также интерпретирован средним палеолитом [29, с. 62-65] и [26, с. 25-26].

В 1996 г. А.И. Евтушенко и В.П. Чабаем в 70 м. от стоянки Аджи-Коба (западный склон Караби Яйлы) в погребенном карстовом гроте была найдена новая палеолитическая стоянка – Караби Тамчин. В ходе проводимых археологических раскопок в 1999–2001 гг. была зафиксирована обширная стратиграфия с переотложенными (слои: 0, IA, I, II/1, IV-A) и «инситу» культурными напластованиями (слои: II/2, III, IV/1, IV/2, V). На основании изучения материала из «инситу» культурных слоев, технико-типологически индустрии слоев II/2 и III схожи с памятники «Западно-Крымского мутье», тогда как материалы слоев IV/2 и V относятся к микокским памятникам Крыма, имеющие схожести с ак-кайской и старосельской фациями [27; 26, с. 151].

С 2001 по 2006 гг. Международной Крымской палеолитической экспедицией в балке Карабай Куба (в 2 км к югу от с. Мироновка Белогорского района) были выявлены памятники Карабай I и Карабай II [31; 32]. Стоянка Карабай I активно изучалась в 2004-2006 гг. В ходе исследования было выявлено двадцать один литологический слой. На памятнике представлено 3 типа индустрий: «эпиграветт / свидерская» (культурный слой 0), леваллуа мутьерская (культурный слой 2, 2А (?)) и микокская (ак-кайская фация, культурные слои 3-5) [32, с. 149]. Стоянка Карабай II расположена в 85 м. западнее стоянки Карабай I. В 2005 г. была произведена шурфовка памятника, в результате работ материковое дно не было достигнуто, культурные остатки приурочены к одиннадцати горизонтам. Среднепалеолитический кремневый материал выявлен в 5, 7, 8, 9, 11 культурных слоях. Технико-типологически культурную принадлежность удалось выявить только для пятого культурного слоя, авторы работ отнесли материал к микокским памятникам Крыма [31, с. 86].

Материалы и наблюдения

Муромское I. Местонахождение находится в пос. Муромское (в 20 км северо-восточнее г. Белогорска) (рис. 1). Поселок расположен в

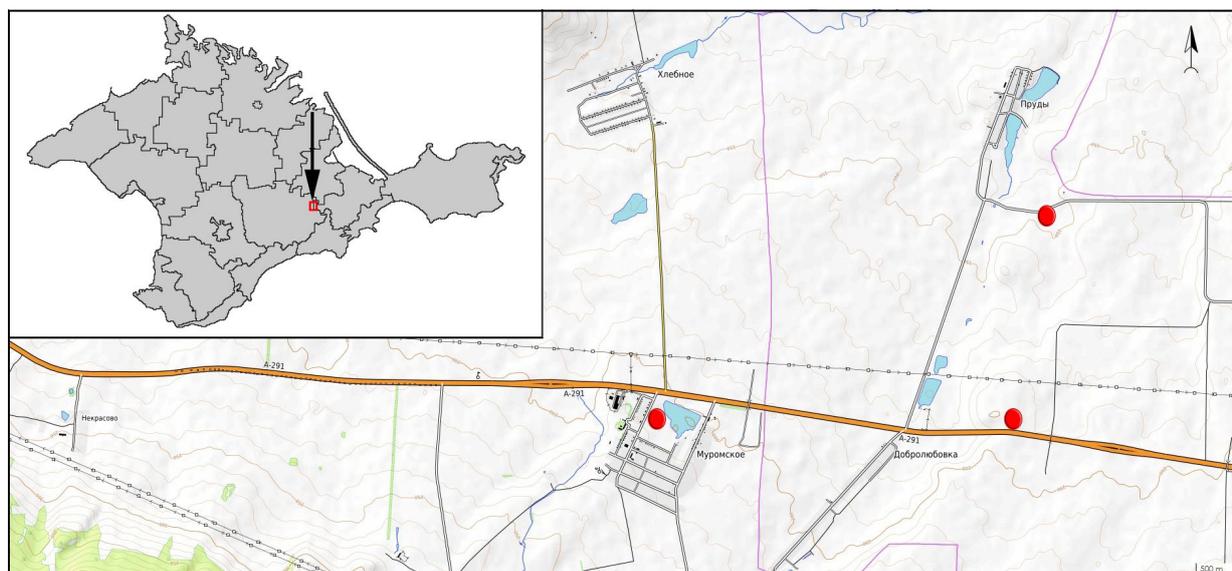

Рисунок 1. Карта местонахождений. Масштаб 500 м.

предгорной части Крымского полуострова, на достаточно ровной поверхности с небольшим уклоном в южную сторону от села. К югу, юго-западу и западу от села расположен крупный горный массив Куболач. К северу от села проходит трасса А-291 «Таврида» за которой располагаются многочисленные пахотные земли. В северо-восточной части села едва виднеется пересохшее русло одного из притоков р. Восточный Булганак (наиболее выражено севернее от трассы «Таврида»). В сельской черте расположен пруд, который перекрывает едва видимое пересохшее русло притока. Местонахождение было выявлено при осмотре размытых западных и южных берегов водоема. Находки изделий среднепалеолитического облика экспонированы в бурых суглинистых отложениях вместе с крупными осадочными породами камня со следами интенсивной окатанности. Среди осадочных пород выделяются известняковые каменные блоки и кремневые желваки серого, темного серого и желтых оттенков. Большая часть кремневых желваков имеет десквамационные растрескивания и сильные краевые повреждения, не связанными с намеренной первичной обработкой. Однако, вместе с многочисленным битым кремнем плохой сохранности, были найдены изделия, которые свидетельствуют о намеренной обработке (рис. 2, 2;

Рисунок 2. Скребловидные изделия среднепалеолитического облика, найденные на местонахождениях. Пруды (1); Муромское (2).

3, 3; 4 1). Предположительно, памятник открытого типа был приурочен к одной из террас высохшего русла притока реки на месте современного водоема. По всей видимости, культурный слой был нарушен ирригационными работами, связанными со строительством водоема, вследствие чего кремневые находки были разнесены на широкой площади. Всего на западной и южной оконечности водоема, было найдено три предмета, относящихся к среднему палеолиту по технико-типологическим признакам. Ниже приведем их полное описание.

Зубчатое скребловидное изделие (рис. 2, 2) изготовлено из первичного отщепы серого мелового полупрозрачного кремня. Размеры – 5,5×6×1,9. Изделие окатанное, с бело-голубой, местами фарфоровидной патиной. На отдельных участках поверхностный слой разрушен. Сколы обработки отмечены по всему периметру изделия. Обработкой затронута также вентральная сторона орудия. Часть негативов «сколов», возможно, связана с постдепозиционными процессами.

Нуклеус радиально-дисковидный (рис. 3, 3), остаточной формы, сильно окатанный. Размеры – 7,4×8×4. Изготовлен из желтого матового мелового кремня, с патиной. Продольное и поперечное сечения – линзовидные.

Рисунок 3. Плоскостные нуклеусы среднепалеолитического облика, найденные на местонахождениях. Пруды (1); Муромское (2).

Нуклеус радиальный (рис. 4, 1), в средней стадии сработанности, с плоско-выпуклым продольным и поперечным сечениями. Размеры – 8,4×9,3×3,5. Изделие покрыто плотной белесой патиной, окатанное. Основа – желтый матовый меловой кремень.

Рисунок 4. Нуклеусы среднепалеолитического облика, найденные на местонахождениях. Муромское (1), Добролюбовка (2).

Пруды I. Местонахождение расположено в 0.7 км юго-восточнее с. Пруды Кировского района (около 30 км юго-западнее от пгт Кировское) (рис. 1). Село локализуется в зоне перехода от равнинного Крыма к горному, непосредственно у северной периферии Внешней гряды Крымских гор, на левом берегу реки Восточный Булганак. Кремневые изделия среднепалеолитического облика были найдены на широкой, регулярно вспахиваемой территории, вместе с выходами мелового кремневого сырья, аналогичному по цветовой палитре найденным на местонахождении Муромское I. Распахиваемый участок, на котором были найдены кремневые изделия, расположен между двумя притоками р. Восточный Булганак (с запада и востока). Предположительно, памятник открытого типа мог находиться неподалеку от одного из двух притоков р. Восточной Булганак. Ввиду регулярной вспашки культурный слой мог быть потревожен и, таким образом, кремневые находки были разнесены по всему периметру вспахиваемой

территории. Об интенсивном перемещении могут свидетельствовать многочисленные беспорядочно расположенные линейные следы бордового оттенка, оставленные лемехом плуга на кремневых находках. Всего было собрано 7 предметов, технико-типологически относящихся к среднему палеолиту. Среди находок выделяются скребловидное орудие и нуклеусы.

Скребло (рис. 2, 1) изготовлено из массивного первичного отщепя желтого матового мелового кремня с шероховатой известковой коркой. Размеры – 7,5×5,1×2,9. Степень окатанности слабая. Сколы формирования лезвий крупные, крутые, формирующие внешний контур изделия. Лезвия по краю с мелкой подправкой, часть мелких сколов со ступенеобразными заломками. По формальным критериям, скребло трехлезвийное, с двумя субпараллельными прямыми и одним диагональным лезвием. Боковой участок вентральной стороны утончен плоскими сколами, напоминающими утончение обушков скребел типа Кина. Аналогичные или близкие по конструкции формы орудий встречаются в памятниках «крымского микока», в частности ак-кайских и старосельских комплексах [26, с. 118, рис. III-25, 1, 3, 5, 6; с. 164, рис. IV-6, 7; с. 167, рис. IV-7, 7, 9; 32, с. 88, рис. 6-8, 5], а также за пределами Крымского полуострова, в Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону [33; 34; 35, рис. 49, 2; 53, 5].

Нуклеус радиально-дисковидный (рис. 3, 1) в средней стадии сработанности, в качестве основы использовалась небольшая конкреция желтого мелового кремня с толстой карбонатной коркой. Размеры – 6,9×8,2×4,7. Изделие окатанное, забитое, со следами железного плуга. Ударные площадки сколов с радиальной ориентацией в ряде случаев грубо фасетированные.

Нуклеус леваллуазский двуплощадочный (рис. 3, 2), остаточной формы. Размеры – 7,6×9,1×2,8. Изготовлен из массивного отщепя мелового кремня. Рабочая поверхность слабовыпуклая, ударные площадки полярные, тонко фасетированные. Тыльная сторона с боковой подправкой. Рабочая поверхность также подправлена сколами с боковых и угловых участков. Подобные нуклеусы имеют схожие аналогии из комплексов «западно-крымского мустье» Кабази-II [26, с. 50, рис. II-8, 1-3].

Нуклеус монофронтальный (рис. 5, 1). Размеры – 8×7,7×4,7. Изготовлен из мелового, окатанного, желвачного кремня. На поверхности предмета имеются свежие краевые повреждения, а также полосы ржавчины от плуга. На вентральной стороне ортогонально расположены боковые сколы подправки.

К монофронтальным нуклеусам, также стоит отнести еще одно изделие (рис. 5, 2). Размеры – 6×7,7×2,8. Ядрище изготовлено из крупного мелового, желвачного отщепя, коричневого цвета. На изделии видна зональная патина, покрывающая до 15% поверхности изделия. Боковые края фронта подправлены крупными и мелкими сколами. На вентральной стороне имеется крупное утончение. Ударная площадка естественная, прямая, гладкая.

Любопытным с точки зрения технологии расщепления, является заготовка нуклеуса (рис. 5). Размеры – 10,4×70,1×30,4. Предмет представлен меловым кремневым желваком, со следами окатанности. На дорсальной

поверхности расположены два крупных негатива, по-видимому, снятых с целью оформления нуклеуса. Ударной площадкой служил негатив скола, расположенный на вентральной поверхности. При снятии двух первичных сколов, нависающий «карниз» выпрямлялся, о чем свидетельствуют мелкие негативы, идущие от ударной площадки.

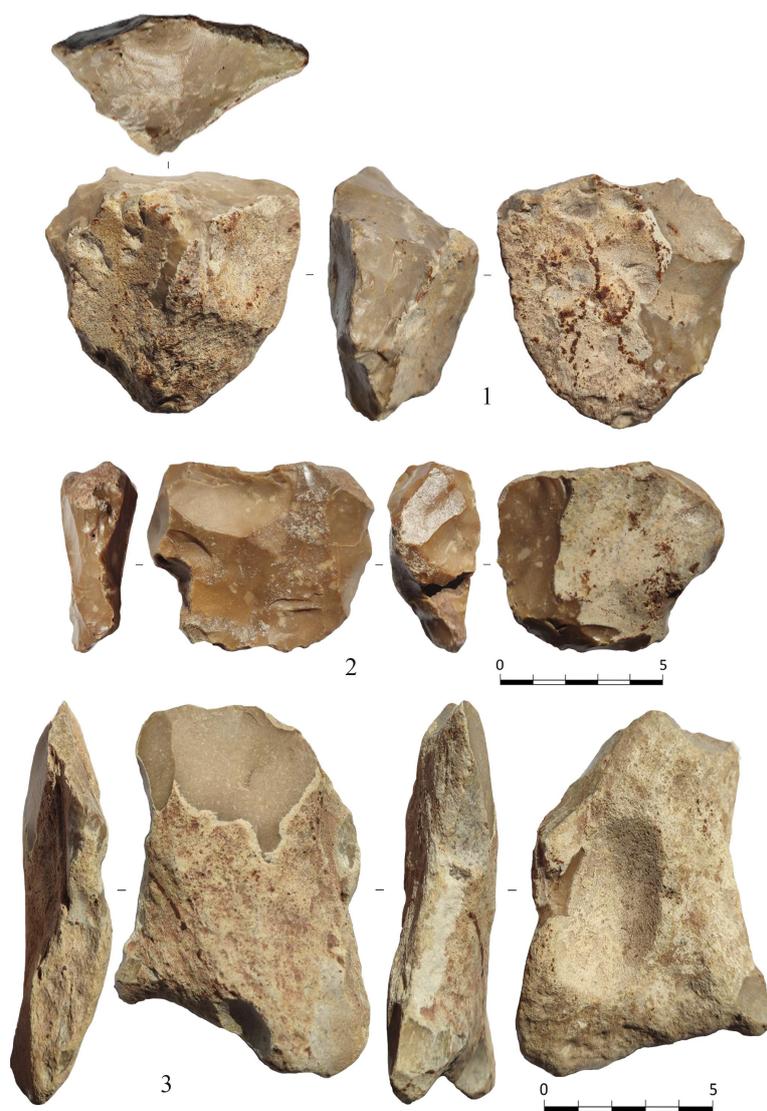

Рисунок 5. Нуклеусы среднепалеолитического облика, найденные на местонахождении Пруды 1 (1-3).

Добролюбовка I. Местонахождение расположено в 1,2 км к северо-востоку от с. Добролюбовка Кировского района (около 32 км на юго-запад от пгт Кировское) (рис. 1). Село расположено на левом берегу реки Восточный Булганак, на границе Белогорского и Кировского района. С. Добролюбовка находится в северной части Внешней гряды Крымских гор, в зоне перехода от равнинного Крыма к горному. Местонахождение расположено на широком регулярно вспахиваемом поле с обильными выходами мелового кремня, аналогичных цветовых оттенков, как и на предыдущих местонахождениях. Пункт сбора подъёмного материала был выявлен в 2,1 км к югу от

вышеописанного местонахождения «Пруды I». Пахотное поле с единственной находкой среднепалеолитической возраста, расположено между двумя руслами притоков р. Восточный Булганак (с востока и запада). Как и в предыдущем случае, стоянка открытого типа могла существовать на одной из террас русла р. Восточной Булганак.

Единичная среднепалеолитическая находка представлена леваллуазским двуплощадочным нуклеусом остаточной формы с подправленными боковыми участками. Размеры – 8,4×6×3. Предмет изготовлен из массивного скола коричневого, полупрозрачного мелового кремня. Предмет слегка окатанный, на всей поверхности изделия обнаружены следы от воздействия плуга, которые проявляются в мелких краевых повреждениях и бордовых пятнах.

Заключение

Исходя из технико-типологических критериев, кремневые изделия из трех пунктов сбора подъемного материала относятся к среднему палеолиту. Часть изделий (рис. 2, 1), вероятно, связаны с «микокским» кругом памятников, известных как в Крыму [26, с. 118, рис. III-25, 1, 3, 5, 6; с. 164, рис. IV-6, 7; с. 167, рис. IV-7, 7, 9; 32, с. 88. Рис. 6-8, 5], так и в Донбассе [33; 35], Северо-Восточном Приазовье и на Нижнем Дону [34]. Леваллуазский двуплощадочный нуклеус (рис. 3, 2) напоминает ядрища из комплексов «западно-крымского мустье» Кабази-II [26, с. 50, рис. II-8, 1-3]. Найденные местонахождения подъемного материала являются первыми свидетельствами возможного существования открытых памятников среднего палеолита на Крымском полуострове, расположенных за пределами скальных навесов. Описанные в данной работе местонахождения, могут служить основой для поиска непотревоженных участков культурного слоя в долине реки Восточный Булганак. Археологические разведки на рассматриваемой территории, могут выявить ранее неизвестные типы памятников среднего палеолита на Крымском полуострове.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
РНФ № 22-68-00010.*

Список источников и литературы:

1. Вишняцкий Л. Б. Глава 1. Открытие палеолита в Крыму. Разведки Межековского // Неизвестные страницы археологии Крыма / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. – СПб.: 2017. – С. 6-18.
2. Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита / Г. А. Бонч-Осмоловский // Труды Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Л., 1934. – Вып. 5. – С. 114-183.
3. Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский. – М.: Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. – 106 с.

4. Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма / Н. Д. Праслов // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 105-143.
5. Гладилин В. Н. Ранний палеолит / В. Н. Гладилин // Археология Украинской ССР: в 3 т. – Киев: Наукова думка, 1985. – Т. 1: Первобытная археология. – С. 12-54.
6. Колосов Ю. Г. Ранний палеолит Крыма / Ю. Г. Колосов, В. Н. Степанчук, В. П. Чабай. – Киев: Наукова думка, 1993. – 223 с.
7. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 2: Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский. – М.: Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1941. – 172 с.
8. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 3: Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский. – М.: Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 400 с.
9. Трусова С. А. Раскопки в пещере Аджи-Коба в 1933 г. / С. А. Трусова // Советская археология. – 1940. – № 5. – С. 272-274.
10. Бадер О. Н. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии 1936 г. / О. Н. Бадер // Советская археология. – 1940. – № V. – С. 301-302.
11. Бадер О. Н. Новая мустьерская стоянка в Крыму / О. Н. Бадер // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1940. – № 6/7. – С. 140-144.
12. Бадер О. Н. Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма / О. Н. Бадер // История и археология Древнего Крыма / отв. ред. П. Н. Шульц; АН УССР, Крымский филиал. – Киев: Изд-во АН УССР, 1957. – С. 7-25.
13. Петрунь В. Ф. О материале каменных орудий Крымского палеолита / В. Ф. Петрунь // Краткие сообщения Института археологии. – 1969. – Вып. 117. – С. 3-12.
14. Колосов Ю. Г. Відкриття нових мустьєрських стоянок в Криму / Ю. Г. Колосов // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. – Київ: Наукова думка, 1972. – Вип. 4. – С. 6-11.
15. Колосов Ю. Г. Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования / Ю. Г. Колосов // Исследование палеолита в Крыму. – Киев: Наукова думка, 1979. – С. 33-56.
16. Колосов Ю. Г. Мустьерские стоянки района Белогорска: к вопросу о периодизации раннего палеолита Крыма / Ю. Г. Колосов. – Киев: Наукова думка, 1983. – 208 с.
17. Колосов Ю. Г. Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом / Ю. Г. Колосов // Исследование палеолита в Крыму / ред. Ю. Г. Колосов. – Киев: Наукова думка, 1979. – С. 157-171.
18. Колосов Ю. Г. Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом 2 (предварительное сообщение) / Ю. Г. Колосов, В. Н. Степанчук // Каменный век: памятники, методика, проблемы. – Киев: Наукова думка, 1989. – С. 61-72.

19. Степанчук В. Н. Пролом-1 – мустьерская стоянка в Крыму / В. Н. Степанчук // Российская археология. – 1994. – № 1. – С. 142-156.
20. Колосов Ю. Г. Алешин грот – новая мустьерская стоянка в Крыму (предварительное сообщение) / Ю. Г. Колосов // Археологический альманах. – Донецк, 1995. – № 4. – С. 75-80.
21. Колосов Ю. Г. Нові факти середньопалеолітичної індустрії Східного Криму / Ю. Г. Колосов, В. М. Степанчук // Зап. НТШ. – Львів, 1998. – Т. ССХХХV: Праці археологічної комісії. – С. 38-61.
22. Гладилин В. Н. Принципы и критерии локального подразделения раннего палеолита / В. Н. Гладилин // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев: Наукова думка, 1980. – С. 21-38.
23. Колесник А. В. Проблема культурного членения памятников среднего палеолита Восточной Европы в 60-90-е гг. XX в.: историографический обзор / А. В. Колесник // Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – 2022. – № 3 (82). – С. 38-51.
24. Чабай В. П. Аккайцы в Западном Крыму: Кабази-II, культурный слой III / В. П. Чабай // Археологический альманах. – Донецк, 1999. – № 8. – С. 51-76.
25. Чабай В. П. Палеолит Крыма: методы исследований и концептуальные подходы / В. П. Чабай, Ю. Э. Демиденко, А. И. Евтушенко. – Симферополь; Киев: Сонат, 2000. – 104 с.
26. Чабай В. П. Средний палеолит Крыма: стратиграфия, хронология, типологическая вариабельность, восточно-европейский контекст / В. П. Чабай. – Киев: Шлях, 2004. – 324 с.
27. Евтушенко А. И. Многослойная стоянка Караби-Тамчин: характеристика комплексов / А. И. Евтушенко // Варіабельність середнього палеоліту України: матеріали круглого столу, 11-12 листопада 2002 р. – Київ, 2003. – С. 207-243.
28. Ямада Й. Раскопки стоянки Буран-Кая 3 в Восточном Крыму / Й. Ямада, А. А. Яневич // Археологические исследования в Крыму, 1994 год / отв. ред. В. А. Кутайсов. – Симферополь, 1997. – С. 277-281.
29. Чабай В. П. Особенности перехода от среднего к позднему палеолиту в Крыму / В. П. Чабай // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2000. – № 1. – С. 54-83.
30. Грот Буран-Кая-III, слой В – эталонный памятник кииккобинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ кремневых артефактов / Ред. Ю. Э. Демиденко. – Симферополь; Киев: Шлях, 2004. – 276 с.
31. Евтушенко А. И. Палеолитические стоянки Карабай I и Карабай II: предварительные результаты исследований / А. И. Евтушенко // Археологический альманах. – 2009. – № 20. – С. 77-88.
32. Евтушенко А. И. Карабай I, палеолитическая стоянка в Восточном Крыму / А. И. Евтушенко, В. П. Чабай // Археологический альманах. – 2012. – № 26. – 164 с.

33. Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса / А. В. Колесник // Археологический альманах. – Донецк, 2002. – № 12. – 294 с.

34. Колесник А. В. Памятники «Востоchnомикоксского типа» Донбасса и Северо-Восточного Приазовья / А. В. Колесник // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2018. – № 17. – С. 141-150. – DOI: 10.31600/2310-6557-2018-17-141-150

35. Колесник А. В. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца / А. В. Колесник, А. П. Весельский // Археологический альманах. – Донецк, 2005. – № 13. – 166 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94:327(4) "1940\1945"

DOI: 10.5281/zenodo.19114115

EDN: IEQGZB

Н.А. Харьковская

старший преподаватель кафедры дополнительного профессионального образования ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. Владимира Даля»

E-mail: n_harkov@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОГО ПРЕМЬЕРСТВА УИНСТОНА ЧЕРЧИЛЛЯ (1940 – 1945 ГГ.)

Аннотация

В статье анализируются основные работы российских авторов по исследованию англо-советских отношений в период первого пребывания Уинстона Черчилля на посту премьер-министра Великобритании. В работе выделены основные проблемы, над которыми уже долгое время работают исследователи при изучении данного периода международных отношений, определена степень изученности темы исследования, а также оценивается вклад отечественных ученых в исследование проблемы формирования англо-советских отношений.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, историография, Великобритания, Уинстон Черчилль.

Summary

The article analyzes the main works of domestic authors on the study of Anglo-Soviet relations during the first tenure of Winston Churchill as Prime Minister of Great Britain. The paper highlights the main problems that researchers have been working on for a long time in studying this period of international relations, determines the degree of study of the research topic, and evaluates the contribution of domestic scientists to the study of the problem of the formation of Anglo-Soviet relations.

Keywords: USSR, the Great Patriotic War, historiography, Great Britain, Winston Churchill.

Проблема англо-советских отношений в период первого премьерства Уинстона Черчилля (1940–1945 гг.) неоднократно затрагивалась в работах отечественных и зарубежных историков, политологов, дипломатов, видных государственных деятелей и ученых. Тем не менее, на сегодняшний день в исторической науке не сложилось единого мнения по ряду важных аспектов англо-советских отношений в этот период. К наиболее проблемным вопросам можно отнести: открытие Второго фронта, значение британских поставок вооружения, влияние личностного фактора И.В. Сталина и У. Черчилля на политику, проводимую СССР и Великобританией, торгово-финансовые отношения между государствами и др.

Цель работы состоит из двух ключевых аспектов: во-первых, дать анализ наиболее значимых трудов советско-российских историков по указанной тематике, которые до сих пор не утратили своей актуальности и привлекаются современными авторами в качестве основы для новых исследований, а во-вторых – проследить, как менялись взгляды отечественных авторов на характер и перспективы развития англо-советских отношений и чем это было обусловлено.

Говоря о советских историках, занимавшихся изучением англо-советских отношений, необходимо упомянуть Федора Дмитриевича Волкова, как одного из первых авторов, который провел комплексное исследование взаимоотношений Великобритании и СССР в период Второй мировой войны. Его работа «СССР – Англия. 1929-1945 гг.: Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны» представляет собой яркий пример классического взгляда советских историков 1950-1970-х гг. на отношения между Советским Союзом и капиталистическими странами во время конфликта. Название главы V данной книги звучит следующим образом: «Английская политика поощрения фашистской агрессии против СССР», что весьма четко характеризует отношение автора к британской политике на протяжении всей работы. Так, по поводу второго фронта Ф.Д. Волков говорит о нежелании со стороны Великобритании и США помогать Советскому Союзу и активном саботировании ими открытия второго фронта, вызванным не объективными обстоятельствами, а исключительно политическими причинами, в частности – разностью целей в текущей войне [1, с.392]. Ф.Д. Волков характеризует Черчилля как политика совершенно бесчестного и готового использовать любые методы в ущерб другим государствам, лишь бы достичь целей, которые стоят перед Великобританией.

Исследование Ф.Д. Волкова было построено на анализе противопоставления интересов СССР и англо-американских союзников. Подобный подход на тот момент являлся весьма распространенным и разделялся многими советскими учеными, среди которых: можно указать Б.С. Тельпуховского, П.А. Жилина, Н.Д. Козлова, И.Н. Ундасынова, В.Г. Трухановского и др. [2; 3; 4; 5; 6].

Критический взгляд отечественных авторов на политику Великобритании и США, а также деятельность союзников по затягиванию открытия второго

фронта был обусловлен целым рядом факторов, первым из которых необходимо назвать идеологическое противостояние между капитализмом и социализмом. Если проследить всю историю российско-британских отношений, можно с уверенностью сказать, что Великобритания и Россия почти никогда не были связаны доверительными союзническими обязательствами. Причиной этого является то, что в период колониального соперничества интересы России и Великобритании столкнулись в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Дальнейшие противоречия между государствами неоднократно приводили их к острой геополитической борьбе за влияние в Иране и Китае, а потому и отношения Великобритании с Советским Союзом, который продолжал отстаивать свои интересы в данных регионах, постоянно оставались напряженными.

После создания СССР, существовавшие ранее в отношениях двух государств геополитические противоречия, усугубились ещё и идеологической составляющей, в связи с чем, Великобритания неоднократно преподносилась в исследованиях советских историков в качестве врага. Верно и обратное – в зарубежных исследованиях того же периода, Советский Союз выступал как экспансионистское государство, стремящееся к постоянному расширению и увеличению своего влияния [7; 8; 9]. Таким образом, можно констатировать, что после Фултонской речи У. Черчилля и начала периода Холодной войны как отечественная, так и зарубежная историография долгое время выступала в качестве одного из средств ее ведения, что и обусловило распространенность среди советских авторов критического подхода по отношению к действиям союзников во время Второй мировой войны.

Однако, идеологическое противостояние – это далеко не единственный фактор, повлиявший на советскую историографию того периода. К другим факторам можно отнести наличие в Советском Союзе вплоть до конца 1980-х гг. цензуры, требовавшей от всех ученых опираться на марксистско-ленинскую идеологию. На сегодняшний день, не найдется информации ни об одном советском историке, который проживая в СССР сделал бы успешную карьеру придерживаясь в своих исследованиях иного подхода. При написании собственной работы историкам в Советском Союзе настойчиво рекомендовалось ссылаться на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, независимо от того, было ли их историческое исследование непосредственно связано с основными постулатами марксизма.

Говоря о цензуре, также следует отметить, что советские авторы, которые занимались исследованием англо-советских отношений в период 1939-1945 гг., нередко закрывали глаза на просчеты советского партийного руководства и стремились в своих работах сместить акцент на ошибки британского правительства. В качестве примера можно отметить, что Ф.Д. Волков в своей работе «СССР – Англия. 1929-1945 гг.: Англо-советские отношения накануне и в период Второй мировой войны» указывает, что промедление союзников в вопросе открытия Второго фронта угрожало Советскому Союзу огромными жертвами как среди мирного населения, так и среди Красной армии [1, с.421],

тем самым обвиняя Великобританию в смертях тысяч советских граждан. При этом, автор ни разу не упоминает о том, что в случае более объективной оценки советским руководством угрозы, исходившей от Германии накануне войны, также можно было бы избежать колоссальных потерь среди населения Советского Союза на раннем этапе вторжения немецко-фашистских захватчиков. Примечательно, что замечания в отношении военно-стратегических решений Сталина отсутствуют и в других работах советских авторов 1950-х-1970-х гг. [10; 11; 12]. На наш взгляд, именно в таком ключе и проявлялось наличие цензуры в СССР: многие советские авторы старались сместить акцент своих работ с ошибок отечественных государственных деятелей на просчеты правительств Великобритании и других союзников.

Подобная позиция советских ученых была во многом обусловлена еще одним фактором, повлиявшим на характер советских исторических исследований англо-советских отношений во время войны, а именно – оценкой действий союзников не только со стратегической, но и с моральной точки зрения. Причем, говоря о последней, у советских авторов в этом вопросе было явное преимущество, ведь большая часть войны с Германией прошла на территории Советского Союза, а победа была добыта кровью советских солдат. По этой причине, неудивительно, что во многих работах советских авторов допускаются яркие оценочные суждения, например, говоря о «вероломных действиях союзников» [10, с.105] или же британских «империалистах» [1, с.279], которые стремились к «мировому господству» [12, с.68] советские авторы уже давали определенную оценку действиям Великобритании и США. На наш взгляд, подобное отношение мешало проводить беспристрастные исследования и учитывать объективные интересы не только СССР, но и союзников.

С одной стороны, советских историков можно понять, ведь последствия Великой Отечественной войны оказали огромное влияние на сознание советского народа, однако с другой стороны, прибегать к эмоциональной оценке при исследовании политических событий несколько необоснованно. Ведь у союзников также, как и у Советского Союза, были собственные военно-стратегические цели, которых они стремились добиться, а включение в работы советских историков собственных моральных оценок искажало восприятие читателя, не давая ему сделать собственных выводов.

Таким образом, следует отметить, что большая часть трудов советских историков в 1950-1970-х гг. отражала лишь одну точку зрения на проблемы англо-советских отношений: советские авторы считали корнем всех проблем нежелание Великобритании исполнять союзнические обязательства, ввиду эгоизма британского правительства. Советские историки обычно замалчивали тот факт, что СССР, являясь могущественным геополитическим оппонентом Великобритании, представлял реальную угрозу британскому влиянию на постколониальном пространстве. Причем лишь одними своими силами Великобритания в случае прямого вооруженного конфликта не имела бы реальных возможностей для противостояния Советскому Союзу. Кроме того,

коммунистические идеи находили широкое сочувствие среди рабочего класса капиталистических государств, а потому для Англии всегда существовал риск того, что стабильность ее политического режима будет нарушена.

Также позиция советских ученых не учитывала, что для Великобритании полномасштабная сухопутная война с Германией долгое время не являлась объективной необходимостью, ведь основные силы немецко-фашистских захватчиков были задействованы на территории континентальной Европы и Советского Союза. Кроме того, до мая 1942 года Великобритания и СССР не были связаны никакими конкретными союзническими обязательствами, в связи с чем, первые просьбы об открытии Второго фронта, начало которым было положено в письме И.В. Сталина У. Черчиллю 18 июля 1941 года, являлись беспочвенными, так как, на тот момент Советский Союз все еще не был официально признан союзником Великобритании в данной войне.

С учетом вышесказанного, считаем справедливым согласиться с мнением доктора исторических наук Л.Н. Мазур, которая отмечает, что советская историография военного и послевоенного периодов долгое время была основана на понимании войны, присущем И.В. Сталину, а потому на тот момент «характер отображения военной реальности» во многом определялся «задачами пропаганды» [13, с.128]. Таким образом, резкая критика советскими авторами действий британского правительства по неисполнению своих союзнических обязательств, в частности – по открытию Второго фронта, не всегда учитывала объективно значимые интересы Великобритании и представляла собой скорее идеологическую позицию СССР в данном конфликте.

Ощутимый отход от наиболее распространенного в Советском Союзе мнения о вынужденном характере взаимоотношений союзников содержит исследование В.Л. Исраэляна «Антигитлеровская коалиция. 1941-1945: (дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй Мировой войны)», которое привнесло в отечественную историографию новую точку зрения на союзнические отношения. В.Л. Исраэлян был одним из первых советских авторов, кто начал рассматривать антигитлеровскую коалицию не только в качестве временно собранных крайней необходимостью потенциально враждебных друг другу государств, но и как великое достижение союзников, сумевших уладить свои внутренние разногласия ради сохранения мира [11]. Данное исследование было опубликовано в 1964 году и отличалось от большинства прочих работ этого периода тем, что автор предпринял попытку взглянуть на проблемы англо-советских отношений не только со стороны СССР, но и обрисовать общую картину развития дипломатических отношений с учетом внутренних обстоятельств Великобритании и США.

Работа В.М. Кулиша «История Второго фронта» стала следующим шагом на пути к более детальному исследованию проблемы открытия Второго фронта и развития англо-советских отношений в целом [12]. В своей монографии В.М. Кулиш предлагает более подробный анализ причин, по которым Великобритания и США смогли начать наступление в Европе лишь в 1944 году.

Особенностью данной работы является то, что в отличие от многих предыдущих авторов, В.М. Кулиш оценивает целесообразность и реальные возможности открытия Второго фронта не только со стороны СССР, но и со стороны союзников. В своем исследовании, В.М. Кулиш гораздо реже дает идеологические оценки действиям Великобритании и США, больше внимания уделяя объективным причинам пересмотра союзниками вопроса открытия Второго фронта в Европе.

Особое внимание хотелось бы обратить на такой обширный труд, как «История дипломатии» в 5-ти томах [14]. Четвертый том данной работы, изданный в 1975 году и посвященный дипломатии в годы Второй мировой войны, содержит официальную точку зрения Советского Союза на историю развития дипломатических отношений. В данной работе оценочные суждения на основе морали сведены к минимуму, что является ее несомненным преимуществом, однако, события, касающиеся открытия союзниками Второго фронта, все еще преподносятся односторонне и рассматриваются с точки зрения СССР.

Одним из наиболее значительных достижений советской историографии стала «Дипломатическая история Второго фронта в Европе», написанная И.Н. Земсковым [15]. Данный труд заслуживает пристального внимания, как полноценное и многостороннее исследование не только англо-советских отношений, но и отношений между самими союзниками по вопросу открытия второго фронта. И.Н. Земсков рассматривает США и Великобританию не только как единый блок капиталистических держав, имевших общий интерес, но и как разные государства, со своими индивидуальными политическими мотивами. В особенности это выражается при описании отношения Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля к вопросу открытия Второго фронта. При этом, на фоне исследования проблемы Второго фронта И.Н. Земсков рассматривает отношения между лидерами «большой тройки», отмечая большее взаимопонимание, сложившееся между Сталиным и Рузвельтом, в то время как отношения советского лидера с Черчиллем описываются не настолько близкими и доверительными. Большое внимание, которое И.Н. Земсков уделяет вопросу межличностных отношений, сложившихся в ходе переговоров между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, позволяет лучше понять мотивы, цели и образ действий каждого из лидеров «большой тройки». Помимо этого, И.Н. Земсков ввел в научный оборот множество архивных документов, что придает его работе еще большую значимость. И даже несмотря на то, что в работе И.Н. Земскова общая концепция противопоставления двух разных идеологий осталась по своей сущности неизменной, автор в значительной степени отошел от резкой критики действий Великобритании и США и более подробно охарактеризовал характер взаимодействия лидеров союзнических государств, что, на наш взгляд, привело к значительному прогрессу на пути к объективному исследованию англо-советских отношений.

Схожая попытка рассмотреть англо-советские отношения шире, чем это было ранее также была предпринята А.Ю. Борисовым, который в своей работе

«СССР и США: союзники в годы войны, 1941-1945» рассматривает, почему отношения между СССР и союзниками так и не смогли стать действительно дружескими, а остались на уровне исключительно союзнических. Важную роль в этом вопросе играет анализ взаимоотношений США и Великобритании по поводу открытия второго фронта. А.Ю. Борисов, в отличие от многих своих предшественников, говорит о том, что США не были ведомы Великобританией при проведении операции «Факел». Более того, автор отмечает, что Рузвельт «был достаточно сильной политической фигурой, чтобы принимать самостоятельные решения» [10, с.101], однако, предпочитал оставаться в тени, ссылаясь на то, что инициатором наиболее противоречивых планов союзников, таких как высадка в Северной Африке, был У. Черчилль. При этом, несмотря на новый подход к рассмотрению американской позиции в вопросе открытия Второго фронта в работе А.Ю. Борисова резкие оценочные суждения более всего проявляются не в адрес Президента США, а в отношении премьер-министра Великобритании, «уязвленного» тем [10, с. 104], что в Советском Союзе называли вещи своими именами. Это, в свою очередь, дает основания полагать, что общее мнение советских авторов об Уинстоне Черчилле как о человеке, ставшим главным препятствием на пути преодоления противоречий между СССР и Великобританией, осталось неизменным.

Период «перестройки» в советском обществе ознаменовался значительными изменениями в отечественной историографии. С середины 1980-х гг. партийная цензура начинает значительно ослабевать, а отечественные авторы получают доступ к ранее засекреченным документам¹. Публикация новых документов позволила отечественным авторам более основательно подойти к исследованию англо-советских отношений в годы Второй мировой войны. Трудно сказать, что рассекреченные сведения в корне поменяли точку зрения историков, т.к. полученная информация преимущественно носила дополнительный и уточняющий характер. Тем не менее, такие события как признание Советским Союзом существования секретного дополнительного протокола и публикация спецсообщения П.М. Фитина о планах Англии в отношении Кавказских нефтепромыслов давали отечественным ученым более детальное представление о сложившейся

¹ В 1989 году Съезд народных депутатов СССР по вопросу о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении принял Постановление, в котором было сказано, что несмотря на отсутствие подлинников секретного дополнительного протокола в советских и в зарубежных архивах «графологическая, фототехническая и лексическая экспертиза копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования» [16]. Съезд народных депутатов подтвердил, что при ратификации Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией «скрылся тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии» [16]. В дальнейшем также начинают публиковаться ранее засекреченные документы НКВД, например, «Спецсообщение П.М. Фитина И.В. Сталину о планах Англии в отношении Кавказских нефтепромыслов», которое впервые было опубликовано в Очерках истории российской внешней разведки в 1999 году и содержало информацию, относительно тайных планов Великобритании по уничтожению кавказских нефтепромыслов в том случае, если возникнет риск их захвата немцами [17, с.533-555].

ситуации и позволяли несколько иначе взглянуть как на планы союзников, так и на политику СССР.

С распадом Советского Союза в отечественной историографии появилось гораздо больше мнений по всем проблемным вопросам англо-советских отношений: ленд-лиз, открытие Второго фронта, политические цели и мотивы союзников – все это стало подвергаться более детальному и критическому анализу. Некоторые из авторов, которые писали незадолго до распада Советского Союза и в первое время после этого, такие как О.А. Ржешевский, В.А. Золотарев, А.С. Орлов и т.д. в своих работах продолжают придерживаться идеи противопоставления политики СССР и Великобритании, ставшей за это время уже традиционной в научных кругах, однако, их исследования насчитывают уже гораздо меньше резких и порой неуместных моральных оценок действий союзников [18; 19; 20].

После распада СССР, основное направление в котором советские авторы исследовали отношения Великобритании и СССР (как вынужденное сотрудничество во время войны и не более того) осталось наиболее распространенным в отечественной науке. Причиной этого, на наш взгляд, является то, что сама идея исследования англо-советских отношений на основе противопоставления политики двух государств, имевших в войне совершенно разные интересы, в своей сущности верна, ведь Великобритания и СССР в силу глубоких геополитических противоречий попросту не могли прийти к установлению тесных дружеских отношений даже на фоне немецкой угрозы. Однако, в отличие от работ 1950-1960-х гг., в которых данная идея раскрывалась во многом посредством одностороннего осуждения советскими авторами действий союзников, в 1990-х и 2000-х гг. историки стали оценивать политику обеих стран более объективно, говоря о том, что у каждого государства были свои причины поступать так или иначе во время войны.

В этом ключе следует отметить такой объемный исторический труд как «Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-1991», изданный под редакцией профессора А.Д. Богатурова. В первом томе данной работы критически оцениваются не только действия союзников, но и СССР. Отмечается, что Сталин был весьма сложным в переговорах человеком, а высадка союзников в Северной Африке оценивается более лояльно, т.к. их помощь в данном регионе все же стала определенной поддержкой, без которой Советскому Союзу было бы еще труднее. «Это было не то, чего хотел Сталин, и все понимали это. Но это было значительной активизацией военных действий в районе Средиземноморья», – так оцениваются действия союзников в Северной Африке [21, с.248].

Современные авторы уже почти полвека не стеснены рамками партийной идеологии и «железным занавесом», в связи с чем, количество точек зрения и концепций рассмотрения англо-советских отношений в последнее время значительно возросло. Известно, что далеко не все документы еще рассекречены и ряд аспектов англо-советских отношений по сей день остается неизученным, однако, важным моментом современной отечественной

историографии является критический подход к действиям не только Великобритании, но и Советского Союза. Критический анализ действий обеих сторон в войне позволяет не просто понять, чем руководствовались то или иное государство, но раскрывает сами принципы, на которых строились англо-советские отношения в этот период.

Что же касается взглядов современных авторов на англо-советские отношения, то в настоящее время в отечественной историографии представлены самые разные точки зрения на этот вопрос. Так, М.И. Семиряга в своей работе «Тайны сталинской дипломатии, 1939-1941» отмечает многие просчеты партийного руководства и лично Сталина, которые в конечном итоге привели к огромным потерям населения и территорий в самом начале войны, чем доказывает тот факт, что многих потерь среди советских войск можно было избежать и без открытия Второго фронта [22]. Диаметрально противоположной точки зрения на этот вопрос придерживается Л.Н. Нежинский, который закрывает глаза на ряд недочетов со стороны компартии, говоря о том, что Советский Союз стремился к миру и всеми силами пытался оттянуть наступление Германии [23].

Попытки рассмотреть англо-советские отношения и проблему открытия второго фронта, принимая в расчет взаимоотношения между Великобританией и США, предпринимают в своих работах О.А. Чуркина и В.О. Печатнов, делая акцент на том, что второй фронт не был открыт в 1942 году исключительно из-за британской позиции по данному вопросу, в то время как в США понимали, насколько важную роль должна была сыграть высадка союзных войск в Европе [24; 25].

Также следует отметить, что с началом периода «перестройки», который ознаменовался завершением наиболее острого этапа холодной войны и временным потеплением отношений между СССР и зарубежными государствами, немалую популярность приобрел такой ракурс исследования, при котором авторы не столько выделяют противоречия англо-советских отношений, сколько оценивают заслуги единения антигитлеровской коалиции. Одной из работ, которая внесла значительный вклад в развитие подобной точки зрения является книга под названием «Союзники в войне, 1941-1945», написанная коллективом отечественных и зарубежных авторов [26]. В работе делается акцент на то, что война против стран «Оси» вызвала глубокий патриотический подъем во всех государствах, боровшихся против нацизма, и в значительной степени выражается идея единения общего стремления союзников прийти к одной цели – победе над фашистской Германией. И пусть данный подход к исследованию англо-советских отношений не являлся чем-то новым, на наш взгляд, показательным моментом стало объединение советских, английских и американских авторов для работы над единой книгой. В дальнейшем же подобная линия в исследовании англо-советских отношений была продолжена в работах М.Ю. Мягкова «СССР во Второй мировой войне», Л.В. Пономаренко и О.С. Чикризовой ««Большая тройка» (И. С. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль): союзники во имя мира» и др. [27, с.30] и [28, с.78].

В то же время, ряд современных авторов продолжает придерживаться традиционной концепции критического анализа британской политики по вопросу ее целей в войне, которые, собственно, и обусловили трудности налаживания взаимоотношений между СССР и Великобританией. Причем в многочисленных исследованиях главным камнем преткновения англо-советских отношений выступает именно вопрос открытия Второго фронта и извечное желание британцев вести войны чужой кровью. Из отечественных авторов, придерживающихся данной позиции одни говорят, что высадка союзников в Европу затянулась из-за того, что Великобритании было выгодно как можно дольше изматывать Советский Союз напряженным противостоянием с Германией [29; 30], другие же отмечают, что У. Черчилль в первую очередь хотел защитить колониальные претензии англичан, а потому Северная Африка его волновала гораздо больше, чем Второй фронт в Европе [31], однако, общая концепция исследования проблемы открытия второго фронта в работах данных авторов остается схожей с советской [32; 33; 34].

Как было сказано ранее, по нашему мнению, классический подход к исследованию англо-советских отношений, основанный на идее противопоставления политики СССР и Великобритании, имеет право на существование и во многом является справедливым. Тем не менее, основной проблемой присущей данному подходу является то, что порой даже современные авторы допускают резкие оценочные суждения в отношении действий союзников. Считаем, что в вопросе открытия Второго фронта не может быть лишь одной правой стороны: как у Советского Союза были причины требовать открытия Второго фронта (минимизация жертв советской армии и населения, ускорение победы над Германией), так и у Великобритании были свои основания для оттягивания данной операции (недостаток вооруженных сил, трудности с преодолением пролива Па-де-Кале и угроза, исходившая от Советского Союза и его коммунистической идеологии). В связи с этим, необходимо рассматривать события прошлого как можно более беспристрастно, опираясь не на современное состояние российско-британских отношений, а на реальные факты и политические реалии того времени, при этом учитывая интересы обеих сторон – к чему, по нашему мнению, и идет современная историография англо-советских отношений периода Второй мировой войны.

В период после распада СССР значительно изменился подход к рассмотрению личности самого Черчилля и оценки его действий по установлению англо-советских отношений. Если в советской историографии У. Черчилль чаще всего показан в негативном ключе из-за его нежелания открывать Второй фронт, а также в связи с Фултонской речью, то ряд современных авторов предпринимает попытки рассмотреть личность и влияние британского премьер-министра на англо-советские отношения, с другой стороны. Так, в работе В.П. Титова «Уинстон Черчилль: дипломатия Великобритании в период Второй мировой войны» Черчилль показан как политик, сочувствовавший участи Советского Союза, однако, в силу

объективных обстоятельств (недостаток в распоряжении Великобритании сухопутных сил, трудности с преодолением пролива Па-де-Кале и т.д.), не имеющий возможности что-либо сделать, кроме как лично сообщить Сталину о том, что Великобритания еще какое-то время не сможет помочь СССР путем открытия Второго фронта в Европе [35, с.156]. Другой российский историк – Н.Д. Козлов, отмечает заслугу У. Черчилля в том, что, будучи ярким сторонником антикоммунистических идей, британский премьер-министр одним из первых осознал реальную необходимость пойти на сотрудничество с Советским Союзом и вопреки личным убеждениям оказал СССР необходимую поддержку [36, с.107-108].

В целом же, личность У. Черчилля продолжает вызывать у отечественных историков и публицистов немалый интерес. При этом одни авторы отзываются о его влиянии на англо-советские отношения положительно, подчеркивая заслуги британского премьер-министра [37], тогда как другие продолжают следовать классическому подходу оценки его действий как исключительно антисоветских, говоря о том, что исходившая от Великобритании помощь была настолько минимальной, насколько это было возможно [38; 39]. Однако, практически все отечественные авторы едины в том, что У. Черчилль оказал значительное влияние не только на англо-советские отношения, но и на послевоенный миропорядок [40].

В этом ключе необходимо отметить, что несмотря на неоднократные попытки подробно рассмотреть личность британского премьер-министра, комплексных исследований, относительно его непосредственного влияния на англо-советские отношения проведено не было, в связи с чем, данный вопрос до сих пор остается актуальным, т.к. анализ мотивов и целей, которыми руководствовался У. Черчилль при проведении своей политики поможет лучше понять общий британский подход к установлению отношений с СССР (Россией).

Подводя итоги, следует сказать, что современная российская историография англо-советских отношений 1940-1945 гг. прошла длительный путь своего становления, который, на наш взгляд, можно условно разделить на три этапа:

1. Послевоенный период (1950-е-1970-е гг.). Работы большинства советских авторов на этом этапе часто характеризуются односторонним исследованием взаимоотношений союзников во время войны, яркими идеологическими вставками и моральным осуждением действий Великобритании. Популярны отечественные исследования в данный период построены исключительно в рамках марксистско-ленинской теории;

2. Период «перестройки» и распада Советского Союза (1980-е-1990-е гг.). Смягчение государственной политики в области свободы слова позволило советским авторам несколько иначе взглянуть на проблему англо-советских отношений. Советские историки стали отходить от оценки действий британского правительства с моральной точки зрения и сосредоточились, прежде всего, на политических причинах тех или иных действий союзников. В

тоже время, появляются работы, пропитанные исключительно критикой советского режима, которая в большинстве своем, не имела под собой достаточную аргументацию. Такие работы являлись скорее отражением западного видения англо-советских отношений в период Второй мировой войны, но никак не объективными исследованиями;

3. Современный период (2000-е-наше время). Начало данного этапа связано со стабилизацией внутренней и внешней политики Российской Федерации, что в том числе привело к дальнейшему развитию научной сферы. Современной отечественной историографии характерен более критический подход к исследованию как политики Великобритании, так и Советского Союза, что позволяет приходиться к более обоснованным выводам, учитывая интересы каждой стороны.

На сегодняшний день, российские историки во многом отошли от резких оценочных суждений в отношении действий союзников, которые часто встречались в трудах советских авторов в 1950-1970-х гг. При этом, выработанный советскими учеными подход к исследованию англо-советских отношений на основе идеи противопоставления политики СССР и Великобритании остается доминирующим в отечественной историографии, что, по нашему мнению, является разумным, т.к. между СССР и Великобританией в силу глубоких геополитических противоречий были невозможны тесные дружеские отношения. В связи с этим, взаимоотношения между Москвой и Лондоном, на сегодняшний день также остаются весьма неоднозначными, что еще раз подчеркивает необходимость детального исследования англо-советских отношений в целях глубокого понимания принципов, которыми британское правительство руководствуется в отношениях с Россией по сегодняшний день.

Список источников и литературы:

1. Волков Ф.Д. СССР – Англия. 1929–1945 гг.: Англо-советские отношения накануне и в период Второй мировой войны. – М.: Международные отношения, 1964. – 559 с.
2. Тельпуховский Б.С. КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне / Б. С. Тельпуховский, д-р ист. наук. – М.: Знание, 1970. – 48 с.
3. Жилин П.А. О войне и военной истории / П. А. Жилин. – М.: Наука, 1984. – 543 с.
4. Козлов Н.Д. Сражающаяся партия / Ген.-майор Н. Д. Козлов, канд. ист. наук, полк. А. Д. Зайцев, канд. ист. наук. – М.: Воениздат, 1975. – 269 с.
5. Ундасынов И.Н. Рузвельт, Черчилль и Второй фронт. – М.: Наука, 1965. – 136 с.
6. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. – М.: Международные отношения, 1982. – 464 с.
7. Большая стратегия / Под ред. и с вступ. статьей ген.-лейт. Н. А. Ломова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958-1961. – 12 т.

8. Большая стратегия: Т. 6 (Октябрь 1944 - август 1945) / Дж. Эрман; Пер. с англ. Г.Я. Коблова. – 1958. – 404 с.
9. Miner S.M. Between Churchill and Stalin: The Sov. Union, Great Britain, and the origins of the Grand Alliance / Steven Merritt Miner. – Chapel Hill; London: Univ. of North Carolina press, Cop. 1988. – 319 p.
10. Борисов А.Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941-1945 / А.Ю. Борисов. – М.: Междунар. отношения, 1983. – 286 с.
11. Израэлян В.Л. Антигитлеровская коалиция. [1941-1945]: (дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны). – М.: Международные отношения, 1964. – 608 с.
12. Кулиш В.М. История Второго фронта. – М.: Наука, 1971. – 659 с.
13. Мазур Л.Н. Война и историческая наука: особенности отражения военной тематики в отечественной историографии сталинской эпохи (1930-е – первая половина 1950-х годов) / Л.Н. Мазур // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2022. – № 1 (56). – С. 122-133.
14. История дипломатии в 5 Т. / под ред. А.А. Громько и др. – изд. 2 перераб. и доп. – М.: Госполитиздат, 1959–1979.
15. Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе / И.Н. Земсков. – М.: Политиздат, 1982. – 319 с.
16. Постановление съезда народных депутатов СССР о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года // Вести. Министерства иностранных. дел СССР. – 1990. – № 2. – С. 7-13.
17. Спецсообщение П.М. Фитина И.В. Сталину о планах Англии в отношении Кавказских нефтепромыслов. 22 сентября 1941 г. // Опубликовано: Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 4. 1941-1945 годы. – М., 1999. – С. 533-535.
18. Ржешевский О.А. История Второго фронта: война и дипломатия / О.А. Ржешевский. – М.: Знание, 1988. – 63 с.
19. Золотарев В.А. Второй фронт против Третьего рейха / В. А. Золотарев. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. – 541 с.
20. Орлов А.С. Союз ради общей победы: (Создание антигитлер. коалиции) / А. С. Орлов. – М.: Знание, 1990. – 62 с.
21. Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918-1991.: Том 1. События // Под редакцией доктора политических наук, профессора А. Д. Богатурова. – М.: Московский рабочий, 2000. – 322 с.
22. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1939 – 1941. – М.: Высшая школа, 1992. – 302 с.
23. Нежинский Л.Н. Пути и перепутья советской международной политики в 1934 – 1941 гг. – Тула: Гриф и К, 2008. – 268 с.
24. Чуркина О.А. Проблема открытия Второго фронта в англо-американских отношениях: 1941-1943 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Чуркина Ольга Александровна; [Место защиты: Владимир. гос. гуманитар. ун-т]. – Рязань, 2010. – 22 с.

25. Печатнов В.О. Сталинградская битва и проблема Второго фронта / В.О. Печатнов // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 86-94.
26. Союзники в войне, 1941-1945 / [Д. Рейнолдс, А. Данчев, О. А. Ржешевский и др.]; Отв. ред. [и авт. предисловий] А. О. Чубарьян, У. Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс; Рос. АН, Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 1995. – 451 с.
27. Мягков М.Ю. СССР во Второй мировой войне / М.Ю. Мягков // Вестник МГИМО Университета. – № 4 (73). – С. 7-51.
28. Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. «Большая тройка» (И. С. Сталин, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль): союзники во имя мира / Л.В. Пономаренко, О.С. Чикризова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 73 – 81.
29. Падерин А.А. Проблема открытия Второго фронта в Европе: взгляд спустя семь десятилетий / А.А. Падерин // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 3 (36). – С. 58-68.
30. Михайлова Е.Е. Ключевые приоритеты внешнеполитической стратегии Великобритании в 1939–1941 гг. / Е.Е. Михайлова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 2-1. – С. 189-196.
31. Гришин А.В., Гришин В.А. Второй фронт как дипломатическая проблема: от нападения Германии на СССР до вступления в войну США / А.В. Гришин, В.А. Гришин // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 100-104.
32. Бебешко Е.В. О причинах задержки открытия Второго фронта союзниками: невидимые пружины Второй мировой войны / Е.В. Бебешко // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 4 (9). – С. 13.
33. Сахаров А.Н. Дипломатия и война 1939 – 1945 годов. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 46 с.
34. Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941-1945 годы): военно-исторические очерки / М-во природных ресурсов Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренбургский гос. пед. ун-т». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. – 475 с.
35. Титов В.П. Уинстон Черчилль: дипломатия Великобритании в период второй мировой войны / В.П. Титов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2005. – № 1. – С. 154-166.
36. Козлов Н.Д. У. Черчилль о роли СССР в событиях кануна и начала Второй мировой войны / Н.Д. Козлов // Царскосельские чтения. – 2012. – № 3 (16). – С. 101-108.
37. Уинстон Черчилль. Английский бульдог/ [сост. Е. Мишаненкова]. – М.: Изд-во АСТ, 2016. – 318 с.
38. Фалин В.М. Второй фронт: Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов / Валентин Фалин. – М.: Центрполиграф, 2000. – 572 с.
39. Савельев А.О. Уинстон Черчилль – идеолог «холодной войны» / А.О. Савельев // Вестник магистратуры. – 2016. – № 1-5 (52). – С. 30-32.
40. Медведев Д.Л. Уинстон Черчилль: последний титан. – М.: Молодая гвардия, 2022. – 489 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94: 356.15 (477.6) «1941-1943»

DOI: 10.5281/zenodo.19114248

EDN: DCJKIX

Г.В. Мишечкин

кандидат исторических наук, доцент,

*ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»*

E-mail: mishechkin2213@mail.ru

1-Й ГВАРДЕЙСКИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ КОРПУС В ДОНБАССКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируется боевая деятельность 1-го гвардейского механизированного корпуса в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года. Автор фокусирует внимание на структуре корпуса, боевой деятельности и ее результатах.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Красная Армия, вермахт, Донбасская стратегическая наступательная операция, Юго-Западный фронт, 1-й гвардейский механизированный корпус, И.Н. Руссиянов.*

Summary

The combat activity of the 1st Guards Mechanized Corps in the Donbass Strategic Offensive Operation of 1943 is analyzed in the article. The author focuses on the structure of the corps, its combat activities, and their results.

Keywords: *The Great Patriotic War, the Red Army, the Wehrmacht, the Donbass strategic offensive operation, the South-Western Front, 1st Guards Mechanized Corps, I. N. Russiyanov.*

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута ценой массового героизма и беспримерного мужества советского народа. В год 80-летия Великой Победы еще острее поднимаются вопросы сохранения достоверности исторической памяти, противодействия попыткам исторического ревизионизма, который «поднял голову» и культивируется врагами России. Героические страницы Отечественной войны – неисчерпаемый источник для воспитания подрастающего поколения. Обращение к подвигу советского народа должно способствовать повышению уровня исторического

сознания современных молодых людей, осознанию ими духовно-культурной связи с героическим прошлым.

Ряд эпизодов войны, к сожалению, не получили всестороннего освещения и требуют глубокого анализа, отдельные аспекты нуждаются в уточнениях.

Среди них и события Донбасской стратегической наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.), которые, на наш взгляд, нуждаются в более основательном изучении. Указанная стратегическая операция Вооруженных сил СССР, которая проводилась Юго-Западным и Южным фронтами, не получила всестороннего освещения в ряду других ключевых сражений Великой Отечественной войны. В силу ряда субъективных обстоятельств, на что обращали внимание специалисты, в частности А.В. Исаев, особенно боевая деятельность Юго-Западного фронта в Донбасской стратегической наступательной операции не получила целостного отражения в советской историографии.

Среди аспектов, редко появлявшихся в поле зрения исследователей, значительный интерес представляет боевая деятельность 1-го гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса (далее – 1 гв. мк) в Донбасской стратегической наступательной операции, одного из подвижных соединений бронетанковых и механизированных войск Юго-Западного фронта (далее – ЮЗФ). Стоит напомнить, что 11 сентября 2025 исполнилось 125 лет командиру названного выше соединения – генерал-лейтенанту, Герою Советского Союза Ивану Никитичу Руссиянову.

Историографическая база анализируемой проблемы представлена небольшим количеством публикаций. Чаще всего, она освещается в контексте общего хода Донбасской стратегической операции и отражена в исследованиях советского и постсоветского периодов, в т. ч. монографиях, статьях, очерках, общих работах по освобождению Донбасса [1-12]. Заметим, что определенный интерес представляют мемуары И. Н. Руссиянова «В боях рожденная...», в которых одна глава под названием «Донбасс наш!» посвящена боевой деятельности 1 гв. мк в упомянутой операции.

Из работ, которые выходили в последние годы и сыграли существенную роль в историографии Донбасской стратегической наступательной операции в целом, и в т. ч. для изучаемого вопроса, в первую очередь следует отметить коллективный труд «Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России» [13]. В зарубежной историографии указанная проблема отражена лишь косвенно в общем контексте Донбасской операции [14-18].

Представленный краткий анализ историографии проблемы подтверждает насущную потребность более системного подхода к ее изучению. В последнее время стали доступны документы РККА и вермахта, в том числе частей и подразделений, принимавших участие в рассматриваемой нами операции. В данном исследовании проанализирован ряд документов с официального сайта «Память народа», которые проливают свет на участие 1 гв. мк в ходе Донбасской стратегической наступательной операции. Кроме того, были проанализированы документы 1-й танковой армии вермахта (далее – 1 ТА

вермахта), находящиеся на Интернет-ресурсе «Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г.».

Опираясь на сказанное выше, в исследовании поставлена цель – выявить и охарактеризовать особенности боевой деятельности 1 гв. мк в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года в целом и отдельных аспектах.

Предваряя изложение основного материала, оговорим, что с июля 1943 г. 1 гв. мк принимал участие во всех наступательных операциях ЮЗФ и «действовал на главных операционных направлениях». После 700 км марша на Южный фронт и обратно, соединение вело бои в районе Изюма [7, с. 31]. Все это время оно находилось в оперативном подчинении 8-й гвардейской армии генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова [19].

После того как противник в начале сентября стал осуществлять главными силами организованный отход в общем направлении Константиновка-Сталино, корпус получил новые задачи и в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. с приданной ему 11-й ИПТАБР (истребительно-противотанковая артиллерийская бригада) совершил рывок через реку Северский Донец. При этом в документах 1 гв. мк констатировалось, что отход частей вермахта характеризовался хорошо поставленным взаимодействием с прикрывающими соединениями люфтваффе [20].

5 сентября 1 гв. мк вошел в оперативное подчинение 3-й гвардейской армии (далее – 3 гв. А) генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко [21]. Как свидетельствуют документы корпуса, с 8.00 утра 6 сентября 1943 г. соединение под командованием И.Н. Руссиянова вошло в соприкосновение с противником на рубеже Марково, Часов Яр (*название населенных пунктов в документах ЮЗФ, 3 гв. А и 1 гв. мк пишутся заглавными буквами; с этого места и далее по тексту названия пунктов указываются как в документах 1 гв. мк, 3 гв. А, ЮЗФ – М.Г.В.*) [19, л. 365].

Важно отметить, что боевые действия в составе 3 гв. А корпус начал вести, имея в составе неполностью укомплектованные 9-ю гвардейскую танковую бригаду (9 гв. ТБР), 1-ю и 2-ю механизированные бригады (1 гв. и 2 гв. МБР). 3-я гвардейская механизированная бригада (3 гв. МБР) «боевого состава не имела», а артиллерия корпуса характеризовалась 50 % численностью от штата [19, л. 365].

Перейдем к вопросу о материальной обеспеченности 1 гв. мк непосредственно перед вступлением в боевую операцию. Согласно документов корпуса, в нём насчитывалось танков Т-34 – 92 ед. и Т-70 – 36 ед., броневедомостей БА-64 – 98 ед., самоходный орудий СУ-152 – 9 ед., 76 мм орудий – 48 ед., 45 мм орудий – 23 ед., 37 мм зенитных установок – 18 ед., 85 мм зенитных установок – 6 ед., 122 мм гаубиц – 8 ед., 120 мм минометов – 38 ед., 82 мм минометов – 48 ед., реактивных минометов М-13 – 17 ед., ручных пулеметов – 72 ед., станковых пулеметов – 16 ед. [19, л. 365].

Корпусные части характеризовались следующим образом:

- 1544-й самоходный артиллерийский полк (сап) насчитывал 8 СУ-152 (по штату положено 12 ед.);
- 1504-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (иптап) имел 15 орудий калибра 76 мм (по штату должно быть 20 ед.);
- 267-й минометный полк (минп) – 31 ед. 120 мм минометов (штат – 36 ед.);
- 741-я истребительно-противотанковая артиллерийская дивизия (иптад) – 6 ед. 85 мм орудий (штат – 12 ед.);
- 1699-й зенитно-артиллерийский полк (зенап) – 13 зенитных автоматических пушек 37 мм (штат – 16 ед.);
- 407-й отдельный гвардейский минометный дивизион – 7 реактивных миномётов М-13 (штат – 8 ед.);
- 116-й гвардейский артиллерийский полк – 18 76 мм орудий (штат – 24 ед.) и 8 122 мм орудий (штат – 12 ед.) [20, л. 383].

Указанная выше информация в отношении материальной обеспеченности подразделений 1 гв. мк почти полностью идентична той, что приведена в справочнике «Боевой состав Советской Армии». Однако, в нём среди подразделений корпуса упоминается и 3 гв. МБР, которая, как мы заметили выше, опираясь на корпусную документацию, на момент Донбасской операции боевого состава не имела. Кроме того, в справочнике указано, что на 1 сентября 1943 года в распоряжении 1 гв. мк находился 84-й мотоциклетный батальон (84 мцб) [22, с.225].

Основываясь на вышесказанном можно констатировать, что к решающей фазе Донбасской стратегической наступательной операции 1 гв. мк подошел не полностью укомплектованный, к тому же подразделения корпуса приступили к выполнению боевого задания почти с марша. В частности, 9 гв. ТБР, проделав форсированный марш по маршруту Долгенькая, Красный Лиман, Кременная, Рубежная, Пролетарск, Михайловка к утру 6 сентября 1943 г. своей «головной походной заставой» вышла к Алексеево-Дружковке, напоровшись на сильный заслон противника, и остановилась до подхода главных сил бригады [23, л. 200]. Согласно Журналу боевых действий ЮЗФ, в первый день участия в боевой операции 1 гв. мк подвергся авиационному налёту противника [24, л. 29]. Переправа через реку Кривой Торец далась частям корпуса нелегко, о чём вспоминал в послевоенных мемуарах комкор И.Н. Руссиянов [10, с. 166].

Командир 9 гв. ТБР принял решение переправу проводить в двух местах силами двух танковых батальонов при поддержке двух батарей 1504 иптап и роты автоматчиков из 2 гв. МБР – на противоположных окраинах Алексеево-Дружковки – северной и южной. Группе, которая переправлялась на северной окраине, была поставлена задача отвлечь на себя внимание врага и содействовать скрытой переправе «основной группы танков» на южном участке. В документах 9 гв. ТБР отмечалось, что эффект неожиданности и стремительный выход танкистов в тыл немецкой обороне Алексеево-Дружковки, вынудил противника отступить в направлении Николайполье-Артемовка [23, л. 200].

В документах немецкой 1 ТА записано: «Противник сегодня превосходящими силами пехоты и танков (1-й гв мк и 9 стрелковых дивизий) преследовал отход XXX армейского корпуса и прорвал фронт 62-й и 38-й пд [пд – пехотные дивизии – М.Г.В.] между границей армии справа и устьем Кривого Торца». Подтверждалось отступление частей поредевшего XXX армейского корпуса в направлении Артемовки. К тому же, непосредственно засвидетельствовано, «что передовым танковым и моторизованным боевым группам 1-го гвардейского мехкорпуса удалось еще ночью смять отходящие, перемешанные, проводящие перегруппировку и частично занимающие новый участок войска на правом фланге XXX армейского корпуса и выйти на западный берег Торца». В документах вермахта предполагалось, что бойцы Красной Армии вероятно захватили переправы, которые в силу тех или иных причин не были взорваны, а части 1 ТА находились ещё восточнее позиции «Черепаша». По данным штаба 1 ТА, «примерно 60 вражеских танков прорвали линию фронта 38-й пд у Алексеево-Дружковки». Противник констатировал, что в течении 6 сентября понес значительные людские потери, а также в материальной части, в большей степени в артиллерии и тяжелом вооружении [25].

По данным штаба 9 гв. ТБР, противник в бою в районе Алексеево-Дружковки потерял 8 орудий («подбито и уничтожено»), минометную батарею, 9 пулеметных точек, до двух рот пехоты [23, л. 200 об.].

По плану советского командования, 7 сентября 1943 г. 1 гв. мк должен был расколоть краматорско-константиновскую группировку вермахта, создать условия другим соединениям ЮЗФ для уничтожения противника по частям. 1 гв. МБР к 11.00 овладела Ново-Александровкой, обеспечив правый фланг действий корпуса, а к 14.00 вышла на рубеж населенных пунктов Явленская, Варваровка. 2 гв. МБР к исходу обозначенного дня «овладела высотой 179,6 Варваровский». 9 гв. ТБР к концу этого же дня овладела Октябрьским [19, л. 366].

Согласно информации 9 гв. ТБР, к 24.00 7 сентября 2 танковый батальон бригады овладел Красноармейским Рудником, захватив при этом склады с боеприпасами, ГСМ и несколько автомашин [23, л. 200 об.]. XXX армейский корпус вермахта понес большие потери. К утру 8 сентября боевая численность трех дивизий корпуса стала составлять: «62-я пд – примерно 800 человек и 8 батарей, 38-я пд – примерно 200 человек и 3 батареи, 333-я пд – 4 истощенных, 2 слабых и 1 выдохшийся батальоны с 7 легкими и 2 тяжелыми батареями» [26].

В день освобождения Сталино (Донецка) от нацистских захватчиков – 8 сентября 1943 г. – 2 гв. МБР совместно с частью 9 гв. ТБР овладела важным населенным пунктом Славянка, другая часть 9 гв. ТБР вошла в Доброполье, а 1 гв. МБР вышла на рубеж населенных пунктов Святогорьевка, Марьевка [19, л. 366 об.].

Однако, непрерывное движение 9 гв. ТБР, преодолевшей за несколько дней операции около 250 км и две водные преграды, давало о себе знать. Так как, материальная часть – танки и автотранспорт – были не новые, а

восстановленные после ремонта, то большинство из них отстало в пути по причине технических неисправностей [23, л. 200 об.].

9 сентября части корпуса вели ожесточенные бои за Николаевку, Дмитриевку, удерживали Славянку и узел дорог, идущих на юг. Пытаясь остановить продвижение 9 гв. ТБР, противник бросил в бой 60-70 самолётов, непрерывно бомбил танковые части и Штаб бригады. К сожалению, 1699 зенап отстал от бригады на 50-60 км, что позволяло люфтваффе беспрепятственно бомбить позиции 9 гв. ТБР. В 16.00 этого же дня бригада получила приказ наступать на Павлоград, для чего был создан отряд, который включал 7 танков, 4 орудия и 64 бойца десанта под командованием командира 2-го танкового батальона гвардии майора Анисимова [23, л. 201]. На следующий день танкисты указанной выше бригады нанесли внезапный удар на станцию Лозовая с тыла, а вторая часть 9 гв. ТБР вышла на юго-западную окраину Павлограда, но вскоре была вынуждена отойти к основным силам.

Следует подчеркнуть, что 1 гв. мк вёл бои с арьергардами врага, составлявшими на южном фланге советско-германского фронта зачастую усиленную роту или батальон, которые поддерживались артиллерией, танками и авиацией [9, с.74].

10 сентября 1943 г. 1 гв. мк овладел Богдановкой и Богуславом, что подтверждается и немецкими документами [27]. К следующему дню разрыв между корпусом и поддерживающими его стрелковыми частями 3 гв. А привел к непростой ситуации, так как немецкие части, заняв Славянку и Петропавловку, отрезали подразделения корпуса от своих тылов. К сказанному необходимо добавить, что другая подвижная сила 3 гв. А – 23 танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск Е.Г. Пушкина – также оказался во вражеском кольце.

В журнале боевых действий 1 ТА вермахта непосредственно указывалось, что ночью была перехвачена радиограмма 3 гв. А, адресованная 1 гв. мк, в которой корпусу ставилась задача с утра 12 сентября атаковать и уничтожить противника на севере и юге, «в то время, как 23-й танковый корпус немного южнее будет проводить удар на восток». Процитируем далее немецкий документ: «Армия не восприняла всерьез первую часть этого приказа, хотя попытка прорыва 1-го гвардейского мехкорпуса на север означала новую серьезную угрозу. В другой перехваченной рано утром радиограмме содержался приказ 1-му гвардейскому мехкорпусу провести удар на восток во взаимодействии с уже наступающим туда 23-м танковым корпусом. Этот приказ армия посчитала более правдоподобным, как минимум в части, касающейся 23-го танкового корпуса, и это было подтверждено тяжелыми боями сегодняшнего дня на рубеже заслона. Поскольку 1-й гвардейский мехкорпус в течение всего дня вел себя спокойно, было предположено, что он из-за нехватки горючего занял круговую оборону в районе Николаевка-Дмитриевка». Но вскоре выполнение задачи разгрома окруженных советских корпусов для противника осложнилось, главным образом из-за решения 6-й

немецкой армии «об отводе своего фронта (противник у Бол. Янисоль снова совершил глубокий прорыв, а сил для его устранения не было)» [28].

Выход из окружения увенчался успехом только к вечеру 14 сентября. К исходу указанного дня 1 гв. МБР, укомплектованная за счет 2 гв. МБР, вышла на южные окраины Славянки и восточные окраины Вознесенки. К концу 16 сентября 1 гв. МБР овладела Дмитриевкой, а к концу следующего дня Змиевкой [19, л. 367].

18 сентября 1943 г. корпус И.Н. Руссиянова взял Павлоград. Об этом в документах противника сказано так: «Павлоград был потерян после тяжелого уличного боя с превосходящими по силе частями 1-го гвардейского мехкорпуса, которые, как очевидно, планировали совершить рывок до р. Самара» [29].

20 сентября 1943 г. 1 гв. МБР и 2 гв. МБР вышли на рубеж населенного пункта Запорожский-Славгород (северный), тем самым перерезали железную дорогу Синельниково-Запорожье [20, л. 380]. Данные события стали свидетельством – операция по освобождению Донбасса для гвардейского корпуса завершилась, впереди были бои на запорожском направлении.

Подведём итоги боевой деятельности 1 гв. мк в Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года, опираясь на корпусную документацию. В ней отмечено, что в боях в Донбассе в сентябре корпус преодолел 433 км со средней оперативной скоростью 40-50 км в сутки. Корпус тесно взаимодействовал с 23-м танковым корпусом генерал-лейтенанта танковых войск Е.Г. Пушкина. Способствовал продвижению 6-й и 12-й армий, 3-й и 8-й гвардейских армий ЮЗФ. Стремительные темпы наступления 1 гв. мк иногда приводили к тому, что стрелковые части 3 гв. А отставали на 30-40 км. Создавалась угроза тыловым коммуникациям. Поворот корпуса для удара по зашедшему в тыл врагу, был определён как нецелесообразный, повлекший за собой «расстройство управления» и «излишние потери». К тому же, высокая скорость наступления влекла за собой отставание армейских и фронтовых тыловых баз.

В документах корпуса указаны и некоторые другие недостатки, имевшие место в операции. Обозначим наиболее важные среди них. Отсутствие надлежащего взаимодействия с авиацией было признано причиной больших потерь, в т. ч. в автотранспорте. Необоснованными были признаны некоторые решения командования 3 гв. А, что приводило к использованию корпуса по частям. Не оправдали доверия бронемашины как средства связи, а также самоходные установки СУ-152, которые из-за их малой боевой скорости, труднопроходимости на переправах, вообще было предложено убрать из корпуса и заменить 57 мм пушками [19, л. 367 об. – 368].

Необходимо отметить, что 1544 сап [*иногда в документах фигурирует как 1544 тсап – тяжёлый самоходный артиллерийский полк – М.Г.В.*], имевший на вооружении СУ-152, участвовал в Донбасской операции лишь двумя самоходными установками с 20 сентября 1943 года. Весь предыдущий период операции 1544 сап подтягивался, застряв на переправах на р. Северский

Донец, а «часть установок полка израсходовав запас моточасов вышла из строя в пути следования» [30].

В основательном «Докладе о боевой деятельности артиллерии 1 гв. мк за период проведенной операции по освобождению Донбасса от немецких оккупантов» «основным недочетом» организации взаимодействия артиллерии с танками указывалось «отсутствие постановки конкретных задач артиллерии на местности». Кроме того, упоминалось отсутствие 122 мм пушек, «85 мм систем», артиллерии на быстроходной гусеничной тяге, недостаток радиосредств и т. д. [20, л. 381 об. – 382].

Подытоживавшее сказанное, необходимо констатировать, что 1 гв. мк в качестве эшелона развития успеха принял активное участие в освобождении Донбасса. Корпус осуществлял стремительные рейды в исключительно быстром темпе, содействуя продвижению других частей ЮЗФ. В документах корпуса говорится: «В операции по освобождению Донбасса корпус полностью проявил присущую высокую подвижность, маневренность и ударно пробивную силу». Продвижение корпуса на оперативную глубину создавало угрозу полного окружения и уничтожения Славянско-Барвенковской группировки вермахта. Высокая скорость продвижения корпуса и выход его в сжатые сроки к Павлограду, не дали противнику уничтожить ряд населенных пунктов, вывести людей и народно-хозяйственные ценности [19, л. 367 об.].

В оперативных документах корпуса отмечены недостатки, которые имели место в ходе боевой деятельности на заключительном этапе Донбасской стратегической наступательной операции 1943 года: недочеты в управлении войсками, раздергивание частей корпуса, плохое взаимодействие пехоты, артиллерии и танков, недостаточное количество зенитных средств и т. д.

С целью более эффективной боевой работы, предлагалось использовать корпус в полном соответствии с приказом НКО № 0325, не допуская раздергивания его частей и подразделений. Особо указывалось на недопустимость отставания стрелковых частей, что создавало угрозу выхода вермахта на тыловые коммуникации. Для прикрытия боевой работы корпуса рекомендовалось придавать не менее двух полков зенитной артиллерии. Предлагалось внести изменения и дополнения в организацию вооружения, а также повысить эффективность и слаженность боевого взаимодействия родов войск.

Список источников и литературы:

1. Агапов В. Л. Войска Юго-Западного фронта в Донбасской стратегической наступательной операции: 16-31 августа 1943 г. / В. Л. Агапов // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2023. – № 3(86). – С. 64-80. – EDN DBRDJO.

2. Ботев Ю. Л. Битва за Донбасс: к 80-летию Донбасской наступательной операции / Ю. Л. Ботев, В. В. Ионов, В. С. Хохлов // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2023. – № 3(128). – С. 144-154.

3. Василевский А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Вече, 2014. – 608 с.
4. Ершов А. Г. Освобождение Донбасса: военно-ист. очерк / А. Г. Ершов. – М.: Воениздат, 1973. – 240 с.
5. Исаев А.В. Освобождение 1943. «От Курска и Орла война нас довела...» / Алексей Исаев. – М.: Яуза: Эксмо, 2013. – 544 с.
6. Мишечкин Г. В. Итоги боевой деятельности 1-го гвардейского механизированного корпуса на завершающем этапе Донбасской стратегической наступательной операции / Г.В. Мишечкин // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Том 7: Исторические и политические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 118-120.
7. Мишечкин Г. В. Гвардейцы генерал-лейтенанта И.Н. Руссиянова в боях за Донбасс (сентябрь 1943 г.) // Общественно-политический журнал «Идеология будущего» / Общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество». – 2025. – № 19 (декабрь). – С. 29-37.
8. Мишечкин Г. В. Предварительные итоги Донбасской стратегической наступательной операции в оперативных документах общевойсковых армий Южного фронта / Г. В. Мишечкин // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15 – 17 октября 2024 года. – Донецк: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 2024. – С. 127-129. – EDN HNMNZQW.
9. Мишечкин Г. В. Преследование отступающего противника в ходе Донбасской стратегической наступательной операции лета-осени 1943 года: из опыта боевых действий общевойсковых армий Южного фронта / Г. В. Мишечкин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2025. – № 1(92). – С. 68-79. – DOI 10.5281/zenodo.15771895. – EDN EPCIUJL.
10. Руссиянов И. Н. В боях рожденная... / Литературная запись Е. А. Глущенко. – М.: Воениздат, 1982. – 252 с.
11. Твои освободители, Донбасс: очерки, воспоминания / сост. Г. В. Тепляков. – 5-е изд., доп. – Донецк : Донбасс, 1976. – 423 с.
12. Терентьев В.О., Полищук А.А. «Ломая сопротивление противника...Занял Дебальцево, Калининск и...Нью-Йорк» // Военно-исторический журнал. 2024. № 5. – С. 4-15.
13. Донбасс 1943. Освобождение индустриального сердца России / Под общей ред. А.В. Дробкина. – М.: Яуза, 2023. – 736 с.

14. Земке Э. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942 – 1945 / Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 604 с.

15. Манштейн Э. Утерянные победы. / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 1999. – 896 с.

16. Пауль К. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943 – 1944. – М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. – 432 с.

17. Frieser, Karl-Heinz, Die Ostfront 1943/44. Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München. Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. – 1319 p.

18. Хаупт, Вернер. Сражение группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта / Вернер Хаупт; [пер. с нем. С. Липатова]. – Москва: Яуза: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). – 445 с.

19. Доклад о боевых действиях 1 гв. мк в операции войск ЮЗФ по освобождению Донбасса и Украины от немецко-фашистских оккупантов (05.09.1943 по 18.09.1943 г.) // ЦАМО. Ф. 3424. Оп. 0000001. Д. 0003. Л. 365.

20. Доклад о боевой деятельности артиллерии 1 гв. мк за период проведенной операции по освобождению Донбасса от немецких оккупантов (05.09.1943 по 29.09.1943 г.) // ЦАМО. Ф. 3424. Оп. 0000001. Д. 0003. Л. 378.

21. Журнал боевых действий войск 3 гв. А (01.09.1943 по 30.09.1943 г.) // ЦАМО. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 394. Л. 9-10.

22. Боевой состав Советской Армии. Часть III (январь – декабрь 1943 г.) / Военно-научное управление Генерального штаба. М.: Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР, 1972. 336 с.

23. Доклад о боевых действиях 9 гв. тбр в районе Донбасса за период с 03.09.1943 по 13.09.1943 г. // ЦАМО. Ф. 3424. Оп. 0000001. Д. 0030. Л. 200.

24. Журнал боевых действий войск ЮЗФ за сентябрь месяц 1943 года (с 01.09.1943 по 30.09.1943 г.) // ЦАМО. Ф. 232. Оп. 590. Д. 337. Л. 29.

25. Журнал боевых действий 1-й танковой армии. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 6 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 20 ноября 2025 г.).

26. Журнал боевых действий 1-й танковой армии. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 8 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 20 ноября 2025 г.).

27. Журнал боевых действий 1-й танковой армии. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 10 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 20 ноября 2025 г.).

28. Журнал боевых действий 1-й танковой армии. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 12 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 21 ноября 2025 г.).

29. Журнал боевых действий 1-й танковой армии. 1-20 сентября 1943 г. (Данные за 18 сентября 1943 г.) // Донбасс-1943: освобождение индустриального сердца России в июле-сентябре 1943 г. URL. - <https://donbass43.ru/> (Дата обращения: 21 ноября 2025 г.).

30. Доклад о боевой деятельности 1544 тсап (15.07.1943 по 27.09.1943 г.). // ЦАМО. Ф. 3424, Оп. 0000001. Д. 0038. Л. 62 об.

УДК 94:(471.347)1941/1945
DOI: 10.5281/zenodo.19114450
EDN: EETKGM

В.С. Ешпанов

*доктор исторических наук, профессор
Казахский университет технологии и бизнеса им.К. Кулажанова
E-mail: WS-282@mail.ru*

А.К. Аяпов

*магистр
Казахский университет технологии и бизнеса им.К. Кулажанова
E-mail: Ауаров_64@mail.ru*

**ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО СПОРТА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ИСТОРИЯ, ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ)**

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть взаимосвязь трансформации и развития системы физического воспитания в период Великой Отечественной войны. Исследуемое направление, это процесс истории развития физической культуры и спорта в суровые годы военных лет. Проблемы развития здорового образа жизни, физической культуры и спорта являются частью массовой культуры и предметом научного изучения. Рассмотрены трудности организации работы по физической культуре, показаны результаты спортивной деятельности. Выделены основные направления этой работы, приближенной к требованиям военного времени. В работе отражены особенности физкультурной работы среди населения в 1941–1945 гг. Приводятся сведения о частичном изменении и расширении форм военно-физического и патриотического воспитания. Приведены факты по усилению физкультурно-массовой, спортивной и оборонной работы как уверенность и непоколебимая вера народных масс в Победу. Авторы приходят к выводу, что физическая культура среди населения в годы Великой Отечественной войны наполнилась патриотическим содержанием, стала инструментом и регулятором воспитательной работы. Дан краткий обзор истории физической культуры и спорта в годы Великой Отечественной войны.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, физическая культура, патриотическое воспитание, военно-физическая подготовка, военные годы.*

Summary

This article examines the relationship between perestroika and the development of the physical education system during the Great Patriotic War. The research focus is on the historical development of physical culture and sports during the harsh war years. The development of a healthy lifestyle, physical education, and sports are part of popular culture and a subject of scientific study. The difficulties of organizing physical education activities are examined, and the results of sports activities are presented. The main areas of this work, which were tailored to wartime requirements, are highlighted. The paper reflects the specifics of physical education among the population from 1941 to 1945. Information is provided on the partial changes and expansion of military-physical and patriotic education. Evidence is presented of the strengthening of mass physical education, sports, and defense work, reflecting the confidence and unwavering faith of the masses in Victory. The authors conclude that physical education among the population during the Great Patriotic War was imbued with patriotic content and became a tool and regulator of educational work. A brief overview of the history of physical culture and sports during the Great Patriotic War is given.

Keywords: *Great Patriotic War, physical education, patriotic education, military physical training, war years.*

Годы Великой Отечественной войны все дальше уходят от нас, и уже теряются из памяти отдельные эпизоды тех героических лет. Поэтому стремление сохранить память о событиях и об участниках Великой Отечественной войны, погибших и оставшихся в живых, является важным требованием для формирования у нового поколения патриотизма и чувства любви к Родине, чувства гордости за свою страну, за своих соотечественников.

События Великой Отечественной войны хорошо изучены в исторической литературе. Несмотря на большое количество трудов по интересующей нас теме, далеко не все вопросы остаются досконально изученными. Фактор недостаточной изученности предопределил направление работы авторов.

Целью работы является расширение представлений о спортивной жизни СССР в 1941–1945 гг. Великая Отечественная война стала одним из самых трагических событий XX века. В СССР с первых дней существования Советского государства правительство придавали физической культуре важное государственное значение [1, с.76].

Историографический анализ изучаемой проблемы убедительно свидетельствует о том, что данная тема является актуальной и нуждается в дальнейшем расширенном исследовании. Обзор исследуемой темы показывает нам, что часть авторов фрагментарно рассматривали спортивную жизнь советского общества. Необходимо также отметить авторов, которые в военное и послевоенное время занимались данным направлением исследования, Д.П. Марков [15], И.Г. Чудинов [3]. Однако некоторые исследователи реконструировали спортивную деятельность в условиях военного периода,

такowymi были В.В. Столбов, Н.И.Топоров, Ф.И.Самоуков [17], Н.А. Макарец, В.Т. Царик [14], Г.В. Осокин [10], Г.Б. Хотянов [1]. В своих трудах отмечены результаты спортивных достижений в годы войны следующими авторами В.В. Белорусова [8], В.Г. Еремик [12], В.Н. Уваров [13].

Спорт в Советском Союзе являлся неотъемлемой частью развития советского общества [2, с.127]. Пристального внимания в истории военного периода занимает подготовка населения страны к военному, физическому и трудовому воспитанию. Большое значение для воспитания современной молодежи имеет ее информированность о вкладе советского спорта в великую Победу. Спорт как важная форма проявления физической культуры играл важную роль в СССР. Руководство страны придавала огромное значение улучшению военно-физического воспитания. В период с 1938 по 1945 годы Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР возглавлял В. В. Снегов [3, с.94]. В советском обществе уделяли должное внимание физической подготовке призывников, которые должны быть готовыми к защите Родины.

В предвоенный период работа по сохранению здоровья населения имела системный характер. Введенный постановлением Всесоюзного совета физической культуры 11 марта 1931 года комплекс ГТО (Готов к труду и обороне) стал основой советской системы физического воспитания.

Таблица №1. Показатель сдачи комплекса ГТО в довоенный период (участники – тысяч человек) [4, с.51].

Год проведения	1931	1932	1933
Количество участников	24	465	835

В военное время были установлены нормативные требования к комплексу сдачи ГТО.

Таблица №2. Норматив сдачи комплекса ГТО в военный период [5, с.82].

Категория спортсменов	Дистанция	Квалификация
юноши	3 км	ГТО
девушки	2 км	ГТО
мужчины	10 км	ГТО 1-2 ступень
женщины	3-5 км	ГТО 1-2 ступень

Накануне войны, начиная с конца 1930-х гг., вся физкультурно-спортивная жизнь СССР сосредоточилась на демонстрации несокрушимой мощи советского общества. К началу 1941 года в СССР было построено 378 стадионов, свыше 70 тысяч больших и малых спортивных площадок [6, с.109]. С июня 1941 года в спортивную жизнь страны свои поправки внесла война, изменившая привычный уклад жизни. Великая Отечественная война прервала мирную жизнь, внесла большие коррективы. В первый месяц войны десятки тысяч лучших сынов СССР были призваны в ряды Красной Армии. Уже 27

июня 1941 года из спортсменов-добровольцев были сформированы первые отряды отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), куда влилось свыше 800 спортсменов. Среди них – физкультурники, тренеры, преподаватели физвоспитания школ и институтов, лучшие спортсмены, чемпионы. Вместо ушедших на фронт мужчин физкультурные организации возглавили лучшие довоенные спортсменки, неоднократные чемпионки и призеры СССР. Для страны спортсмены – это ее достояние, «визитная карточка», дорогой ресурс. Уход на фронт организаторов, физкультурников и спортсменов сказался на дальнейшем развитии физкультурного и спортивного движения. Прекратили строиться спортивные сооружения и площадки, гораздо меньше проводилось спортивных соревнований. Но физкультурные и спортивные организации продолжали работать, выполняя свой план [7, с.143].

Физическая культура в годы Великой Отечественной войны играла особую роль, работа по укреплению здоровья населения приобрела системно-планомерный характер. Вовлечению молодежи в военно-физкультурную работу способствовали массовые спортивные праздники. Несмотря на трудности военного времени, не прекращались всевозможные спартакиады, соревнования по легкой атлетике, плаванию, гребле, стрелковому и конному спорту и другим видам [8, с.44]. Соревнования же рассматривались как критерий выявления степени готовности населения к участию в военных действиях. В первый год Великой Отечественной войны в спортивных соревнованиях участвовало 7 496 000 юношей и девушек. Национальные и народные виды спорта, игры и развлечения были заложены в основу советской системы физического воспитания. Страна нуждалась в подготовке полноценных резервов для Красной Армии. Вместе со всеми перестраивали на военный лад свою работу коллективы физической культуры, добровольные спортивные общества, физкультурные учебные заведения, комитеты по делам физической культуры и спорта. Государство главными целями физкультурно-спортивной работы объявляло пропаганду здорового образа жизни, организацию массовых спортивных мероприятий, реализацию спорткомплекса «Готов к труду и обороне». Усиление работы в данном направлении оказало позитивное влияние на повышение физической подготовленности населения и боеспособности страны [9, с.18]. Большое значение придавалось массовости спортивных мероприятий.

Еще до войны, в 1939 году было объявлено о создании Всесоюзного Дня физкультурника. Праздничным днем физкультурников и спортсменов СССР стала вторая суббота августа. Большой размах физического воспитания в СССР в годы войны способствовал не только подготовке резерва бойцов для Красной Армии, но и привлечению большой массы населения страны. К началу 1940-х годов работа по сохранению здоровья населения имела системный характер. Существенным показателем высокого развития физической культуры в СССР являлось создание единой системы физического воспитания. Новый физкультурный комплекс ГТО, введенный в действие с 1 января 1940 года, остро поставил перед школой особо важную задачу – подготовку учащихся к

службе в РККА и военно-морском флоте. К своему второму всесоюзному празднику, который выпал 1940 год физкультурное движение СССР насчитывало 62 тысячи коллективов физической культуры, объединявших 5,3 миллиона человек. С самого начала Великой Отечественной войны виды спорта, культивируемые спортивными организациями городов страны, носили военно-прикладной характер [10, с.63].

Таблица №3. Рост коллективов физической культуры СССР в пред и после военный период (участники – тысяч человек) [11,с.78].

Год создания	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Количество участников	62	62,5	63,6	64,8	65,0	65,9	66

В 1941 году Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Народных Комиссаров СССР издал приказ «О работе физкультурных организаций по военной подготовке», который усиливал прикладную значимость военно-физической подготовки и обязывал физкультурные организации принять активное участие. Масштабной физкультурной акцией стал проведенный в стране с 15 по 30 июня 1941 года массовый профсоюзно-комсомольский кросс. Большое внимание уделялось воспитанию молодежи, поскольку перед физкультурными движениями на первый план выдвинулись задачи физической подготовки резервов для Красной Армии. Задачи, вставшие перед физкультурными организациями в годы войны, формулировались так:

- 1) подготовить резерв Красной Армии;
- 2) проводить массовую военно-физическую подготовку населения;
- 3) готовить кадры специалистов по лечебной физической культуре для работы в госпиталях.

Таблица №4. Обязательный план школьной программы по военно-физической подготовки школьников в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) [12, с.125].

Военный год	Школьный класс	Школьный класс	Школьный класс	Направление подготовки
1941	8	9	10	Военно-физическая подготовка
1942	8	9	10	Начальная и допризывная военная подготовка

В первые годы Великой Отечественной войны школа плавания стала важным звеном подготовки и воспитания защитников Отечества. В предвоенный период в Ленинграде была открыта центральная детская городская спортивная школа плавания, которую принято считать одной из первых. В год ее открытия было принято более двухсот юных пловцов. В годы войны пристальное внимание уделялось прикладному плаванию. Даже в период сложных, оборонительных боев 30 ноября 1941 года в Москве был открыт бассейн № 1 (на базе бывших Тюфелевских бань). Плавание в СССР в годы войны развивалось как средство военно-физической подготовки призывников. Советским руководством страны удалось за три года с 1934 по 1937 года открыть более двадцати спортивных школ плавания в крупных городах СССР.

Таблица №5. Спортивные школы плавания в СССР в довоенное время [13, с.21].

Наименование города	Количество спортивных школ плавания
Москва	1
Ленинград	1
Алма-Ата	1
Киев	1
Минск	1
Ереван	1
Тбилиси	1
Баку	1
Ташкент	1
Душанбе	1
Фрунзе	1
Ашхабад	1
Харьков	1
Горький	1

Как показывают данные таблицы №5, спортивные школы плавания были созданы почти во всех столицах союзных республик, а также в крупных городах.

Воспитывать молодежь, владеющую основами военного дела, сильную, выносливую, дисциплинированную – главная задача, которая встала перед страной. Военно-физическая подготовка девушек старших классов в школах СССР проводилась по трем специальностям: радиотелеграфистки, телефонистки и сандружинницы.

Таблица №6. Статистика подготовки специалистов (тысяч человек) за 1941-1942 года [14, с.87].

Категория специальностей	Количество подготовленных	Количество подготовленных
сандружиницы	370	953
телефонистки	268	531
радиотелеграфистки	194	387

К военно-физической подготовке населения физкультурные организации приступили с первых дней войны. Инструкторы спорта, тренеры, преподаватели физического воспитания и физкультурный актив стали осуществлять физическую подготовку призывников, личного состава подразделений Осоавиахима, санитарных дружин Красного Креста, истребительных батальонов, рабочих частей и народного ополчения. Из года в год физическая подготовка в контексте военно-патриотического воспитания молодежи как резерва РККА совершенствовалась. С осени 1941 года значительное место в программе всеобщего военного обучения трудящихся заняла военно-лыжная подготовка. Ежегодно проводились соревнования на первенство Советского Союза по лыжному спорту. В лыжном спорте обязательной программой была гонка патрулей и дистанция, сочетавшая оказание первой помощи раненым с транспортировкой к месту назначения. Массовые лыжные кроссы в стране стали проводиться в первую военную зиму. Традиционно эти спортивные мероприятия приурочивались к каким либо значимым юбилейным датам. Так, например, в 1941 году был организован лыжный комсомольский кросс «имени 23-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Первые же зимние бои наглядно показали, какой грозной силой для немецких захватчиков явились лыжные части Красной Армии.

Таблица №7. Динамика показателя спортивных мероприятий по лыжному кроссу (участники – млн чел.) [15, с.39].

Год проведения	1942	1943	1944
Количество участников	5,8	6,3	7,4

Условия военного времени значительным образом затруднили организацию физкультурной работы в стране. Оживление спортивно-массовой работы в стране началось в 1943 году, когда в ходе войны произошел коренной перелом. В этом же году состоялись всесоюзные соревнования по гимнастике, легкой атлетике, рукопашному бою. Кроме того, с 14 февраля по 1 марта 1943 года в стране прошел профсоюзно-комсомольский лыжный кросс, в котором приняли участие многие представители команд из разных городов СССР, (смотрите таблицу №7).

Таблица №8. Основные города представители лыжного кросса
(участники – тысяч чел) [16, с.7].

Город проведения	Москва	Иваново	Свердловск	Горький
Количество участников	18	30	10	20

В Советском Союзе восстанавливались старые и создавались новые спортивные школы. 18–19 сентября 1943 года состоялся XVIII-й чемпионат СССР по тяжелой атлетике. К 1944 году, когда территория СССР была полностью освобождена от оккупантов, создались более благоприятные условия для организации спортивно-массовой работы. В 1944 году после пятилетнего перерыва был разыгран Кубок СССР по футболу. Первенство СССР в этом году проводилось уже по 14 видам спорта. В июне 1944 года в Ростове-на-Дону был проведен и велосипедный кросс. В последний год войны состоялся профсоюзно-комсомольский лыжный кросс, посвященный XXVII-й годовщине Красной Армии. В марте 1945 года Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта СССР был разработан план развития массовой физкультурой среди студенчества. В августе 1945 года на Красной площади в Москве состоялся Всесоюзный парад физкультурников, посвященный победе советского народа в Великой Отечественной войне. В 1945 году в СССР насчитывалось 288 заслуженных мастеров спорта, более 2 000 мастеров спорта, 4 000 спортсменов первого разряда и 28 000 – второго [17, с.322].

Таким образом, на протяжении всего периода Великой Отечественной войны советский спорт продолжал развиваться. В целом необходимо отметить, что физическая культура и спорт в годы войны стали основой трудящихся, школой резерва Красной Армии. Несмотря на военное время, спортивные соревнования активно проводились, а спортсмены являлись потенциальным резервом для фронта. Несмотря на всю тяжесть обрушившихся на страну событий в 1941–1945 гг., даже в годы Великой Отечественной войны в СССР жил спорт. В память о подвигах советских спортсменах до сих пор по традиции проводятся традиционные спортивные соревнования в их честь. За годы Великой Отечественной войны было проведено 299 состязаний на звание чемпиона СССР, установлено 180 всесоюзных рекордов, из них 39 превышали мировые достижения. Только 1945–1946 годы в СССР открылось более 80 спортивных школ молодежи. Спортивные победы укрепляли дух и веру людей в скорую победу над фашизмом. Советская система физического воспитания, поставленная на службу народов, успешно выдержала суровую проверку в годы войны. Уровень подготовки был достигнут именно в военные годы и стал основой для будущих громких побед. За годы Великой Отечественной войны спорт стал не только массовым, но и патриотическим направлением к приближению победы.

Список источников и литературы:

1. Хотянов Г. Б. Физическая культура и спорт в СССР. – М.: Физкультура и спорт, – 1967. – 352 с.
2. Сперанский А.В. Советский спорт в годы Великой Отечественной войны: политика, идеология, достижения // Уральский исторический вестник. 2020. – №2 (67). – С. 126-134.
3. Чудинов И. Г. Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. – М.: Физкультура и спорт, 1959. – 302 с.
4. Макарец Н.А. Страницы истории советского спорта. – М.: Физкультура и спорт, 1967. – 126 с.
5. История физической культуры народов СССР. Часть 1. – М., 1953. – 160 с.
6. Физическая культура и спорт в СССР. – М.: Физкультура и спорт. 1978. – 214 с.
7. Куприянов А.И. Спорт в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского Фонда Фундаментальных Исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2025. – №1(120). – С. 140-152.
8. Белорусова В.В. Воспитание в спорте. – М.: Физкультура и спорт, 1974. – 115 с.
9. Михайлова Т.И. Значимость спорта и военно-физической подготовки населения в годы Великой Отечественной войны // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2020. – №1(22). – С. 18.
10. Осокин Г.В. Военное обучение населения в годы Великой Отечественной войны / Г.В. Осокин // Военная мысль. – 1962. – № 9. – С. 54-72.
11. Физическая культура в СССР / Э.Ф. Аджалов, В.К. Бакунас, А.Б. Бекиев и др.; сост. Г.Д. Харабуга. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 214 с.
12. Еремик В.Г. Молодежь в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие / В.Г Еремик, П.Ф. Искаков. – М.: Мысль, 1977. – 247 с.
13. Уваров В.Н. Роль советского государства в развитии физической культуры и спорта. – Алма-Ата: 1977. – 46 с.
14. Царик В. Т., Макарец Н. А. Физическая культура и спорт в СССР в цифрах и фактах (1917-1961 гг.). – М.: Физкультура и спорт, 1962. – 171 с.
15. Марков Д.П. Методика военно-лыжной подготовки. – М.: Физкультура и Спорт, 1942. – 63 с.
16. Царик В. Т. Годы войны / В. Т. Царик // Физкультура и спорт. – 1962. – № 10. – С. 3-12.
17. Физическая культура и спорт в СССР / ред.-сост. Ф. И. Самоуков, В. В. Столбов, Н. И. Торопов. – М.: Физкультура и спорт, 1967. – 352 с.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.25

DOI: 10.5281/zenodo.19115209

EDN: FERNBVU

Д.П. Шульга

Доктор исторических наук

ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН»

E-mail: alkaddafa@gmail.com

О МОГИЛЬНИКЕ ЧЖАЙТОУХЭ В КОНТЕКСТЕ «КИТАИЗАЦИИ» КОЧЕВНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.¹

Аннотация

В настоящей статье впервые для русскоязычных исследователей в научный оборот вводится часть материалов могильника Чжайтоухэ в пров. Шэньси (КНР). Помимо весьма самобытных артефактов эпохи раннего железного века, данный некрополь (за счёт находок здесь хорошо датированных артефактов с Центральной равнины Китая) даёт редкую возможность проследить модель взаимодействия кочевников с оседлыми царствами. Это тем более актуально, что подобные закономерности сохранили актуальность в период сюнну и позднее.

Ключевые слова: *царство Вэй, царство Цинь, жуны, ранние кочевники, сюнну, археология Китая.*

Summary

This article (for the first time) introduces some of the materials from the Zhaitouhe burial ground in Shaanxi Province (PRC) to Russian-speaking researchers. In addition to the highly distinctive Early Iron Age, this necropolis (because of well-dated artifacts from China's Central Plain) offers a rare opportunity to trace the pattern of interaction between nomads and “Huaxia” kingdoms. This is very important because similar patterns remained relevant during the Xiongnu period and later.

Keywords: *Wei Kingdom, Qin Kingdom, Rong, Early nomads, Xiongnu, Archeology of China.*

© Шульга Д.П., 2025

¹ Работа выполнена в рамках проекта 24-48-03017 Междисциплинарное исследование коллекции текстиля из Ноин-улинских курганов 20, 22, 31 (раскопки российско-монгольской экспедиции 2006-2012 гг., Монголия).

С апреля по декабрь 2011 года, в ходе строительства гидротехнического комплекса Наньгоумэнь¹, был проведена совместная экспедиция² для изучения могильника Чжайтоухэ³. Хронологически некрополь относится к периоду Сражающихся царств, в культурном отношении соотносится с ранними кочевниками, часто фигурирующими в китайских источниках под собирательным именем «жунов»⁴.

Могильник Чжайтоухэ имеет длину 110 метров (с севера на юг) и ширину 50 метров (с востока на запад). Таким образом, площадь составляет около 5500 м². Погребения (их 90) расположены с юга на север на четырех террасах (рис. 1–1). На первой из них – 16 захоронений, 26 на второй, 43 на третьей и 5 на четвертой. Кроме погребений обнаружены две ямы с жертвенными лошадьми. Примечательно, что в некрополе практически отсутствуют признаки наложения погребений друг на друга, что указывает на единую планировку и, вероятно, отсутствие крупных катаклизмов во время его формирования. Все гробницы представляют собой вертикальные ямы. Зачастую верхняя и нижняя часть ямы имеют одинаковый размер, хотя в ряде случаев могила могла иметь трапециевидную форму (в разрезе), когда дно было шире «горловины». Площадь погребений варьируется в промежутке от 2 до 6 м² [9].

Внутримогильные конструкции делятся на три типа: двойной гроб⁵, одинарный гроб⁶ и полное отсутствие такового⁷. Следует отметить, что в ряде случаев⁸ захоронения сильно пострадали от грабителей, так что выяснить их устройство не представляется возможным. Что касается положения усопших, то в подавляющем большинстве могил⁹ они лежат вытянуто на спине [15]. В шести случаях усопшие укладывались на бок с подогнутыми коленями, лицом на север (рис. 1–2). Еще в четырёх захоронениях авторы раскопок

¹ Возле города Яньань.

² Работы проводили: Шэньсийский провинциальный археологический институт, Яньаньский муниципальный институт культурного наследия, Бюро туризма и культурного наследия уезда Хуанлин.

³ Располагается в пределах посёлка Аданчжэнь уезда Хуанлин провинции Шэньси.

⁴ «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий». Такую характеристику мы находим в приписываемом Чжугэ Ляну (181-234 гг. н.э.) трактате «Вертоград полководца». Данная цитата показывает, что «этноним» продолжал существовать даже в период угасания династии Хань, когда культуры скифоидного круга сперва уступили место сюнну, а затем и последние были, во многом, замещены сяньби. Впрочем, в нарративных источниках, касающихся династии Восточная Чжоу под жунами обычно понимаются более конкретные общности ранних кочевников, взаимодействовавшие, прежде всего, с царствами Вэй и Цинь.

⁵ Погребений, где явно прослеживается наличие как внешнего, так и внутреннего гробов, насчитывается 20.

⁶ Таких погребений большинство, их 36.

⁷ Данный предельно простой тип обустройства внутримогильного пространства встречается 11 раз.

⁸ 23 погребения.

⁹ 80 случаев.

предполагают обряд вторичного погребения или предварительное расчленение усопшего.

подавляющее большинство могил ориентированы по линии восток-запад, и только 13 ориентированы с севера на юг. Примечательно, что такие захоронения в основном расположены на периферии кладбища. В «меридиональных» погребениях усопшие головой обращены в восточный сектор, а в «широтных» – в северный [9]. Здесь следует упомянуть, что ориентация на восток достаточно характерна для ранних кочевников Северного Китая, например, подобную ситуацию мы видим в некрополе Вандаху [6]. При этом для до-имперского периода в соседнем царстве Цинь свойственная западная ориентация¹ [1].

Мы не случайно вспомнили о данном государстве. В ходе полевого исследования могильника Чжайтоухэ китайские археологи провели разведку окружающей местности для поиска памятников, возможно связанных с самим некрополем. В деревне Шицзяхэ, примерно в 4 км к северо-западу от могильника Чжайтоухэ, был найден погребальный комплекс, который авторами раскопок предварительно связывается с наследием Цинь времён Сражающихся царств. На реке Хулу, примерно в 500 метрах к югу от Чжайтоухэ, также было найдено множество фрагментов черепицы того же периода [15, с. 4]. Некоторые (правда, весьма общие) параллели между циньскими некрополями и Чжайтоухэ есть. У циньцев доминируют одиночные погребения в скорченной позе, составляя от 70,3 % до 93,71 % от общего числа [14, с. 326–327]. Нередко встречаются и «двойные гробы» (внутренний и внешний). Как мы уже упоминали, в описываемом нами могильнике Чжайтоухэ подобное также встречается. Впрочем, гораздо больше поводов связывать китайское влияние в некрополе не столько с Цинь, сколько с наследием «трёх Цзинь»², а именно – царства Вэй.

В период Воюющих царств район к югу от г. Яньань, где и находится могильник Чжайтоухэ, был «коридором Хэси», территорией, за которую долгое время боролись Цинь и Вэй. Наличие на некрополе Чжайтоухэ явных черт «восточной части ареала скифоидных культур», наряду с значительным циньско-вэйским влиянием³, свидетельствует о тесной связи между

¹ Данная черта сильно отличала циньцев от остальных царств «хуася», т.к. там преобладала ориентация головой на север, зафиксированная как черта ритуала в «Ли цзи» [1].

² «Три Цзинь» (三晋) — три выделившихся независимых государства, образовавшиеся на месте царства Цзинь в результате его раздела (на севере Поднебесной). В результате сепаратистских устремлений знати образовались уделы Чжао (赵), Вэй (魏) и Хань (韩). Процесс дезинтеграции цзиньской государственности занял несколько десятилетий, и был обусловлен бурными событиями 481–403 гг. до н. э. Хотя государства ещё долго называли «три Цзинь», на деле каждое из них вело уже совершенно самостоятельную политику, исходя только из собственных интересов.

³ При отсутствии явных черт циньского влияния. При этом само по себе царство Цинь было достаточно тесно связано с «миром жунов». В «Исторических записках» Сыма Цяня подробно излагается история общения (как мирного, так и вооруженного) Цинь с жунами, в том числе их многочисленные брачные связи; по данным историка Цзянь Боцзяня, раннее население Цинь даже называлось «циньскими жунами» [2, с. 290]. Здесь мы, как уже указывалось в начале статьи, должны понимать собирательность понятия «жуны» (戎) в китайской традиции, даже применительно к

населением, оставившим могильник с одной стороны, и государством Вэй – с другой. Многие артефакты, обнаруженные на кладбище Чжайтоухэ¹, весьма напоминают находки из регионов, что находились под контролем государства Цзинь в период Вёсен и Осеней и царства Вэй в эпоху Сражающихся царств² [14, с. 231–241]. В отличие от большинства могильников ранних кочевников Евразии, Чжайтоухэ содержит монеты. Среди них встречаются легенды 梁半銖 и 阴晋半銖, что соответствует изделиям, отчеканенным в Цзинь не позднее середины периода Воюющих царств (т.е. IV в. до н. э.). Кроме того, на кладбище Чжайтоухэ было обнаружено некоторое количество железных поясных крюков. Эти предметы, как правило, крупнее бронзовых аналогов и сильно корродированы. По данным авторов раскопок, технология обработки железа на кладбище Чжайтоухэ в основном соответствует технологии таковой из «Трех Цзинь». При этом из нарративных источников мы знаем, что в период Воюющих царств Хань, Чжао и Вэй были главными центрами металлургии железа на Центральной равнине. Это явление также может служить косвенным доказательством того, что местное «жунское» население, в основном и создавшее могильник из Чжайтоухэ, переняло передовую технологию, привлекало мастеров-хуася³ или же активно закупило продукцию из Вэй [9, с. 85].

Сосуществование вэйских артефактов с «местными» изделиями в Чжайтоухэ указывает на тесную экономическую, культурную и политическую связь. Конкретные проявления этих отношений могли быть различными. Исторические записи об коммуникации между жунами и Вэй весьма малочисленны, но о связях времён единой Цзинь упоминания в нарративных источниках есть. В «Хоу Ханьшу»⁴ (раздел «описание западных цян»)⁴ о времени правления Дао-гуна из Цзинь (晋悼公) говорится: «усмирили различные племена жунов и восстановить владычество. В то время Чу и Цзинь были могущественны и покорили различные племена варваров. Лухунь, Ило и Иньские жуны служили Цзинь, а варвары Мань⁵ следовали за Чу»⁶. Это

отдельно взятому периоду Сражающихся царств. На основании данных археологии у нас есть основания предполагать культурное родство «варваров» - северных соседей «чжоуского мира», но само по себе оно не предполагает ни политического, ни даже языкового единства.

¹ Скажем, триподы дин (鼎) с ножками в виде стилизованных «звериных лап», а также мечи (рис. 1 – 3, 4).

² Следует отметить, что постепенный распад государства Цзинь стал одним из хронологических маркеров перехода от Чуньцю (春秋) к Чжаньго (战国). Хотя название «Вёсны и Осени» происходит от приписываемого Конфуцию исторического сочинения, говорить о смене эпох в V в. до н. э. следует, вероятно, исходя из серьёзных политических изменений в данный период: распада прежде могучего Цзинь, перехода от аристократических отрядов к массовым армиям, активная аннексия территорий в ходе войн (что было мало распространено в VII-VI вв. до н. э.) и т.д.

³ Историческое понятие, представляющее оседлое население царств Центральной равнины, культурно связанное с Чжоу и возводящее преемственность к полубогородной династии Ся.

⁴ Хотя данный памятник является позднейшим по отношению к описываемым событиям, он вбирал в себя более ранние свидетельства, часть которых уже утеряна. Поэтому опора на него видится нам разумной.

⁵ Собирающее название для «варваров юга». В уже упомянутом выше трактате, приписываемом Чжугэ Ляну, о них говорится: Южные народы многочисленны, и их натуру невозможно изменить.

показывает, что к концу периода Чуныцзю отношения между различными группами «жунов» и близких к ним этносов с Цзинь уже были весьма тесными, и часть образований (племенных или раннегосударственных) находилась в подчинении правителя Цзинь.

Нужно учитывать, что в эпоху династии Восточная Чжоу «варвары» на Центральной равнине и у её границ играли роль, чем-то напоминающую таковую в Римской империи. Иными словами, с одной стороны «жуны и ди» были источником наёмников [3], могли становиться вассалами царей-хуася, подчас основывали собственные династии (как это было с «белыми ди» [11], составившими элиту Чжуншань¹ [7]). Время от времени «варваров» как «федератов» размещали на подвластных землях *ваны* северо-западных уделов [5]. Естественно, кроме этого был и военный сценарий взаимодействия, при котором скотоводы нападали на земледельцев, а те, в свою очередь, организовывали ответные походы². Именно в такой весьма сложной среде, со множеством сценариев взаимодействия, к концу периода Сражающихся царств сформируется общность сюнну. На это указывают и естественнонаучные исследования, доказывающие, что, скажем, на генетику усопших могильника сюнну в Монголии заметное влияние оказало население из ареала археологических культур раннего железного века [10] (в т.ч. скифоидной культуры янлан [4]). Но, даже без учёта «связи через гаплогруппы», сюнну в значительной степени повторяли те же модели взаимодействия с Поднебесной. Ко времени Восточной Хань южные сюнну играли примерно ту же роль в китайской политике [12], что до них «жуны и ди» (включая тех, кто создал описываемый нам могильник Чжайтоухэ). Точно также при Западной Хань в контактной зоне возникали смешанные типы погребального обряда³ с артефактами «внешнего» происхождения [13].

Они постоянно образуют союзы племён, преследуя общие интересы. Как только исчезает польза от их союзов, они нападают друг на друга. Они проживают в пещерах горы И. Есть те, которые собираются вместе. Есть те, которые рассредоточиваются повсюду – на западе до хребта Куньлунь, на востоке до морей. Рядом с морем имеется множество редких товаров, поэтому они жадные и искусные в войне. Весной и летом они часто болевают. Именно это время подходит для нападения на них. Они не смогут долго сопротивляться». Царство Чу располагалось на юге культурного круга Чжоу, так что экспансия данного государства закономерно была направлена именно на «южных инородцев».

⁶В иероглифической записи (с современными знаками препинания: «又使魏绛和诸戎，复修霸业。是时，楚、晋强盛，威服诸戎，陆浑、伊洛、阴戎事晋，而蛮氏从楚».

¹ Примечательно, что именно Вэй находилось в активных отношениях с «полу-варварским» государством Чжуншань. В 408 г. до н. э. первое было захвачено царством последним [8]. Вэйский правитель Вэнь-хоу не стал уничтожать княжество «белых ди», сделав его младшим союзником, и отдав в управление своему сыну Цзи. В 343 г. до н. э. правитель владения Чжуншань стал первым министром Вэй.

² Этим обусловлена в значительной степени традиция строительства «длинных стен», начавшаяся задолго до Цинь Шихуанди.

³ С ханьскими и «варварскими» чертами.

Список источников и литературы:

1. Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. Циньские погребальные памятники додинастического периода // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т.4, вып. 4. – С. 7–11.
2. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. и коммент Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, под общ. ред. Р. В. Вяткина. – М.: ГРВЛ, 1975. Т. 2. – 579 с.
3. Шульга Д.П. Меридиональные связи в Китае III в. до н. э. как прелюдия Шёлкового пути // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 1. – С. 77–85.
4. Шульга Д.П., Шульга П.И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском атономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2019. Т. XXV. – С.649–655.
5. Шульга П.И., Шульга Д.П. О миграциях ранних кочевников в Китае и на соседних территориях // Stratum plus. – 2020. – №3. – С. 15–31.
6. Шульга П.И., Шульга Д.П. Новые материалы по жертвенным животным в погребениях культуры Янлан V-III вв. до н.э. (Китай) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021 №13. – С. 453–466.
7. Ли Сюэцинъ, Ли Лин. Пиншань саньци юй Чжуншаньго шидэ жогань вэньти [李学勤, 李零。平山三器与中山国史的若干问题// 考古学报] = Три бронзовых сосуда из уезда Пиншань и вопросы истории Чжуншань // Каогусюэбао. 1979. №2. – С. 147–170.
8. Нью Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян. Вэйме Чжуншань чжичжань каолюэ [牛俊法, 陈建强。魏灭中山之战考略 // 军事历史] = Исследование завоевания царства Чжуншань царством Вэй // Военная история. 2008. № 2. – С. 46–49.
9. Сунь Чжоуюн, Сунь Чжаньвэй, Шао Цзин. Хуанлин чжайтоухэ чжаньгомуди сянгунань вэньти танбао. [孙周勇、孙战伟、邵晶, 黄陵寨头河战国墓地相关问题探讨 // 考古与文物 2012 年第 6 期] Обсуждение актуальных вопросов, касающихся могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств в уезде Хуанлин // Каогу юй вэнью (Археология и культурное наследие). 2012. №6. – С. 79–86.
10. Цай Давэй, Чэнь Си, Чжао Синь, Чжу Хун, Чжоу Хуэй. Мэнгу го Хулаха шаньгу М21 хао сунну му чжу дэ сяньлити DNA фэньси таньтао [蔡大伟、陈曦、赵欣、朱泓、周慧, 蒙古国胡拉哈山谷 M21 号匈奴墓主的线粒体 DNA 分析。2015。 №13] = Анализ митохондриальной ДНК усопшего из хуннского погребения М21 в долине Хулаха, Монголия // Археологические исследования приграничья (Бяньцзян каогу яньцзю). 2015. № 13. – С. 140–144.

11. Цао Инчунь. Фэйюэ юй тунбу Чжуншань го цзинци фачжань тебянь фэньси [曹迎春。《飞跃》与《同步》中山国经济发展特点分析// 河北师范大学学报] = Стремительный скачок и «шаг в ногу» – анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. – С. 137–140. (на кит. яз.).

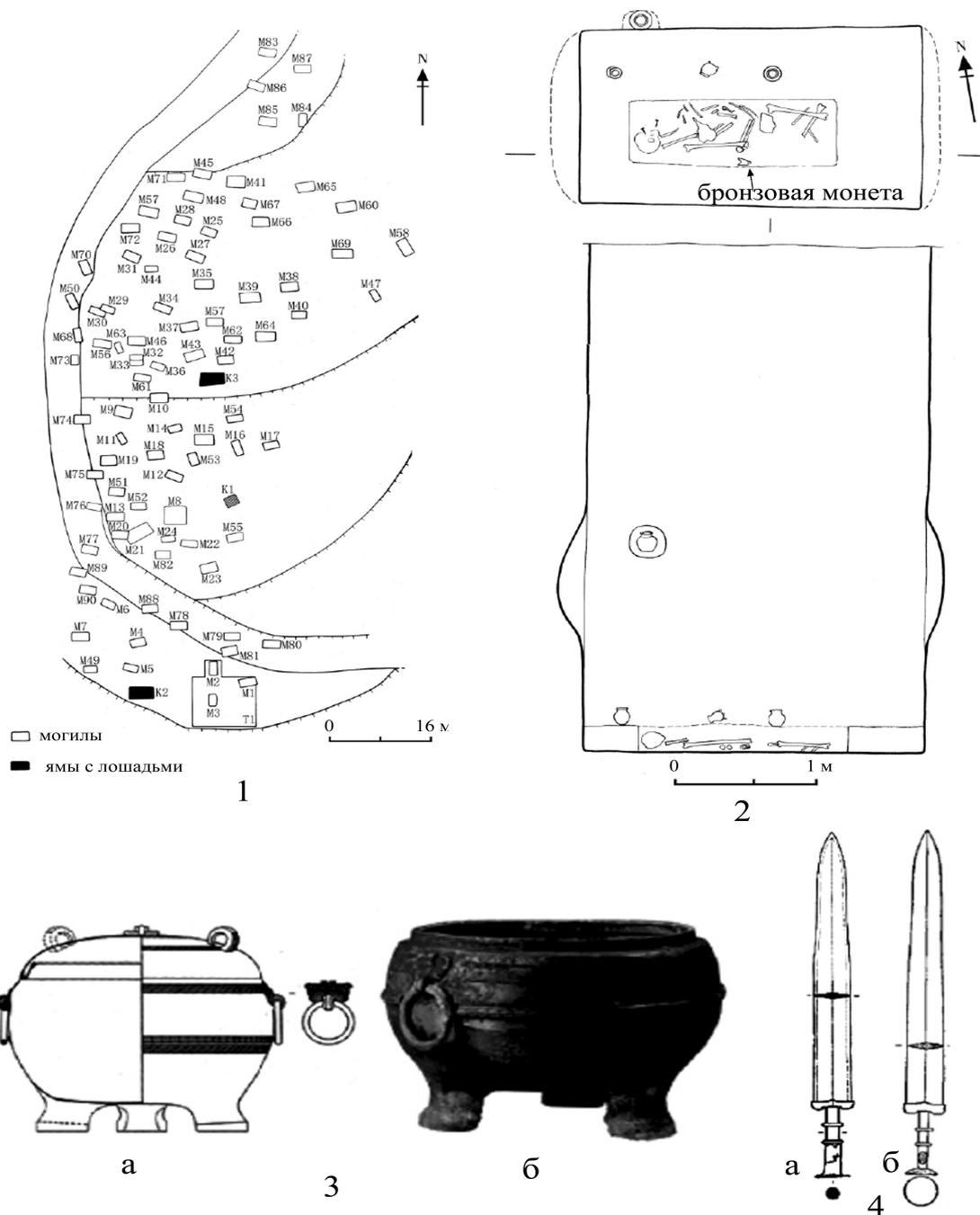
12. Цзян Лу. Бэйфан дицюй «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [蒋璐, 北方地区《南匈奴》墓葬再探讨 // 边疆考古研究。2011。№1] = Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае // Археологические исследования приграничья (Бяньцзян каогу яньцзю). 2011. № 1. – С. 244–253.

13. Цзян Лу. Бэйфан дицюй хань му гэцзюй яньбянь юй ханьдай бяньцзян чжэнцэ дэ гуаньси [蒋璐, 北方地区汉墓格局演变与汉代边疆政策的关系 // 华夏考古。2015。№3] = Связь между эволюцией ханьской захоронений в северном регионе и пограничной политикой династии Хань // Археология хуася (Хуася каогу). 2015. №3. – С. 84–87.

14. Чжан Чаншоу, Инь Вэйчжан. Чжунго каогусюэ: лян Чжоу цзюань. [张长寿, 殷玮璋。中国考古学: 两周卷。北京: 中国社会科学出版社, 2004。] = Китайская археология: Эпоха двух Чжоу. Пекин, 2004. – 564 с.

15. Шэньсийский провинциальный археологический институт, Яньбяньский муниципальный институт культурного наследия, Бюро туризма и культурного наследия уезда Хуанлин. Шаньси хуанлин чжайтоухэ чжаньго жун жэнь муди фацзюэ цзяньбао. [陕西省考古研究院、延安市文物研究所、黄陵县旅游文物局, 陕西黄陵寨头河战国戎人墓地发掘简报 // 考古与文物 2012 年第 6 期.] Краткий отчет о раскопках жунского могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств (Хуанлин, провинция Шэньси) // Каогу юй вэнью (Археология и культурное наследие). 2012. №6. – С. 3–10.

Шульга Д.П. <https://orcid.org/0000-0001-8022-2954>

Подрисуночные подписи:

Рис. 1. Некоторые данные и артефакты могильника Чжайтоухэ. 1 – общий план некрополя; 2 – погребение M51 с обозначением места расположения бронзовой монеты; 3 – бронзовые триподы, а – найденный в погребении M84 могильника Фэньшуйлин из культурного ареала царства Вэй (ныне городской округ Чанчжи в провинции Шаньси, КНР), б найденный в погребении M7

могильника Чжайтоухэ (прорисовка пока не опубликована); 4 – бронзовые мечи, а – найденный в погребении М55 могильника Чжайтоухэ, б – найденный в погребении М2728 могильника Янчжунчжоулу, расположенного на стыке владений Вэй и Чжоу (ныне – окраина г. Лоян).

Дается по: 1, 2: Шэньсийский провинциальный археологический институт, Яньаньский муниципальный институт культурного наследия, Бюро туризма и культурного наследия уезда Хуанлин. Шаньси хуанлин чжайтоухэ чжаньго жун жэнь муди фацзюэ цзяньбао. [陕西省考古研究院、延安市文物研究所、黄陵县旅游文物局·陕西黄陵寨头河战国戎人墓地发掘简报 // 考古与文物 2012 年第 6 期.] Краткий отчет о раскопках жунского могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств (Хуанлин, провинция Шэньси) // Каогу юй вэньу (Археология и культурное наследие). 2012. №6. – С. 4, 7.

3, 4: Сунь Чжосюан, Сунь Чжаньвэй, Шао Цзин. Хуанлин чжайтоухэ чжаньгомуди сягуань вэньти танбао. [孙周勇、孙战伟、邵晶, 黄陵寨头河战国墓地相关问题探讨 // 考古与文物 2012 年第 6 期] Обсуждение актуальных вопросов, касающихся могильника Чжайтоухэ периода Воюющих царств в уезде Хуанлин // Каогу юй вэньу (Археология и культурное наследие). 2012. №6. – С. 79–86.

УДК 94(620)“1830/1840”
DOI: 10.5281/zenodo.19115298
EDN: DTBHPP

Р.Г. Харьковский

кандидат исторических наук, доцент, директор института управления и государственной службы

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. В. Даля»

E-mail: wwryslan@mail.ru

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕГИПТУ В ПЕРИОД ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИХ КОНФЛИКТОВ 30-х – 40-х ГГ. XIX В.

Аннотация

Статья посвящена исследованию англо-французского дипломатического противостояния в Египте в период турецко-египетских конфликтов 1831-1833 гг. и 1839-1841 гг. В работе проанализировано, как итоги турецко-египетской конфронтации 30-х – 40-х гг. XIX в. повлияли на расстановку сил на мировой арене, а также как они отразились на позициях Франции и Великобритании в Северо-Восточной Африке. Обосновано мнение, что именно с турецко-египетских кризисов 1831-1833 гг. и 1839-1841 гг. начинается активное англо-французское противостояние в Долине Нила.

Ключевые слова: *Северо-Восточная Африка, колониализм, англо-французские отношения, турецко-египетские конфликты, Мухаммед Али.*

Summary

The article is devoted to the study of the Anglo-French diplomatic confrontation in Egypt during the Turkish-Egyptian conflicts of 1831-1833 and 1839-1841. The paper analyzes how the results of the Turkish-Egyptian confrontation of the 1830s and 40s influenced the balance of power on the world stage, as well as how they affected the positions of France and Great Britain in Northeast Africa. The opinion is substantiated that it was with the Turkish-Egyptian crises of 1831-1833 and 1839-1841 that the active Anglo-French confrontation in the Nile Valley began.

Keywords: *Northeast Africa, colonialism, Anglo-French relations, Turkish-Egyptian conflicts, Muhammad Ali.*

Во второй половине XIX в. колониальные процессы в Африке заметно ускорились, что привело к столкновению интересов различных метрополий. Особенно острое противостояние развернулось между Великобританией и Францией в Северо-Восточной Африке. Оба государства претендовали на

усиление своего влияния сначала в Египте, а затем и в Судане, что в конечном счете привело к британской оккупации Египта в 1882 г. и Фашодскому кризису 1898 г. При этом, предпосылки англо-французского колониального противостояния в регионе, на наш взгляд, берут свое начало еще в первой половине XIX в., во время турецко-египетских конфликтов 1831-1833 гг. и 1839-1841 гг.

Актуальность исследования колониальной политики Парижа и Лондона по отношению к Египту в рассматриваемый период, по нашему мнению, обусловлена следующими факторами: во-первых, изучение позиций Великобритании и Франции по отношению к турецко-египетским конфликтам позволяет установить, какие мотивы двигали данными государствами или если быть точнее – какая составляющая, экономическая или политическая, превалировала в желании Парижа и Лондона закрепиться в Египте. Во-вторых, исследование поставленной темы призвано помочь выявить истоки обострения англо-французского противостояния в Северо-Восточной Африке во второй половине XIX в. В-третьих, рассмотрение политики Великобритании и Франции по отношению к Египту в данный период дает возможность проследить процесс изменения методов и целей британской и французской политики в Долине Нила с течением времени. Кроме того, изучение постепенного проникновения Великобритании и Франции в Египет способствует пониманию глубины укоренившегося англо-французского влияния в регионе, что позволяет учитывать это при формировании современной политики Российской Федерации по отношению к Египту.

Цель работы – проанализировать колониальную политику Великобритании и Франции в Египте в период турецко-египетских кризисов 1831-1833 гг. и 1839-1841 гг. и выявить, как итоги данных конфликтов отразились на позициях Парижа и Лондона в рассматриваемом регионе.

Степень исследования поставленной темы, на наш взгляд, находится на удовлетворительном уровне, однако, при рассмотрении колониальной политики Парижа и Лондона в отношении Египта в данный период все еще встречаются белые пятна. Так, необходимо отметить, что из отечественных историков последних лет англо-французское противостояние в Египте затрагивалось в работах таких авторов как: А.А. Айвазян, Е.В. Морозов, М.С. Бурьян, А.Х. Хизриев [1; 2; 3; 4]. Тем не менее, хронологические рамки диссертационных исследований вышеупомянутых ученых не охватывают период турецко-египетских кризисов, а научные статьи большинства отечественных авторов (Д.Н. Иванов, Ж.В. Петрунина, А.Д. Панеш, З.М. Басиева и др.), в той или иной мере посвященные турецко-египетским конфликтам, преимущественно сосредоточены на позиции России и её отношениях с Османской империей. Таким образом, необходимо отметить, что актуальность поставленной темы ещё более усиливается тем фактом, что ранее не предпринималось попыток рассмотреть турецко-египетские конфликты первой половины XIX в. на предмет их роли в зарождении англо-французского колониального противостояния в Египте.

Переходя непосредственно к теме исследования, следует сказать, что Египет находился под властью Османской империи еще с XVI в., в связи с чем влияние европейских государств на данный регион долгое время оставалось крайне ограниченным. Изменилось это положение лишь в конце XVIII – начале XIX вв. после египетского похода Наполеона Бонапарта, побудившего европейские державы обратить на Египет более пристальное внимание.

При этом, стоит заметить, что европейская экспансия первой половины XIX в. носила весьма мирный характер. Поражение Наполеона, успешно захватившего Египет, но в конечном счете не сумевшего его удержать, на некоторое время поумерило пыл европейских колониалистов. На смену идее прямой военной интервенции пришло использование методов «мягкой силы». Французские веяния проникали в Египет как путем обучения турецких и египетских студентов в парижских учебных заведениях, где им прививалась любовь к французской культуре, так и посредством увеличения в регионе активности французской промышленной и торговой буржуазии. Кроме того, Франция оказывала существенную поддержку правителю Египта Мухаммеду Али, предоставляя последнему денежные займы и высококвалифицированные военные кадры [5], в связи с чем отношения между Парижем и Каиром в первой трети XIX в. носили весьма тесный дружественный характер.

В этот же период наблюдается снижение роли Османской империи на международной арене. Некогда Блистательная Порта из одной из самых могущественных мировых держав постепенно превращается в своеобразный «балансир» европейских интересов. Как справедливо отмечает французский историк Оливье Буке, «Османское государство оставалось суверенным ценой усиления финансовой зависимости и подчиненного положения в политических играх» [6]. На решения Стамбула начинают оказывать значительное влияние позиции ведущих геополитических игроков, таких как Великобритания, Франция и Россия. Каждое из вышеназванных государств в те или иные моменты стремилось заручиться поддержкой турецкого султана, так как ряд международных вопросов решался в зависимости от того, на чьей чаше весов окажется этот «балансир». Тем не менее, правительство Османской империи более не претендовало на ведущую роль в мировой политике и преимущественно выбирало на чью сторону следует стать в той или иной ситуации.

Египет, на фоне общего ослабления Порты и непосредственно власти турецкого султана, напротив, стал развиваться значительно более стремительно, чем ранее. Пришедший к власти в начале XIX в. египетский паша Мухаммед Али (1769–1849) оказался сильным и прагматичным политиком, поставившим перед собой амбициозную цель – разорвать вассальную зависимость Египта от Османской империи и добиться суверенитета. Как следствие, интересы Каира стали противоречить политике Стамбула. Новый египетский паша всеми силами старался усилить Египет, чтобы последний обрел независимость, в то время как Порта стремилась не допустить развития

сепаратистских тенденций на территории собственного государства. Итогом данных противоречий стал разразившийся в 1831 г. турецко-египетский кризис.

Поводом для начала конфликта между Османской империей и Египтом послужил отказ турецкого султана Махмуда II (1785-1839) передать Сирию под управление Мухаммеда Али. Несмотря на то, что турецкий правитель ранее обещал данную территорию египетскому паше за помощь в подавлении греческого восстания, «Порта не хотела еще более усиливать своего и без того опасного для нее вассала и отклонила его (Мухаммеда Али) просьбу» [7]. Вскоре после этого «египетские войска вторглись в Сирию» и в течение 1832 г. нанесли Порте ряд существенных поражений [8].

Ослабленная после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Османская империя не могла самостоятельно справиться с натиском Мухаммеда Али. Ситуация Порты осложнялась тем, что в 1830 г. центробежные тенденции в государстве значительно усилились за счет двух важных событий: признания великими державами независимости Греции от Османской империи и вторжения французской армии в Алжир, формально находившийся под властью турецкого султана. Историк В.В. Разумный отмечает, что признание за Грецией независимости «вызвало внутривосточный кризис в Турции, поскольку все военные и дипломатические попытки османского правительства сохранить контроль над греческой территорией закончились провалом» [9]. В свою очередь, французская интервенция в Алжир, прошедшая без какого-либо значительного сопротивления со стороны Порты, явно продемонстрировала слабость турецкой позиции и дала Мухаммеду Али повод для того, чтобы предпринять попытку расширить политические права Египта. Не имея возможности отстоять ни территорию Греции, ни территорию Алжира, Порта тем более была не в состоянии самостоятельно справиться с хорошо подготовленной египетской армией, в связи с чем была вынуждена искать помощи у ведущих европейских держав. Прежде всего Махмуд II рассчитывал на поддержку со стороны Великобритании и Франции, с которыми Порту связывали наиболее тесные отношения, однако, ни в Париже, ни в Лондоне его просьбы не нашли положительного отклика. Подобный ответ султан получил также в Вене и Берлине.

Рассматривая английскую позицию, необходимо отметить, что лорд Палмерстон (1784–1865), являвшийся на тот момент министром иностранных дел Великобритании, не питал энтузиазма к решению турецких проблем силами британских войск [10]. Подобный подход во многом был обусловлен тем, что какие-либо активные действия в Северо-Восточной Африке, не согласованные предварительно с Парижем и Санкт-Петербургом, могли привести к ухудшению отношений с Францией и Россией. По мнению Форин-офиса данный риск не был оправдан, в связи с чем официальная позиция Лондона сводилась к выражению Махмуду II сочувствия из-за египетского восстания, но при этом констатации невозможности оказания Османской империи реальной помощи в силу существования «серьезных затруднений» [11].

В то же время, так как одной из приоритетных задач, стоявших перед Великобританией на тот момент, было не дать «ни одному европейскому государству» закрепиться на пути в Индию [12], в Лондоне находили перспективу расширения власти профранцузски настроенного египетского паши, крайне раздражающей, что в дальнейшем нашло отражение в действиях Великобритании во время турецко-египетского конфликта 1839–1841 гг.

В свою очередь, Франция, по словам британского дипломата Д.А. Кэмерона (1856-1936), «вела двойную игру», поддерживая Турцию и в то же время негласно покровительствуя Мухаммеду Али [13]. При этом, Франция не предпринимала никаких активных действий, так как, в Париже ясно осознавали, что в случае успеха мятежного вассала Порты, Франция, поддерживавшая с египетским пашой дружественные отношения, сможет значительно расширить сферу своего влияния. В связи с этим, бездействие являлось вполне закономерным решением: данный подход позволял Франции, не испортив отношения с другими европейскими государствами, усилить свое присутствие на Ближнем Востоке. Тем не менее, вероятность подобного исхода вызывала опасения в другой державе – Российской империи, что отчасти и определило ее политику во время турецко-египетского кризиса 1831 г.

В Санкт-Петербурге не желали разрушения Османской империи, так как, это привело бы к коренному изменению баланса сил в Европе и с большой вероятностью усилило бы позиции Франции и Великобритании в Африке и на Ближнем Востоке. «Завоевание Турции Мухаммедом Али, – по словам министра иностранных дел России К.В. Нессельроде, – могло бы возродить новые силы в этом упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы...» [14]. В то же время, будучи готовой оказать помощь, Россия не спешила инициировать данный шаг. В Петербурге видели возможность предоставить Османской империи поддержку лишь в случае официального запроса от Порты, который, как отмечает Г.А. Гребенщикова, поступил лишь в январе 1833 г., когда египетские войска находились в опасной близости от турецкой столицы [15].

Узнав о том, что Российская империя готова предоставить помощь султану Махмуду II, французское правительство предприняло попытку оказать дипломатическое давление на Порту, а также договориться с Лондоном о принятии ответных мер в отношении Санкт-Петербурга. Тем не менее, ни одна из держав не была готова к прямому конфликту с Россией, в связи с чем французские маневры не принесли желаемых результатов.

«В феврале 1833 г. в Босфор вошли русские военные корабли, а в течение февраля-апреля того же года около 10 тыс. солдат русских десантных частей встали лагерем в долине Ункяр-Искелеси на азиатском берегу Босфора» [16]. Как отмечает Д.Р. Жантиев, «российское правительство было готово вступить в прямой военный конфликт» с египетским пашой в случае срыва переговорного процесса между Египтом и Портой [17], однако, присутствие русских военных сил являлось достаточным аргументом для Мухаммеда Али, чтобы осознать все трудности дальнейшего продвижения к Стамбулу в случае продолжения

военных действий. Таким образом, египетский паша, не без участия Великобритании и Франции, был вынужден пойти на переговоры.

В конечном счете турецко-египетский кризис 1831–1833 г. завершился подписанием между Мухаммедом Али и Махмудом II в мае 1833 г. Кютахийского соглашения, согласно которому египетский паша прекращал военные действия в отношении Порты, однако, сохранял власть над Сирией, Палестиной и Киликией. Тем не менее, условия договора в полной мере не удовлетворяли ни Каир, ни Стамбул. В ходе данного конфликта, Мухаммед Али так и не достиг своей главной цели – независимости Египта, в то время как турецкий султан потерял значительную часть территорий. Подобное положение подогревало реваншистские настроения с обеих сторон и закономерно вело к новому конфликту, который, как показала история, разгорелся спустя несколько лет после подписания мирного договора.

Для Великобритании и Франции Кютахийское соглашение было приемлемым вариантом разрешения конфликта, однако, в июне того же года между Россией и Османской империей был заключен Ункяр-Искелесийский договор, который сильно ударил по европейским партнерам Порты. Как современники исследуемых событий, так и историки наших дней отмечают, что Ункяр-Искелесийский договор был «выдающимся успехом российской дипломатии» [18]. Фактически, между Россией и Османской империей был заключен оборонительный союз, который заметно встревожил Великобританию и Францию, а также предопределил «усиление противостояния между Россией и другими великими державами на протяжении 1833–1841 гг.» [19].

В то же время, несмотря на ослабление европейского влияния на Порту, необходимо обратить внимание на то, что для Парижа общие итоги турецко-египетского конфликта все еще представлялись весьма выгодными. Территориальные приобретения Мухаммеда Али предполагали усиление французского присутствия на Ближнем Востоке. При этом, Франция, во многом из-за участия России, не вступила в конфронтацию с Великобританией, имевшей собственные интересы в регионе. Как следствие, французы заручились британской поддержкой в противостоянии с Россией, а также заметно расширили своё влияние на Ближнем Востоке, практически обойдясь без потерь. Наиболее значимым негативным последствием для Франции являлось то, что, поддержав Мухаммеда Али, Париж продемонстрировал другим участникам конфликта свои интересы в отношении Северо-Восточной Африки и Восточного Средиземноморья, что вызвало недовольство в правительственных кругах Великобритании и России [20]. Данное обстоятельство во многом предопределило позиции Лондона и Санкт-Петербурга в решении следующего турецко-египетского конфликта 1839–1841 годов.

В целом же, следует отметить, что для европейских держав ключевые итоги турецко-египетского кризиса 1831–1833 гг. заключались в обострении конфронтации с Россией на фоне заключения последней оборонительного

союза с Портой, а также усилении французского влияния на Ближнем Востоке. Наименее благоприятным исход конфликта оказался для Великобритании и Османской империи. После подписания Ункяр-Искелесийского договора, влияние Лондона на Порту заметно ослабло, а отношения между Великобританией и Россией стали гораздо более напряженными. В то же время, Стамбул был вынужден смириться с потерей ряда территорий и усилением своего мятежного вассала, что не устраивало турецкого султана. Впоследствии, данные противоречия вылились в новый турецко-египетский конфликт.

Как было отмечено ранее, после заключения Кютахийского соглашения и Ункяр-Искелесийского договора, Франция, покровительствовавшая египетскому паше, оказалась в выигрышном положении. При этом, позиция Парижа в отношении Каира оставалась двоякой. С одной стороны, Франция была заинтересована в сильном Египте, в связи с чем поддерживала дружественные отношения с Мухаммедом Али и оказывала последнему необходимую помощь; с другой – французская дипломатия стремилась ограничить стремления египетского паши к независимости, так как, новый конфликт между Египтом и Портой привел бы к нежелательному для Франции вмешательству других великих держав. Подтверждение позиции Парижа можно найти в словах заведующего протокольным отделом министерства иностранных дел Франции Эмиля Дезажа (1793–1850), сказанных им во время беседы с турецким послом в Париже Мустафой Решидом (1800–1858), о том, что мирное решение турецко-египетских разногласий «соответствует политике данного времени» [21].

Тем не менее, французские попытки примирить враждующие стороны не находили отклика ни в Каире, ни в Стамбуле. На протяжении второй половины 1830-х гг. Египет и Османская империя постепенно двигались к новому конфликту. Ни египетский паша, ни турецкий султан не были удовлетворены условиями Кютахийского соглашения. Мухаммед Али желал независимости Египта, о чем предварительно сообщил представителям Великобритании, Франции и России. Столкнувшись с негативной реакцией великих держав, египетский паша «предъявил требование предоставить ему наследственные права на все территории, которыми он управлял» [22]. Махмуд II, и без того не одобрявший произошедшее в последние годы усиление Египта, не мог пойти на такие уступки, в связи с чем в 1838 г. отношения между Каиром и Стамбулом значительно обострились. Обе стороны готовились к войне.

Несмотря на предъявленное Великобританией и поддержанное Францией требование о прекращении рекрутского набора в Египте, Мухаммед Али продолжил наращивать войска, ответив европейским консулам следующим образом: «Поручите мне, что на меня не будет совершено нападение, и я отменю набор» [23]. Не собиравшись отступить и Махмуд II, до последнего пытавшийся заручиться поддержкой Лондона на случай начала войны между Египтом и Портой, однако, так и не получивший от англичан официального заверения о помощи в случае конфликта.

Тем временем ситуация на границе владений Мухаммеда Али и Махмуда II крайне быстро накалялась. В апреле 1839 г. султанские войска уже находились на границе Сирии и вскоре начали наступление. Тем не менее, спустя два месяца военной кампании, египетская армия нанесла сокрушительное поражение турецким солдатам в битве при Незибе [24], а вскоре после этого скончался и сам султан Махмуд II. Военные успехи Мухаммеда Али и смерть правителя Порты подтолкнули великие державы к немедленному вмешательству в турецко-египетский конфликт.

В июле 1839 г. представители Великобритании, Франции, России, Австрии и Пруссии направили турецкому правительству совместную ноту с предложением «воздержаться от принятия без их содействия каких бы то ни было окончательных решений» [25]. Взошедший на престол после смерти Махмуда II новый султан Османской империи Абдул-Меджид, не имея возможности продолжать конфликт с Мухаммедом Али, но при этом не желая идти последнему на уступки, согласился оставить решение конфликта на усмотрение пяти великих держав [26].

В конце 1839 г. в Лондоне вышеупомянутыми пятью государствами началось обсуждение турецко-египетского вопроса, однако, практически сразу обнаружилось острые противоречия между интересами Франции и намерениями других участников Лондонской конференции. Париж всеми силами стремился защитить завоевания Мухаммеда Али и убедить Порту пойти на уступки. Остальные державы были крайне встревожены экспансионистскими планами Июльской монархии в отношении стран Леванта, в связи с чем между Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией вскоре начались секретные переговоры, имевшие целью не допустить усиления Египта и, соответственно, Франции на Ближнем Востоке.

15 июля 1840 г. между всеми участниками конференции (в том числе – Османской империей), кроме Франции, была подписана Лондонская конвенция, предусматривавшая условия прекращения военных действий между Египтом и Портой, а также режим Черноморских проливов. Согласно договору, Мухаммед Али получал наследственные права на управление Египтом и пожизненные на южную часть Сирии и Акку. При этом, египетский паша был обязан вернуть турецкий флот и продолжать платить Османской империи ежегодную дань. В случае несогласия Мухаммеда Али с выдвинутыми условиями, договаривающиеся стороны должны были применить силу и принудить египетского пашу к исполнению конвенции.

Таким образом, Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия фактически лишили Мухаммеда Али большей части его завоеваний за период обоих турецко-египетских кризисов. Франция, открыто выступавшая против подобного решения других великих держав, так и не смогла помочь своему протеже и оказалась в дипломатической изоляции.

Не без военного участия государств, подписавших Лондонскую конвенцию 1840 г., Мухаммед Али в ноябре того же года был вынужден принять все предъявляемые ему требования. В то же время Франция, более не

имевшая возможности что-либо сделать для Египта, стремилась выйти из дипломатической изоляции. В связи с готовностью Парижа сотрудничать, в январе 1841 г. возобновились обсуждения турецко-египетского вопроса, однако, уже с реальным участием Франции.

По итогам конференции было принято решение, согласно которому Мухаммед Али оставался вассалом султана и получал в управление только Египет. Размер египетской армии ограничивался, а высшие военные должности занимали люди, назначаемые турецким султаном. Положение Египта сводилось к простой привилегированной провинции с правом автономии в установленных Портой пределах.

В июле 1841 г. была заключена Лондонская конвенция о проливах, предусматривавшая закрытие Босфора и Дарданелл для прохода военных судов всех стран в мирное время. Условия конвенции не сильно отличались от принятых годом ранее и были направлены на нивелирование преимуществ России, полученных после подписания Ункяр-Искелесийского договора [27].

Решения, принятые на Лондонских конференциях 1839–1841 гг., можно по праву считать успехом британской дипломатии. Британское министерство иностранных дел, возглавляемое Палмерстоном, сумело не только ослабить позиции Франции в Египте, но и устранить «преобладающее влияние» России в Стамбуле, которое, по словам историка В.И. Ключевского, «казалось западным державам грозною опасностью для политического равновесия Европы» [28].

Таким образом, турецко-египетский конфликт 1831–1833 гг., на наш взгляд, закончился положительно для Египта, Франции и России: Мухаммед Али смог значительно расширить свои владения, что способствовало проникновению французского капитала в новые регионы и, соответственно, укреплению позиций Парижа на Ближнем Востоке. Россия, в свою очередь, добила от Порты выгодного режима Черноморских проливов и усилила свое влияние в Стамбуле.

Успехи, достигнутые Парижем и Санкт-Петербургом по итогам Кютахийского соглашения и Ункяр-Искелесийского договора, вызывали серьезные опасения в Лондоне. Во время следующего турецко-египетского конфликта 1839–1841 гг., вызванного реваншистскими настроениями как в Каире, так и в Стамбуле, министерство иностранных дел Великобритании очень искусно сыграло на русско-французских противоречиях и добилось подписания Лондонских конвенций, которые сводили на нет большую часть приобретений России и Франции, полученных ими во время турецко-египетского кризиса 1831–1833 гг.

Дипломатическую победу Лондона, по нашему мнению, во многом предопределило наличие у Великобритании общих интересов как с Россией, так и с Францией. В Санкт-Петербурге не желали распада «слабой» Османской империи и появления вместо нее нового сильного государства во главе с профранцузски настроенным Мухаммедом Али, в то время как в Париже были недовольны усилением российского влияния в Порте, в связи с чем, всеми силами стремились не допустить продления Ункяр-Искелесийского договора и

ослабить влияние России на политику Стамбула. Ловкое лавирование британского министерства иностранных дел между интересами Франции и России, позволило Лондону как заручиться поддержкой Санкт-Петербурга против Франции в вопросе решения турецко-египетского конфликта, так и продвинуть идею об отмене льготного режима Черноморских проливов для России, что, в свою очередь, было выгодно Парижу. Таким образом, Лондонские конвенции 1840–1841 гг. ознаменовали дипломатический успех Великобритании и позволили последней, практически ничего не теряя, ослабить российское влияние в Стамбуле и французское – в Каире.

Так же необходимо отметить, что, с нашей точки зрения, именно в период рассмотренных турецко-египетских конфликтов начинается активная фаза англо-французского колониального противостояния в Северо-Восточной Африке, которое особенно обострилось во второй половине XIX в. Вскоре после того, как вспыхнул турецко-египетский кризис 1831–1833 гг., Франция стала более открыто проявлять свою заинтересованность в Египте, что не могло не взволновать Великобританию, стремившуюся противодействовать расширению французского влияния. Дальнейшие действия Лондона вынуждали Париж предпринимать ответные меры, что приводило к дальнейшей спиралевидной эскалации англо-французских противоречий в Северо-Восточной Африке на протяжении оставшейся части XIX в.

Список литературы и источников:

1. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / А.А. Айвазян. – Москва, 2014. – 306 с.
2. Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты: конец XIX – начало XX вв.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / Е.В. Морозов. – Санкт-Петербург: 2008. – 286 с.
3. Бурьян М.С. Кризис колониальной политики Великобритании в Египте и Судане в первой трети XX века: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03 / М.С. Бурьян. – Москва, 1996. – 363 с.
4. Хизриев А.Х. Египет в восточной политике великих держав от строительства Суэцкого канала до английской оккупации: 1854-1882 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / А.Х. Хизриев. – Махачкала, 2010. – 192 с.
5. Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX века / Н.А. Ерофеев. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
6. Буке О. Османская империя: шесть веков истории / О. Буке. – пер. с французского А.Ю. Беляк, Е.Е. Гусакова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. – 352 с.
7. Новичев А.Д. История Турции. Том 2. Новое время. Часть 1 (1792-1839) / А.Д. Новичев. – Ленинград: Издательство ЛОЛГУ им. А.А. Жданова, 1968. – 280 с.

8. Петрунина Ж.В. Отношение мусульманских народов южных окраин России к первому турецко-египетскому кризису (1831–1833 гг.) / Ж.В. Петрунина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 10 (1). – С. 22-26.

9. Разумный В.В. Геополитическое значение событий начала 1830-х годов для русско-турецких отношений // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: материалы Международной научно-практической конференции / ответственные редакторы В.В. Касьянов, А.В. Баранов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – С. 111-115.

10. Webster Ch.K. The foreign policy of Palmerston 1830-1841. Vol. 1. / Ch.K. Webster. – London: G. Bell & Sons, 1951. – 544 p.

11. Архив внешней политики Российской империи Историко-документального управления МИД РФ (далее – АВПРИ). Фонд № 137. Отчеты МИД России, 1830-1916 гг. Опись 475. За/д. № 2. Отчет о деятельности МИД за 1831 и 1832 гг. Л. 349.

12. Dodwell H. The founder of modern Egypt: a study of Muhammad ‘Ali / H. Dodwell. – New York: AMS Press, 1977. – 276 p.

13. Cameron D.A. Egypt in the nineteenth century; or, Mehemet Ali and his successors until the British occupation in 1882 / D.A. Cameron. – London: Smith, Elder & co., 1898. – 314 p.

14. Русские на Босфоре в 1833 году. Из записок Н.Н. Муравьева (Карсского) / Н.Н. Муравьев. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1869. – 572 с.

15. Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год. / Г.А. Гребенщикова // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 7. – С. 44-51.

16. Петросян Ю.А., Гасратян М.А., Орешкова С.Ф. Очерки истории Турции / Ю.А. Петросян, М.А. Гасратян, С.Ф. Орешкова. – М.: Наука, 1983. – 295 с.

17. Жантиев Д.Р. Завоевание Сирии Мухаммадом Али-пашой в 1831–1832 годах и его влияние на российско-османские отношения / Д.Р. Жантиев // Новая и Новейшая история. – 2024. – № 6. – С. 115-125.

18. Панеш А.Д. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. и обострение англо-русских противоречий на Северо-Западном Кавказе // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 30 (4). – С. 67-75.

19. Иванов Д.Н. Черноморский флот и первый турецко-египетский кризис 1831–1833 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2008. – № 2. – С. 53-60.

20. История дипломатии. Т. 1 / под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. – М.: Госполитиздат, 1959. – 896 с.

21. Дулина Н.А. Османская история в международных отношениях (30-40-е гг. XIX в.) / Н.А. Дулина. – Москва: Наука, 1980. – 189 с.

22. Новичев А.Д. История Турции. Том 3. Новое время. Часть 2 (1839-1853) / А.Д. Новичев. – Ленинград: Издательство ЛГУ им. А.А. Жданова, 1973. – 206 с.

23. Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого: введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны / С.С. Татищев. – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1887. – 639 с.

24. Жантиев Д.Р. Османская Сирия и политика России в отношении конфликта между Портой и Мухаммадом али-пашой (1831–1841 гг.) // Исторический вестник. – 2015. – № 11. – С. 108-127.

25. АВПРИ. Ф. № 137. Д. № 6. Отчет о деятельности МИД за 1839 г. Л. 46.

26. Петрунина Ж.В. Дипломатическая борьба европейских держав в связи с конфликтом в Османской империи в конце 40-х годов XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2007. – № 14. – С. 55-62.

27. Басиева З.М. Обострение восточного вопроса в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. и некоторые его последствия на западном Кавказе / З.М. Басиева // Вестник Владикавказского научного центра. – 2012. – № 12 (4). – С. 11-15.

28. Ключевский В.О. Краткий курс по русской истории / В.О. Ключевский. – М.: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2024. – 288 с.

УДК 94(100):341.485:130.2
DOI: 10.5281/zenodo.19115393
EDN: MTGSQT

Н.А. Мирошниченко

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им.
К. Д. Ушинского»
E-mail: mir.ntl@gmail.com*

А.В. Щукина

*магистр кафедры культурологии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им.
К. Д. Ушинского»
E-mail: Alexandra21Shchukina@yandex.ru*

**НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ:
ПРАВО, ПАМЯТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

Аннотация

В статье анализируется Нюрнбергский процесс как символический перелом в истории права, а также в роли исторической памяти и понимании ответственности. Автор рассматривает судебное разбирательство не только как юридический прецедент, но и как культурный феномен, в рамках которого формируется универсальная модель осмысления преступления против человечности. Особое внимание уделяется роли визуальных доказательств, синхронного перевода и концепции персональной ответственности.

***Ключевые слова:** Нюрнбергский процесс, культурная память, ответственность, символическая власть, международное право.*

Summary

The article analyzes the Nuremberg Trials as a symbolic turning point in the history of law, memory, and responsibility. The trial is examined not only as a legal precedent but also as a cultural ritual through which a universal model of crimes against humanity' conceptualization. Special attention is paid to visual evidence, simultaneous interpretation, and the concept of personal responsibility.

***Key words:** Nuremberg Trials, cultural memory, responsibility, symbolic power, international law.*

Нюрнбергский процесс (1945–1946) традиционно рассматривается в

рамках истории международного права как первый прецедент судебного преследования за преступления против человечности [1]. В условиях кризиса «универсальных» нарративов, обострения дискуссий об исторической памяти и пересмотра представлений об ответственности в современном мире особую актуальность приобретает анализ Нюрнберга как культурного и символического события, выходящего за рамки сугубо юридического разбирательства [2]. Нюрнбергский процесс становится точкой пересечения понятий о праве, памяти и этики, формируя новую модель осмысления зла, в которой ответственность адресуется не государствам или нациям, а человечеству в целом.

Целью настоящего исследования является выявление символического значения Нюрнбергского процесса как переломного момента в формировании универсальных представлений о праве, коллективной памяти и персональной ответственности.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении Нюрнбергского процесса не только как юридического прецедента, но и как социокультурного ритуала, в рамках которого посредством языка права, визуальных доказательств и медийных технологий конструируется новая нормативная реальность. Методологическую основу исследования составляют концепции символической власти (П. Бурдьё), философии ответственности (К. Ясперс, Х. Арндт), социологии культурной памяти (М. Хальбвакс, А. Ассман), а также теории речевых актов и ритуала (Дж. Остин, В. Тёрнер). В качестве рабочей гипотезы выдвигается положение о том, что Нюрнбергский процесс следует рассматривать как институционализированный акт памяти, в котором право выступает не только инструментом наказания, но и механизмом символического переопределения исторического зла.

Нюрнбергский процесс стал первым в истории международным уголовным судом и символическим рубежом, который изменил представления о праве, ответственности и памяти в XX веке. Если до него история трактовалась преимущественно как «летопись победителей», то после Нюрнберга был создан новый способ осмысления зла – категория «преступлений против человечности» [3]. Одним из ключевых концептуальных нововведений, закреплённых в ходе Нюрнбергского процесса, стало введение и институционализация категории «преступлений против человечности». Впервые данная формулировка была четко зафиксирована в Уставе Международного военного трибунала (Лондонском уставе, 1945), где под «преступлениями против человечности» понимались «убийства, истребление, порабощение, депортация и иные бесчеловечные деяния, совершённые против гражданского населения до или во время войны» [4]. Принципиально важным являлось то, что данные преступления рассматривались независимо от того, нарушали ли они внутреннее законодательство соответствующего государства. Тем самым в юридическом и философском поле был зафиксирован радикальный сдвиг: объектом преступления становилось не государство, не суверенитет и не конкретная правовая система, а человечество как

универсальная моральная и правовая категория [1]. В отличие от военных преступлений, которые традиционно связывались с нарушением правил ведения войны, «преступления против человечности» указывали на качественно иной уровень зла – системного, целенаправленного и институционально организованного насилия над человеческим достоинством. Именно этот сдвиг позволяет говорить о Нюрнберге как о символическом переломе, в рамках которого зло перестаёт трактоваться исключительно как функция войны или государственного конфликта и осмысливается как преступление против самой идеи человечности.

В культурологическом измерении данная категория выполняет не только юридическую, но и символическую функцию. Она задает новый язык описания исторической катастрофы, в котором память о насилии становится не локальной или национальной, а универсальной. Таким образом, право начинает выполнять функцию медиатора между совершенным насилием и будущей ответственностью, формируя нормативную рамку для коллективной памяти.

В научной литературе Нюрнбергский процесс осмысливается в нескольких ключевых исследовательских перспективах. В рамках философии и этики ответственности работы К. Ясперса и Х. Арндт подчеркивают связь между индивидуальной виной и коллективными структурами зла. Социология памяти, представленная трудами М. Хальбвакса, а также А. Ассман, позволяет рассматривать Нюрнберг как момент институционализации травматического прошлого и перехода от коммуникативной к культурной памяти. В исследованиях символической власти и институционального языка (П. Бурдьё) судебный процесс анализируется как акт, преобразующий социальную реальность. Наконец, в работах по истории международного права и медиаисследованиях (Г. Симпсон, С. Зонтаг, Б. Зелайзер) акцентируется роль визуальных доказательств и медиальных технологий в формировании нормативного статуса свидетельства.

Представим значение процесса в свете обозначенных теорий. Во-первых, концепция символической силы права (П. Бурдьё) позволяет рассматривать судебное решение как акт институционального действия, в котором язык приговора преобразует социальную реальность [5]. Согласно Бурдьё, право представляет собой не нейтральный инструмент регулирования, а особое поле символической власти, в рамках которого институционально легитимированный язык обладает способностью конструировать социальную реальность. Судебное решение в этом смысле не просто фиксирует факт, но производит его как социально значимый и общеобязательный. Нюрнбергский процесс можно рассматривать как предельный случай реализации символической силы права. В ходе трибунала право не только рассматривало конкретные действия как преступные, но и переопределяло сами основания ответственности, вводя новые категории – такие как «преступления против человечности» и «преступные организации» [5]. Язык приговора, обладающий институциональной легитимностью, превращал исторические события в юридически и символически оформленную реальность, обязательную для

международного сообщества. В этом контексте Нюрнбергский процесс выступает как символический акт, в рамках которого право закрепляет новую нормативность, выходящую за пределы национальных правовых систем. Именно поэтому последствия процесса оказываются долговременными и воспроизводимыми: созданная им символическая структура продолжает функционировать в последующих международных трибуналах и в глобальной культуре памяти [6].

В этом ключе идеи К. Ясперса о «вине» и Х. Арндт о «банальности зла» подчеркивают связь между персональной и коллективной ответственностью [7; 8]. Во-вторых, обращение к социологии памяти – от М. Хальбвакса, анализировавшего коллективные формы запоминания, до А. Ассман, изучавших различие между коммуникативной и культурной памятью, – позволяет трактовать Нюрнберг как процесс «институционализации глобальной травмы» [7; 8]. В работе «Вопрос о вине» Ясперс предложил различие между уголовной, политической, моральной и метафизической виной, тем самым расширив понимание ответственности за пределы юридической санкции [7].

Нюрнбергский процесс, фокусируясь на уголовной вине, одновременно актуализировал все остальные уровни, поскольку ставил вопрос о соучастии, молчании и принятии насилия как нормы. Ханна Арндт, анализируя процесс над Эйхманом, вводит понятие «банальности зла», указывая на то, что радикальное зло может осуществляться не демоническими фигурами, а обыкновенными исполнителями, действующими в рамках бюрократических структур [8]. Упоминание процесса над Адольфом Эйхманом (Иерусалим, 1961) в данном контексте носит не случайный характер. В отличие от Нюрнбергского трибунала, суд над Эйхманом был национальным судебным процессом, сосредоточенным на фигуре одного исполнителя, однако именно он стал важным этапом в дальнейшем осмыслении проблематики персональной ответственности, впервые артикулированной в Нюрнберге. Анализ Ханны Арндт позволяет ретроспективно выявить философские следствия нюрнбергской модели [8]: если Нюрнберг зафиксировал принцип индивидуальной ответственности внутри преступных структур, то процесс над Эйхманом продемонстрировал, каким образом этот принцип может быть применен к «обычному» исполнителю, не обладающему харизматической или демонической фигурой зла.

Нюрнбергский процесс в этом смысле предвосхищает арндтовскую проблематику, демонстрируя, что зло не исчерпывается фигурой диктатора или абстрактной «государственной машины», а реализуется через совокупность индивидуальных решений. Таким образом, символический перелом, осуществленный в ходе Нюрнбергского процесса, заключается в смещении фокуса с безличных структур к персональной ответственности, что напрямую связано с формированием новой этики памяти и ответственности.

Важным становится и понятие «мест памяти» П. Нора, которое определяет, как конкретные события и артефакты обретают статус символических связей культурной идентичности [4]. Концепция «мест памяти»,

разработанная Пьером Нора, позволяет рассматривать Нюрнбергский процесс как символическое пространство, в котором концентрируются и кристаллизуются смыслы коллективного прошлого. «Места памяти» возникают там, где живая память утрачивает свою непосредственность и требует искусственных форм закрепления [9]. В этом смысле сам процесс, его документы, визуальные материалы и риторика становятся такими местами памяти, обеспечивающими длительное присутствие травматического опыта в культуре.

В-третьих, медиальная перспектива, представленная в работах Сьюзен Зонтаг и Барби Зелайзер (иконография свидетельства), позволяет осмыслить роль визуальных доказательств и технологий синхронного перевода как форматов производства доказательств [10; 11]. Медиальная перспектива, представленная в работах С. Зонтаг и Б. Зелайзер, подчеркивает особую роль визуальных доказательств в формировании режима свидетельства. Кинохроника, представленная на Нюрнбергском процессе, не только подтверждала факты преступлений, но и формировала специфический визуальный язык памяти, воздействующий на эмоции и моральное воображение аудитории [10; 11]. Визуальное свидетельство в этом контексте становится неотъемлемой частью символической структуры процесса.

Наконец, обращение к теории ритуала (В. Тёрнер) и речевых актов (Дж. Остин) помогает трактовать судебное действие как акт, в котором право не просто констатирует, но создает новую реальность [12; 13]. Судебное разбирательство выступает здесь не только как процедура установления истины, но и как ритуал перехода, в рамках которого международное сообщество переходит от состояния морального хаоса к новому нормативному порядку [12; 13]. С точки зрения Остина, приговор является перформативным высказыванием, которое не описывает реальность, а создаёт её. Объявление преступлений против человечности и вынесение приговора в рамках Нюрнбергского процесса не ограничиваются ретроспективной юридической фиксацией совершенных деяний, но формируют нормативную модель ответственности, ориентированную на персональное соучастие в системном насилии, а также институционализируют память о преступлениях как обязательный элемент международного правового и культурного порядка.

Таким образом, рассмотренные теоретические подходы позволяют интерпретировать Нюрнбергский процесс как символический перелом, в рамках которого право, память и ответственность оказываются неразрывно связаны. Через юридический язык, визуальные доказательства и ритуальную форму суда создаётся новая нормативная реальность, в которой зло получает универсальное определение, а память о нем – институциональное закрепление. В следующей части статьи будет показано, каким образом данные теоретические положения реализуются на практике – в конкретных решениях трибунала, использовании визуальных свидетельств и организации судебного процесса.

При этом данный аспект Нюрнбергского процесса не лишен внутреннего

противоречия. С одной стороны, трибунал стремился преодолеть логику коллективной безличности зла, с другой – был вынужден оперировать категориями организаций и институциональных структур, что порождало напряжение между индивидуальной и коллективной ответственностью. Значение этих аспектов процесса заключается в том, что трибунал впервые в истории связал коллективную структуру с персональной ответственностью ее участников [14]. До Нюрнберга доминировала логика, согласно которой индивид, действующий «по приказу» или «в составе организации», может апеллировать к институциональной безличности, тем самым оправдывая свои преступные действия [15]. Нюрнбергский приговор радикально меняет эту перспективу: членство в организации, признанной преступной, становится обременяющим обстоятельством, а не оправданием. Тем самым суд конструирует новую нормативность: даже если действия индивида были встроены в иерархическую систему, ответственность остается персональной [14]. Особенность этого шага – в создании прецедента, который стал примером для дальнейших разбирательств в контексте международного права (например, при рассмотрении дел в Международном трибунале по бывшей Югославии) [16]. Это означало символический перелом: теперь зло трактуется не как абстрактная «государственная машина», а как совокупность индивидуальных решений и действий.

Особую роль в символической структуре Нюрнбергского процесса сыграл кинематограф, впервые в истории международного правосудия включённый в судебное разбирательство в качестве официального доказательства. Демонстрация документального фильма «Nazi Concentration Camps» (1945), смонтированного под руководством Джорджа Стивенса на основе хроники, снятой союзными войсками при освобождении концентрационных лагерей, стала прецедентом, радикально изменившим статус визуального изображения в праве [17]. Кинематограф в данном случае приобретает нормативную функцию, выступая формой юридического свидетельства. Специфика кинематографа заключается в его двойственной природе: с одной стороны, он предъявляет зрителю визуальный факт, указывающий на реальность, с другой – структурирует восприятие этого факта через монтаж, кадрирование и последовательность изображений [18].

В контексте Нюрнбергского процесса эта двойственность приобретает принципиальное значение. Фильм не только удостоверял реальность преступлений, но и формировал определённый режим восприятия зла, в котором страдание жертв становилось не абстрактным, а визуально переживаемым опытом. Для участников процесса – судей, обвинителей, защиты и самих обвиняемых – просмотр хроники означал непосредственное столкновение с тем, что ранее могло восприниматься как дистанцированное или опосредованное знание [8]. Кино разрушало возможные стратегии отрицания, релятивизации или переноса ответственности, переводя преступление в плоскость очевидности. В этом смысле кинематограф выступал не просто доказательством, но и инструментом морального воздействия,

формируя эмоциональный и этический горизонт судебного разбирательства. Важно подчеркнуть, что включение кинохроники в процесс имело далеко идущие последствия для культуры памяти. Созданная в Нюрнберге модель визуального свидетельства становится впоследствии канонической: именно она определяет способы репрезентации геноцида и массового насилия в документальном кино, музейных экспозициях и образовательных практиках [16].

Особого внимания заслуживает сам режим демонстрации кинохроники в зале суда, поскольку он был выстроен не как фоновая иллюстрация, а как центральное доказательное событие процесса. Показ фильма «Nazi Concentration Camps» был организован таким образом, что изображение становилось доминирующим элементом судебного пространства: свет в зале гас, внимание всех присутствующих концентрировалось на экране, а словесное сопровождение сводилось к минимуму [16]. Суд, таким образом, временно отказывался от привычного вербального режима доказательства и переходил в визуально-аффективный регистр. Свидетельства современников и материалы протоколов указывают на сильный эмоциональный эффект, произведённый показом хроники [8]. Известно, что некоторые обвиняемые демонстративно отворачивались от экрана, другие – закрывали лица руками, третьи – сохраняли подчеркнуто неподвижное выражение, что само по себе становилось частью визуального поля процесса [8].

Для судей и обвинителей кинохроника выполняла функцию непосредственного «предъявления реальности», лишённого риторических посредников. Визуальное изображение тел, лагерных пространств и следов насилия разрушало возможные стратегии абстрагирования, превращая преступление в зримый и неустрашимый факт. С точки зрения анализа кинематографического языка ключевым оказывается монтажный принцип хроники [17]: последовательность кадров выстраивается таким образом, чтобы зритель переходил от общего вида лагеря к деталям телесного разрушения, от инфраструктуры уничтожения — к индивидуализированному страданию [18]. Этот переход имеет принципиальное значение для юридического контекста: он визуально связывает системность преступления с конкретными человеческими жертвами, тем самым подготавливая почву для концепции персональной ответственности внутри коллективных структур.

Именно в этом смысле кино в Нюрнберге выполняет не только доказательную, но и интерпретативную функцию, формируя определенную рамку понимания зла как организованного, целенаправленного и при этом реализуемого через конкретные человеческие действия. Таким образом, кинематограф в Нюрнберге функционирует как медиатор между правом и памятью, обеспечивая переход от юридической фиксации преступления к его культурному закреплению.

Не менее значимым элементом Нюрнбергского процесса стала система синхронного перевода, впервые применённая в столь масштабном судебном разбирательстве. Под «инфраструктурой универсальности» в данном случае

понимается совокупность технических, организационных и дискурсивных механизмов, обеспечивающих одновременное существование права в нескольких языковых пространствах [19]. Синхронный перевод превратил универсальность права из абстрактного принципа в материально реализуемую практику. До Нюрнберга судебные процессы были жёстко привязаны к одному языку и национальной правовой культуре, что неизбежно ограничивало их универсалистские претензии [20]. В Нюрнберге же был создан многоязычный судебный режим, в котором немецкий, английский, французский и русский языки функционировали на равных основаниях. Это означало не просто удобство коммуникации, но принципиальное признание равенства правовых традиций и участников процесса [14]. Синхронный перевод радикально изменил саму структуру судебного дискурса. Темп речи, логика аргументации, формулировка обвинений и приговоров стали зависеть от возможностей перевода, что создало новый ритм правовой коммуникации. Таким образом, универсальность права была закреплена в его техническую форму: право начинало существовать одновременно на нескольких языках, становясь по-настоящему «межнациональным». В символическом измерении синхронный перевод можно рассматривать как медиальный эквивалент человеческого сообщества. Если категория «преступлений против человечности» определяла, кому адресуется право, то система перевода определяла, как это право может быть услышано. Универсальность здесь перестает быть метафорой и превращается в переживаемую реальность, доступную всем участникам процесса независимо от языковой принадлежности [11].

Таким образом, использование кинематографических доказательств и системы синхронного перевода оказало прямое влияние на ход и восприятие Нюрнбергского процесса. Исследователи отмечают, что визуальные свидетельства существенно сузили пространство для отрицания и релятивизации преступлений, тогда как многоязычная организация суда обеспечила их интерпретацию в универсалистской рамке, выходящей за пределы национальных нарративов. В совокупности эти элементы усилили легитимность приговора, превратив судебное разбирательство в событие, обладающее не только юридической, но и символической результативностью. Кино формирует визуальный режим свидетельства, переводя преступление в пространство коллективного переживания, тогда как синхронный перевод обеспечивает универсальность правового дискурса на уровне его материальной реализации. В совокупности эти элементы превращают Нюрнбергский процесс в символический перелом, в рамках которого право, память и ответственность оказываются неразрывно связаны. Судебное разбирательство становится не только юридическим актом, но и символическим культурным событием, задающим новые формы осмысления исторического зла и его репрезентации в глобальном масштабе.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, Нюрнбергский процесс следует рассматривать не только как юридический прецедент, но и как символический акт, в котором право выступает

инструментом переосмысления сущности и форм исторического зла и формирования универсальной этики ответственности. Во-вторых, признание преступных организаций и акцент на персональной ответственности их членов зафиксировали принцип, согласно которому включенность в институциональные структуры не освобождает индивида от морального и правового выбора. В-третьих, использование кинохроники и синхронного перевода придало судебному процессу медиальный и ритуальный характер, превратив его в глобальное событие памяти, адресованное международной аудитории. Наконец, Нюрнбергский процесс заложил основы визуальной и символической нормативности, которая продолжает определять способы репрезентации массового насилия в современной культуре. Перспективным направлением дальнейших исследований является анализ трансформации нюрнбергской модели в контексте цифровых медиа и современных международных трибуналов.

Список источников и литературы:

1. Simpson G. Law, War and Crime: War Crimes Trials and the Reinvention of International Law. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 254 p.
2. Ассман А. Долгая тень прошлого: мемориальная культура и политика истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
3. Bass G. J. Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 454 p.
4. Петров В. А. Нюрнбергский процесс и становление международного уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 312 с.
5. Bourdieu P. The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field // Hastings Law Journal. 1987. Vol. 38, №. 5. – P. 805–853.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
7. Jaspers K. The Question of German Guilt. – New York: Fordham University Press, 2000. – 160 p.
8. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. – New York: Penguin Books, 2006. – 336 p.
9. Nora P. Les lieux de mémoire. – Paris: Gallimard, 1984. – 152 p.
10. Sontag S. Regarding the Pain of Others. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2003. – 131 p.
11. Zelizer B. Remembering to Forget: Holocaust Memory through the Camera's Eye. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 259 p.
12. Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. – Chicago: Aldine Publishing, 1969. – 213 p.
13. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford: Oxford University Press, 1962. 166 p.
14. Halbwachs M. On Collective Memory. Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 244 p.

15. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 320 p.

16. Ассман А. Долгая тень прошлого: мемориальная культура и политика истории. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

17. Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. – New York: Columbia University Press, 2012. – 305 p.

18. Marrus M. R. *The Nuremberg War Crimes Trial 1945–1946*. – Boston: Bedford/St. Martin's, 1997. – 192 p.

19. Бауман З. *Модерн и Холокост*. – М.: Европа, 2009. – 432 с.

20. Marrus M. R. *The Nuremberg War Crimes Trial 1945–1946*. – Boston: Bedford/St. Martin's, 1997. – 192 p.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327:[342.511(510):17.022.1]-042
DOI: 10.5281/zenodo.19115573
EDN: PADOJM

Л.Ю. Медовкина

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: medovkina.l@mail.ru

М.А. Куканова

магистр

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

E-mail: mkukanova926@gmail.com

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ: КАК ИМИДЖ СИ ЦЗИНЬПИНА ФОРМИРУЕТ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ

Аннотация

В статье рассматривается влияние личного имиджа Си Цзиньпина на формирование внешней политики Китая. Исследуются его лидерские качества, стратегические решения и стиль общения, оказывающие заметное влияние на международные отношения и стратегические инициативы страны. Сделан вывод о том, что стиль руководства Си Цзиньпина основанный на личных качествах, значительно способствует успешному развитию и политическому влиянию Китая на мировой арене.

Ключевые слова: *имидж, Си Цзиньпин, внешняя политика, Китай.*

Summary

The article examines the influence of Xi Jinping's personal image on the formulation of China's foreign policy. It explores his leadership qualities, strategic decisions, and communication style, which significantly impact international relations and the country's strategic initiatives. It is concluded that Xi Jinping's leadership approach, rooted in his distinctive personal attributes, has significantly contributed to China's remarkable development and its substantial political impact on the international stage.

Keywords: *image, Xi Jinping, foreign policy, China.*

Актуальность темы исследования обусловлена растущей ролью Китая на международной арене и его стремлением укрепить свое влияние на глобальные процессы. Современные геополитические вызовы, такие как торговые войны, вопросы безопасности и изменения климата, требуют более глубокого понимания не только объективных факторов, но и субъективных составляющих, таких как личность лидера государства.

Тема исследования заключается в недостаточном осмыслении взаимосвязи между личностными характеристиками лидера и его внешнеполитическими решениями. Несмотря на существующие исследования, многие аспекты, связанные с тем, как имидж и личные установки Си Цзиньпина формируют приоритеты Китая на международной арене, остаются недостаточно исследованными.

Цель исследования – определение ключевых факторов, связанных с личностью Си Цзиньпина, которые влияют на различные направления китайской внешней политики.

Исследованием вопроса занимались Ю.В. Тавровский «Китайское чудо. Корни и плоды» [5] и «Си Цзиньпин – вождь Китая» [4], И.Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» [3], И.Е. Денисов «Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство» [9], которые рассматривали вопросы о влиянии личного имиджа Си Цзиньпина на формирование внешней политики Китая. В работах Т.Р. Зайнуллина, Р.В. Пеньковцева «Внешняя политика КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI веке» [11] и Линь Явения «Политика КНР в отношении проблемы Тайваня в XXI веке» [10] были проанализированы основные цели и задачи внешней политике Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также Тайваньский вопрос, который является наиболее серьезным фактором, определяющим политическую позицию КНР в вопросах внутренней и внешней политики. В книге Янь Сюэтуна «Молодые тигры. Великие державы в XXI веке» [6], автор сформировал четкое представление о том, как Китай, Россия и другие «молодые тигры» могут изменить мировую политику, создав более справедливое общество и систему международных отношений.

В последние годы весьма актуальной исследовательской темой стал анализ стремительного экономического роста Китая, его ускоренная интеграция в мировую экономику, совершенно очевидное настоящее и будущее влияние на международные отношения в целом. Меняя мировую конфигурацию соотношения сил, сложившуюся политическую и экономическую иерархию стран, Китай прилагает максимум усилий в международную миротворческую деятельность.

В свою очередь, граждане КНР хотят видеть свое отечество сильной державой, которая будет пользоваться уважением на мировой арене, и, естественно, во главе этой державы должен стоять сильный, уверенный, принципиальный лидер, способный отстаивать интересы своего государства.

Китай последовательно и методично заявляет свои права не только на статус значимого участника международных отношений, но и на статус лидера мировой политики. Все эти амбиции Китаю позволило воплотить значительные изменения руководящих внешнеполитических идей трех поколений руководства КПК, а именно: от национальной политики «Реформ и открытости» при Дэн Сяопине, политики «Трех представительств» при Цзянь Цзиньмине, «Гармоничного мира» при Ху Цзиньтао до сформулированной концепции «Китайской мечты» при председателе Си Цзиньпине.

Все те достижения, которыми сегодня может гордиться КНР, во многом достигнуты благодаря мудрому руководству КПК и ее председателю Си Цзиньпину. «Наследство», доставшееся Си Цзиньпину на первоначальном этапе его избрания генеральным секретарем КПК в 2012 году, выглядело весьма благополучным только на первый взгляд. Годами не решаемых проблем как внутри, так и на внешнеполитическом контуре оказалось достаточно много.

Пока внешний мир с восхищением удивлялся «китайскому чуду», сам Китай устойчиво двигался на так называемом «автопилоте», созданным еще при Дэн Сяопине. На основе анализа динамики дел, дальновидные экономисты и представители политической элиты Поднебесной все больше приходили к выводу, что без серьезной корректировки действий прежний курс очень скоро может завести страну в тупик. В это же время, начинало ощущаться военно-политическое сдерживание США Китаем.

Перекосы в темпах роста разных отраслей и регионов давали о себе знать. Существенно обострились экологические проблемы больших городов и социальные проблемы китайской деревни с ее миллионами «лишних рук». Население КНР ощущало появившийся «духовный вакуум» и нарастающее разочарование в официальной идеологии. Заняв пост председателя КПК, Си Цзиньпин с первых дней начал сосредотачивать усилия на подготовке способов решения существующих накопившихся проблем.

Следует отметить, что в самом Китае продолжалось замедление темпов роста ВВП. Реальный показатель 2007 года – 52 трл. юаней (8,3 трл. долл). Однако через 17 лет в 2024 году он составлял уже 134, 9 трл. юаней (19 трл. долл) [13].

Буквально через несколько дней после завершения XVIII Съезда КПК он представил свой всеобъемлющий план, рассчитанный до 2049 года, который назвал «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» ставший, в свою очередь, беспрецедентным как по масштабу поставленных задач, так и по намеченным срокам реализации. Такие амбициозные планы были под силу только сильному, ответственному лидеру и человеку. Китаю необходимы были перемены. Си Цзиньпин возглавил эти перемены, имея четкие представления о благе, которые были приготовлены предыдущим периодом реформ, когда по многим направлениям обнаружились слабости, сформировавшейся модели развития, назрели критические противоречия и диспропорции, а в обществе появился запрос на их исправления [3].

Си Цзиньпин стал национальным лидером Китая как представитель «пятого поколения руководителей». Но сначала он был признан «ядром этого поколения», а затем и «ядром всей КПК». Первое десятилетие правления Си Цзиньпина стало временем подлинного расцвета Китая. Страна набирала силу, обрела богатство, повышала свой политический и экономический статус. Сами китайцы говорят: «при Мао Цзедун Китай стал на ноги, при Дэн Сяопине разбогател, а при Си Цзиньпине стал сильным» [3].

Будущий председатель КНР родился в 1953 году. Его отец Си Чжунсюнь был «полевым командиром», высокопоставленным чиновником, героем Гражданской войны, после победы и образования КНР в 1949 году вошел в ЦК КПК, со временем став куратором всей партийной пропаганды и заместителем главы китайского правительства.

Путь к власти председателя КПК Си Цзиньпина, безусловно, был тернистым и наполненным драматическими моментами. С приходом к власти он взял у своих предшественников – коммунистов главное – выбор социалистического пути, верность изначальным коммунистическим идеалам и целям. В своем теоретическом творчестве и практической деятельности Си Цзиньпин широко использует также наработки Дэн Сяопина, Чэнь Юня, Лю Шаоцы и др. деятелей компартии, создавших концепцию «реформ и открытости» [5]. Его избрание в качестве лидера «пятого поколения руководителей» было определено не тем, что Си олицетворял тот или иной путь развития страны: он, обладая значительным авторитетом у элиты, был компромиссным кандидатом и устраивал все сложившиеся на тот момент фракции: прежде всего «комсомольцев» и «шанхайцев» [3].

Созданный личный образ Си Цзиньпина является эффективным инструментом демонстрации миролюбивого имиджа страны, продвижения позиции Китая по самым острым проблемам и реализации задач, связанных с убеждением целевой аудитории в универсальности ценностей Китая.

Си Цзиньпин проявляет себя как харизматичный политик, способный быстро и эффективно реагировать на инициативы конкурента. Он рационален, безжалостен и стоек. Он является грозным противником. Его успехи обусловлены его способностью сочетать свой выдающийся личный опыт с амбициозными целями Китая, такими как «Китайская мечта о великом возрождении», опираясь на сочетание тем китайского национализма и Коммунистической партии Китая.

Дипломаты, бизнесмены и высокопоставленные лица, встречавшиеся с Си Цзиньпином, описывали его как вежливого, сдержанного и хорошего слушателя.

После избрания на пост председателя в 2012 году та решимость, с которой он принялся за налаживание системы, доказывает всю серьезность, которую он и его единомышленники в политической элите Китая почувствовали в кризисной ситуации, которая сложилась к 2012 году.

29 ноября 2012 года, через две недели после его избрания генсеком ЦК КПК Си Цзиньпином, им была выдвинута концепция: «У всех есть идеалы,

устремления и мечты . . . Величайшая китайская мечта – увидеть величайшее возрождение китайской нации». Так появился лозунг «своеобразный девиз правления» (年号, няньхао), который позднее стараниями исследователей, идеологов и самого Си Цзиньпина, обогащающего этот лозунг к конкретному содержанию, превратился в политическую концепцию «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (или просто «Китайская мечта», 中国梦, Чжунгомэн) [3]. Именно эта концепция стала одной из двух несущих конструкций политической линии председателя ЦК КПК Си Цзиньпина.

Перемен требовала и выстроенная предшественниками внешняя политика. Так, в 2018 году Д. Трамп начал «торговую войну» против Китая с целью преодолеть перекосы в торговле, вызванные, как считали в Вашингтоне, «несправедливой экономической политикой Пекина». Так был запущен процесс разрыва отношений наравне с пандемией COVID-19 – главным вызовом для Китая периода правления Си Цзиньпина. В свою очередь, политический разрыв с США более отчетливо подчеркнул претензии Китая на роль одного из мировых лидеров. До прихода Си Цзиньпина к власти Китай «стеснялся» своего усиления, не подавая сильного голоса на мировой арене. В значительной степени это происходило в соответствии с политическим наследием Дэн Сяопина в области внешней политики, а именно с «внешнеполитическим курсом из 28 иероглифов» (二十八学对外工作方), который сформировался в начале 1990-х гг. [3].

Си Цзиньпин, уловивший общественные настроения на стыке нулевых и десятых годов, напротив, поднял на знамя идею национальной исключительности и тесно с ней связанную идею национального реваншизма. Все это требовало более активной внешней политики и вместе с тем нового идеологического наполнения.

Китай, стремящийся к возрождению национального величия, уже не видел себя на международной арене страной, следующей правилам «которые, устанавливал мировой гегемон». Страна позволила себе предложить новую китайскую альтернативу для всего мира. На этот счет многие специалисты говорят если не о «сицзиньпинизме», то о формировании особой системы взглядов Си Цзиньпина на управление государством, что, естественно, затрагивает и внешнюю политику [9]. Безусловно, результат в огромной степени зависел от того, кто и каким образом принимал решения, насколько хорошо была налажена межведомственная координация в сфере развития связей с зарубежными странами, а также достаточно ли было институциональных механизмов для продвижения интересов Китая, и в конечном итоге эффективно использовалась сочетание инструментов жесткой и мягкой силы.

В новых исторических условиях, когда возрастает значение стран глобального Юга, бывших полу колоний и колоний, всему миру выгоднее осуществлять технологический и культурный обмен, торговать и заниматься

вопросами устойчивого развития, чем воевать. Наравне с концепцией «Китайской мечты» Си Цзиньпин выдвинул еще одну концепцию – идею «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) [3].

Столкнувшись воочию с надвигающимися и уже существующими угрозами внешних, не дружественно настроенных акторов, Китай все более явственнее проявляет настойчивость в продвижении своих политических инициатив, которые должны быть услышаны.

На XIX Съезде КПК в октябре 2017 года были подведены первые очевидные экономические успехи КНР. К тому времени ключевые стратегии Си Цзиньпина – «новая норма» в области экономики, «управление государством при помощи» в общественной жизни, «Один пояс – один путь» в области международных экономических связей, а также менее масштабные тактические установки, дополняя и усиливая друг друга, сложились в целостную систему [5]. Выступая с трибуны Съезда, Си Цзиньпин пообещал, что к 2035 году «Китай по совокупной национальной мощи и международному влиянию войдет в число стран лидеров», также особо при этом подчеркнул: «Китайская нация сможет предстать в семье мировых наций с более гордо поднятой головой». Следует отметить, что за 5 лет существования «Китайской мечты» существенно изменился и сам подход к внешней политике. Поднебесная окончательно «вышла из тени».

За всю историю своего развития, Китай впервые объявил о собственном видении текущей ситуации в мире и необходимости преобразования сложившейся системы глобального управления. В своих выступлениях на международных мероприятиях несколько раз упоминал, что эта глобальная инициатива имеет важное политическое значение. Получив одобрение XIX Съезда, эта долгосрочная задача была включена в Устав КПК и стала главной доктриной дипломатии КНР.

Вместе с тем Пекин честно заявил, что намерен сформулировать новые правила глобального управления. Си Цзиньпин призвал мировое сообщество не бояться нынешнего Китая и того, каким он будет в будущем. «Наше развитие не представляет угрозы ни для какого бы то ни было государства. Какого бы уровня в своем развитии не достиг Китай, он никогда не будет претендовать на положение гегемона, никогда не будет проводить политику экспансии», – произнес Си Цзиньпин с трибуны XIX Съезда Коммунистической партии Китая [1]. Здесь стоит отметить, что призыв Си Цзиньпина к «созданию сообщества единой судьбы человечества» прозвучал на фоне все более очевидного разрушения действующего мирового порядка, который происходил при первом сроке Дональда Трампа: отказ от заключенных стратегических договоров, многосторонних торговых соглашений, выход США из всемирных организаций, в том числе и из ООН. Поэтому заявка на переход к лидирующей роли в глобальном управлении была достаточно серьезной и смелой.

Китай мог себе позволить эти риски международного масштаба, так как они были оправданы крепнувшими позициями в мировых финансах, обороне, существенным технологическим прорывом, международной торговле и тд.

После прошедшего триумфально XIX Съезда КПК достаточно скоро на пути к «Китайской мечте» стали возникать препятствия. Стратеги американской политики разглядели в Поднебесной опаснейшего для себя конкурента. Им не давало покоя эффективная модель «социализма с китайской спецификой», которая безжалостно сокращала экономический и технологический разрыв с США. Превратившись во вторую экономику мира, КНР все увереннее «наступала на пятки» Америке. Как вызов принципам либерализма были восприняты решения XIX Съезда «не забывать изначальные ценности, выполнять историческую миссию» и слова Си Цзиньпина «Коммунистическая партия Китая рассматривает реализацию коммунизма как свой высший идеал и конечную цель» [4].

Таким образом, Китай превратился для США в не просто конкурента, а даже в противника. США должны были перейти к жестким действиям в двусторонних экономических отношениях, в частности, сворачивание программ сотрудничества в науке, технологиях и образовании, прекращение передачи интеллектуальной собственности как по государственной линии, так и через частные совместные производства. Ужесточился контроль над финансовыми операциями Пекина, а также не допускались манипуляций курсом юаня в сделках с банками и предприятиями США. Не обошлось и без вмешательства в политическую жизнь Китая. Так, поддержка находящихся в меньшинстве, но все еще влиятельные проамериканские, прозападные силы в научных и правящих элитах, а также в некоторых СМИ. Информационное воздействие на беспокойные национальные районы Синьцзяна и Тибета, ведение информационной войны, в том числе по вопросу Тайваня. Создание недружественных коалиций из соседних стран Азии, которые имеют исторические обиды на Поднебесную.

Достаточно очевидно, что одной из главных целей КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе является обеспечение безопасности, а также защита суверенных прав на островных территориях в Южно-Китайском море. Особенно важное значение для руководства Китая имеет и решение Тайваньского вопроса. Вместе с тем, Китай активно выстраивает региональную экономическую интеграцию со странами АТР, используя при этом политические, экономические, широкие дипломатические средства для защиты своих интересов в данном регионе, и выступает за поддержание регионального порядка. Как известно, ключевым соперником КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе являются как США, так и его ближайшие союзники по соглашениям QUAD¹ и AUKUS².

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD) – стратегический альянс между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Идея создания альянса возникла в 2007 году. В 2008 году в связи с прекращением участия Австралии диалог прекратил существование, но в ноябре 2017 года при администрации Д. Трампа его деятельность была восстановлена. Официальная цель альянса – развитие партнерства в сфере безопасности. На практике основная цель объединения – сдерживание устремлений Китая в регионе Индийского и Тихого океанов.

² AUKUS – трехсторонний оборонный альянс между Австралией, Великобританией и США, который был создан в сентябре 2021 года. Цель альянса – обеспечение безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, повышение оборонного потенциала Австралии, углубление взаимодействия при ответе на современные вызовы

Активное противостояние развитию влияния Китая в регионе продолжается уже достаточно долгое время. Упускать Тайвань из орбиты своего влияния для Америки означает потерю своей политической репутации в регионе. В этой связи позиция Си Цзиньпина по внешнеполитическому треку становится понятной. В своих выступлениях он неоднократно заявлял: «Китай должен стремиться к тому, чтобы сделать соседей Китая более дружественными в политике, экономически более тесно связанными с нами, и иметь более тесное сотрудничество в области безопасности и более тесные связи между людьми» [11]. То, как Китай выстраивает свои отношения со странами АТР, показывает, что в ближайшие годы экономический, технологический и военный рост Поднебесной все-таки убедит ее соседей установить доверительные и прагматичные отношения, учитывая при этом китайские интересы в регионе, вместо поиска способов противостоять им.

Пекин прекрасно понимает, что враждебные отношения с любой великой державой, в особенности с США, могут представлять серьезную угрозу интересам Китая и достижению стратегических целей внешней политики. Враждебность, во-первых, привела бы к войне, а во-вторых, если бы этого не произошло, она отвлекла бы внимание Китая от модернизации и гонки вооружений [11].

Наличие ядерного оружия в КНДР, экономический подъем КНР, усиление международного влияния Китая на мировые глобальные процессы, и вместе с тем, региональная нестабильность, вызванная неурегулированными спорами в Южно-Китайском море – это своеобразный вызов США.

Пекин, несомненно, заинтересован в установлении тесных отношений со странами АСЕАН и АТЭС, чтобы усилить свое влияние в этих организациях. Это позволит снизить уровень антикитайских настроений. Этими действиями Китай планирует окружить себя своеобразным поясом, состоящим из лояльных государств, и использовать его как инструмент передачи своей «мягкой силы» остальному миру.

Сближение Китая со странами Юго-Восточной Азии и его попытки установить особые дипломатические отношения, расширяющие доступ не только в торговой, но и военной сфере, были названы американским аналитиком К. Пирсоном стратегией «жемчужной нити», где Китай действует как цементирующий фундамент – «нить», а страны региона – «жемчужины» [11].

В сложившейся ситуации руководство КНР отдает себе отчет в том, что если Пекин и Вашингтон выберут путь прямого противостояния, то это в конечном счете нарушит и без того очень хрупкий баланс сил в регионе, а оставшиеся государства разделит на сторонников США или Китая.

Что касается Тайваньского вопроса, Си Цзиньпин на протяжении многих лет вступает с четкой позицией о необходимости твердо продолжать курс

и угрозы. Страны-участницы договорились о расширении сотрудничества в сфере кибербезопасности и искусственного интеллекта, а также о дальнейшей кооперации между военно-морскими силами и оборонной промышленностью трех стран.

«мирное воссоединение, одна страна – два строя», последовательно стимулировать мирное развитие отношения между двумя берегами Тайваньского пролива. Китай, в соответствии с традициями конфуцианства, где можно, не усложняет отношения, но в вопросах принципиальных, становится жестко политически ориентированной страной. Здесь Китай не отступить и к этому не стоит относиться как к словесной войне [10].

Выступая на XX Съезде КПК в октябре 2022 года, Си Цзиньпин заявил: «Тайвань – это китайский Тайвань. Тайваньский вопрос является собственным делом китайцев, который должен быть решен самими китайцами. Мы будем продолжать проявлять наиболее глубокую искренность и прилагать максимум усилий для достижения мирного воссоединения Родины. В то же время ни в коем случае не будем обещать отказаться от применения силы, и будем сохранять за собой возможность предпринимать все необходимые меры. Это направлено против вмешательства внешних сил и абсолютного незначительного числа сепаратистов, выступающих за так называемую «независимость Тайваня»» [2].

Следует отметить, что с приходом власти администрации Байдена в январе 2021 года отношения Пекина и Вашингтона заметно ухудшились, а противоречий по многим внешнеполитическим вопросам не стало меньше. При этом, Дж. Байден выступая 4 февраля 2021 года назвал Пекин главным конкурентом Вашингтона, который бросает вызов процветанию и безопасности Америки, а в июне 2023 года и вовсе назвал Си Цзиньпина диктатором. США не настроены снижать градус противостояния и продолжает вести жесткий политический курс в отношении КНР.

Политика ЕС в отношении Китая воспринимается как производная от политики США среди многих специалистов по этому вопросу. Так, в 2023 г. вместо американского размежевания (decoupling) ЕС предложил «снижение рисков» (de-risking) — более гибкую форму внешнеэкономической политики, которая делает акцент на защите внутреннего рынка, но не отказе от торговли. В условиях конфликта с Россией Брюссель не может допустить разрыва экономических связей еще и с Пекином [7].

На протяжении последнего времени взаимодействие КНР и ЕС еще более усложнились, но это не только связано с экономической конкуренцией, но и с отказом Китая присоединиться к санкциям в отношении РФ. Изменить позицию Пекина по этому вопросу не получилось и во время визитов многих европейских политиков в КНР.

Яркий тому пример, отказ председатель КНР Си Цзиньпин ехать на саммит в Брюсселе в честь 50-й годовщины установления связей между Китаем и Евросоюзом в марте в 2025 года. МИД КНР предупредил, что доверие между сторонами будет разрушено, если Брюссель введет санкции против китайских компаний «за помощь России». Позднее Пекин выразил решительный протест из-за включения китайских фирм в 14-й и 15-й пакеты антироссийских ограничений, отметив, что это решение негативно влияет на торгово-экономические отношения КНР и Евросоюза [12].

Участие Китая в международных организациях показывает, что его сильный, уверенный «голос» может и должен быть услышан, а предложенные инициативы способствовать укреплению дружественных связей с государствами мира.

Шанхайская Организация Сотрудничества, как известно, является результатом усилий Китая и соседних государств по созданию новой модели безопасности межрегионального и межгосударственного взаимодействия. ШОС – это изобретение китайской дипломатии. Формирование ШОС проходило параллельно с проведением политики реформ и открытости и реализации социальной модернизации в Китае. В связи с этим в своих выступлениях, касающихся внешней политики КНР, Си Цзиньпин подчеркивал, что «для того, чтобы соответствовать времени, нельзя ногами войти в XXI в., а головой остаться в прошлом, в рамках мышления времен Холодной войны и игр с нулевой суммой» [8]. Активное продвижение концепции безопасности в Азии должно охватывать коллективную безопасность и безопасность, основанную на сотрудничестве. При этом важно разработать новые подходы к безопасности и создать новую структуру взаимодействия для обеспечения региональной стабильности, что становится особенно актуальным в условиях обострения геополитических вызовов.

Нельзя обойти стороной и набирающее сейчас все больший политический вес межгосударственное неформальное объединение наиболее динамично развивающихся крупных стран – БРИКС. Для Китая БРИКС является важнейшим органом по формированию альтернативной модели международных отношений. БРИКС – это зримый успех китайской внешней политики. Участие в БРИКС позволяет Китаю проводить собственные идеи на международной арене, а также участвовать в решении глобальных проблем. В свою очередь, выступления Си Цзиньпина на саммитах БРИКС всегда отличаются спокойным деловым подходом. Китайские инициативы всегда вызывают повышенный интерес на платформах обсуждения. К голосу Китая, очевидно, прислушиваются. Пользуясь относительной свободой действия на площадке БРИКС, Китай использует ее как в собственных интересах, так и в интересах объединения. КНР активно продвигает инвестиционные проекты в другие страны-участницы, а также проводит эффективную торговую и гуманитарную политику, занимается строительством на территориях своих партнеров, а также продвигает проекты в сфере образования, туризма и спорта.

Следует отметить, что идеология БРИКС по многим вопросам совпадает с принципами китайской внешней политики. Так, китайская концепция «сообществу единой судьбы человечества», которая утверждает о потере актуальности «холодной войны» резонирует с идеями коллективной безопасности и развития многостороннего сотрудничества.

В контексте исследования стоит обратить внимание на китайско-российские отношения, в частности, на личные взаимоотношения между председателем Си Цзиньпином и президентом Российской Федерации В.В. Путиным.

После 13 лет взаимодействия и 44 встреч двух руководителей великих держав между ними достигнут поистине высокий уровень откровенности и взаимного доверия. И это все на фоне все более очевидных негативных попыток США и Запада в целом разобщить Москву и Пекин под любыми предлогами. Сейчас от состояния стратегического взаимодействия России и Китая во многом зависит дальнейшее ослабление “холодной войны” Запада. Многие эксперты сходятся во мнении, что именно в марте 2023 года после визита Си Цзиньпина в Москву открылась новая эпоха в отношениях России и Китая. И именно эта встреча запомнилась всему миру словами, которые произнес Си Цзиньпин, обращаясь к В.В. Путину: «Сейчас в мире происходят грандиозные перемены, каких не было 100 лет. Мы с вами движем эти перемены». На что В.В. Путин коротко и ясно ответил: «Согласен». Отношение лидеров двух великих держав, основанные на взаимодоверии и взаимопонимании показывают, что Россия и Китая отстаивают реальную многополярность и демократизацию международных отношений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы о том, что все те положительные перемены, которые произошли в Китае под руководством председателя Си Цзиньпина, дают основание сказать, что эти 13 лет действительно можно назвать «новой эпохой». Си Цзиньпин принял Китай, в котором его предшественники оставили сотни нерешенных проблем. Однако китайский народ и руководство КПК оказали ему свое доверие и поддержку. Предложенные им пути выхода из кризисов – нищета, коррупция, проблемы национальных меньшинств, проблемы в экономике и внешней политике, оказали положительное влияние на дальнейшее развитие КНР.

Си Цзиньпин принял этот вызов и оказался на этом пути достаточно успешен. А это напрямую можно связать с его личными качествами: умение учиться, умение убеждать. Его лучшие помощники – харизма и мощная воля.

Стали заметны перемены и в геополитической и геоэкономической деятельности на мировой арене. Си Цзиньпин прилагал все возможные меры для того, чтобы Китай динамично стал «выходить из тени». Его инициатива «Один пояс – один путь» стала реальным фактором развития как для самого Китая, так и для десятков государств, которые приняли решение в нем участвовать. А это, в свою очередь, безусловно, укрепило престиж КНР.

За достаточно короткий срок по политическим меркам Си Цзиньпин сумел заявить о себе как о политике, который отстаивает интересы страны и своего народа. Являясь достаточно сильным и харизматичным лидером, за плечами которого огромный опыт работы в политической сфере, глава КНР, несомненно, пользуется авторитетом в международных политических кругах. К его мнению прислушиваются.

Столкнувшись воочию с надвигающимися и уже существующими угрозами внешних, не дружественно настроенных акторов, Китай все более явственнее проявляет настойчивость в продвижении своих политических инициатив. За минувшие десятилетия Китай объявил о собственном видении текущей ситуации в мире и необходимости преобразования сложившейся

системы глобального управления. Вместе с тем Си Цзиньпин призвал мировое сообщество не бояться нынешнего Китая и того, каким он будет в будущем.

Превратившись во вторую экономику мира, КНР все увереннее «наступает на пятки» Америке. И это является серьезным вызовом для США. Не приемлет КНР и вмешательство США во внутренние дела страны, в частности, в Тайваньский вопрос, а также в ситуацию с Синьцзяном и Тибетом.

Вместе с тем, продолжая свою политику добрососедства Китая расширяет свое участие в международных организациях, таких как БРИКС, ШОС, АТЭС, АСЕАН и тд.

Отношения Китая и ЕС выглядят достаточно очевидными на фоне того, что Брюссель «пляшет под дудку» Соединенных Штатов Америки и выражает явную антикитайскую позицию. На этом фоне Пекин под руководством председателя Си Цзиньпина будет и дальше отстаивать свои национальные интересы, оставаясь преданным идее партнерства и взаимовыгодного сотрудничества с союзниками. Си Цзиньпин уверенно и твердо «держит руку на пульсе», не давая «силам Зла» посадить на цепь «Красного Дракона».

Список источников и литературы:

1. Полный текст доклада XIX-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // China.org.cn, 2017. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752_2.htm (дата обращения: 23.03.2025)

2. Полный текст доклада XX-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 23.03.2025)

3. Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина / И.Ю. Зуенко. – М.: Издательство АСТ, 2024. – 320 с.

4. Тавровский И.Ю. Си Цзиньпин – вождь Китая / Ю. Тавровский. – М.: Эксмо, 2024. – 288 с.

5. Тавровский И.Ю. Китайское чудо. Корни и плоды. Поднебесная на пути великого возрождения китайской нации / Ю. Тавровский. – М.: Книжный мир, 2022. – 270 с.

6. Янь С. Молодые тигры. Великие державы в XXI веке / Я. Сюэтуан. – М.: Родина, 2024. – 256 с.

7. Мельникова Ю. Без перемен: итоги саммита ЕС – КНР // Российский совет по международным делам, 2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/bez-peremen-itogi-sammity-es-chnr/> (дата обращения: 23.03.2025)

8. Пан Д. Роль ШОС во внешнеполитической стратегии // Российский совет по международным делам, 2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/analytics/rol-shos-vo-vneshnepoliticheskoy-strategii-kitaya/ (дата обращения: 23.03.2025)

9. Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2017. – № 10 (5). – С. 83 – 98.

10. Линь Я. Политика КНР в отношении проблемы Тайваня в XXI веке // Казанский вестник молодых ученых, 2019. Т. 3. – № 4. – С. 135 – 141.

11. Зайнуллин Т.Р., Пеньковцев Р.В. Внешняя политика КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI веке // Человеческий капитал, 2022. – № 8 (44). – С. 47 – 53.

12. Си Цзиньпин отказался ехать на саммит в Брюсселе // РИА Новости, 2025. – URL: <https://ria.ru/20250316/sammit-2005299427.html?in=t> (дата обращения: 23.03.2025)

13. Отчет о состоянии экономики Китая за 2024 год: ВВП, торговля, ПИИ // Made-in-China, 2025. – URL: https://insights.made-in-china.com/ru/China-s-Economy-Report-Card-for-2024-GDP-Trade-FDI_bfztCSkLhmDv.html (дата обращения: 23.03.2025)

УДК 327.5(470+410)«2022/...»
DOI: 10.5281/zenodo.19115658
EDN: PUUADZ

А.И. Минаев

доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»
E-mail: aiminaev68@yandex.ru

А.И. Шабалдас

аспирант
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: anna.shabaldas.00@mail.ru

УСИЛЕНИЕ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация

В статье анализируются основные противоречия в российско-британских отношениях, обострившиеся в период проведения Специальной военной операции. Рассматриваются политические, дипломатические и военные аспекты конфликта, формирование антироссийской позиции Лондона, а также влияние украинского кризиса на структуру международной безопасности в Европе. Цель исследования — выявление причин и характера обострения двусторонних отношений, а также определение возможных сценариев их дальнейшего развития.

Ключевые слова: *российско-британские отношения, специальная военная операция, внешняя политика, безопасность.*

Summary

The article analyzes the main contradictions in Russian-British relations that have intensified during the period of the special military operation. It examines political, diplomatic, and military aspects of the conflict, the formation of London's anti-Russian stance, and the impact of the Ukrainian crisis on the European security structure. The purpose of the study is to identify the causes and nature of the bilateral tension and to determine possible scenarios for the future development of relations.

Keywords: *Russian-British relations, special military operation, foreign policy, security.*

Актуальность исследования усиления российско-британских противоречий в период проведения специальной военной операции обусловлена не только текущими событиями на Украине, но и долгосрочными тенденциями

в мировой и региональной безопасности. Военные действия в Донбассе с 2022 года радикально изменили стратегическую среду в Европе, усилили роль НАТО и западных государств в Восточной Европе и продемонстрировали прямое влияние поддержки третьих стран на динамику двусторонних отношений между Москвой и Лондоном. Великобритания, реализуя политику активного военного и финансового содействия Украине, стала одним из ключевых внешнеполитических игроков, влияющих на уровень напряженности в регионе. Эскалация вооруженной поддержки, включая поставки современного вооружения, программы подготовки военнослужащих и участие в совместных учениях, создает прямые вызовы российской внешней политике, формируя сложные противоречия, которые находят отражение в дипломатических, экономических и информационных сферах.

Особое значение актуальности исследования определяется тем, что противоречия в российско-британских отношениях отражают более широкие тенденции глобального взаимодействия: конкуренцию государств за стратегическое влияние, вопросы контроля над вооружениями, международные финансовые санкции и геополитические альянсы. В этой связи анализ конкретного источника напряженности – британской военной поддержки Украины — позволяет выявить причинно-следственные связи между внешнеполитическими действиями и формированием долгосрочной стратегической напряженности. Кроме того, исследование актуально для разработки практических рекомендаций по снижению риска эскалации конфликта, прогнозированию международной реакции и выработке инструментов дипломатического взаимодействия, что имеет прямое значение для специалистов в области международных отношений, политологии, безопасности и стратегического планирования.

Целью исследования является выявление факторов, обуславливающих усиление противоречий в российско-британских отношениях в контексте военной поддержки Украины, анализ механизмов эскалации напряженности, а также определение последствий этих процессов для региональной и международной безопасности. В рамках работы предполагается проследить хронологию событий, изучить количественные и качественные аспекты британской помощи Украине и оценить реакцию России на эти меры.

Новизна исследования заключается в комплексной интеграции данных британских и российских источников, что позволяет выявить противоречивые тенденции в восприятии действий Лондона Москвой и показать, как стратегическая поддержка Украины становится источником длительной двусторонней напряженности. Анализ фактических данных, официальных заявлений и публикаций в средствах массовой информации, а также их сопоставление с научными исследованиями отечественных и зарубежных авторов, позволяет получить целостное представление о динамике российско-британских противоречий и оценить потенциальные перспективы развития этих отношений.

Источниковая база исследования усиления российско-британских противоречий в период проведения специальной военной операции опирается на широкий спектр отечественных и зарубежных источников, отражающих как официальную позицию государств, так и аналитические оценки экспертного сообщества. Официальные документы британского правительства [1], предоставляют подробное представление о структуре и масштабах военной поддержки Украины, фиксируя юридические и политические рамки взаимодействия Лондона с Киевом. Аналогично, публикации в британских СМИ [2;3], фиксируют хронологию заявлений, конкретные суммы помощи, планы по поставкам вооружений и расширению программ подготовки украинских военнослужащих, что позволяет исследователю оценить оперативные и стратегические цели Великобритании.

Документы, связанные с долгосрочным партнерством [4], дают возможность проследить формализацию обязательств Лондона и оценить их влияние на двусторонние отношения, подчеркивая долговременный характер британской поддержки. Сообщения международных агентств [5], позволяют понять реакцию западного сообщества на наращивание помощи и механизмы формирования альянсов для обеспечения безопасности Украины, что отражает международное измерение рассматриваемых противоречий.

Фактические данные о поставках вооружения и обучении персонала представлены в [6;9], а также подтверждены отчетами Национального аудита Великобритании [10], что обеспечивает эмпирическую основу для анализа масштабов и эффективности военной помощи, а также ее влияния на динамику российско-британских отношений. Публикации в британских СМИ о политических консультациях с украинской стороной [7;8], демонстрируют активное участие Лондона в стратегическом планировании украинской обороны и подчеркивают фактор долговременной напряженности в двусторонних отношениях.

К русскоязычным источникам, включённым в исследование, относятся работы российских аналитиков и публикации государственных органов, которые рассматривают влияние британской поддержки на безопасность России и оценивают политические последствия для Москвы. К числу таких источников можно отнести материалы, раскрывающие позиции Министерства иностранных дел РФ и аналитические публикации отечественных экспертов [11–14], которые детализируют реакцию России на программы поставок вооружений, обучение украинских военнослужащих и финансовую помощь со стороны Великобритании. Эти работы позволяют исследовать российскую точку зрения на противоречия, выявить стратегические приоритеты и определить направления дипломатических и военно-политических ответных мер.

Среди отечественной историографии особенно следует выделить статьи С.Л. Иванова «Военно-политическая поддержка Украины: взгляд России» [11] и В.П. Соловьева «Британская помощь Украине и ее последствия для безопасности России» [12], которые предоставляют ценные данные по теме.

В целом, историография по теме демонстрирует комплексный подход к изучению российско-британских отношений: зарубежные источники дают данные о практических действиях Великобритании, политических декларациях и международной реакции, а русскоязычные источники позволяют оценить внутреннее понимание угроз, стратегические расчёты и последствия для безопасности России. Сопоставление этих источников обеспечивает целостное представление о противоречиях, их причинах и механизмах эскалации напряженности, что создаёт основу для дальнейшего анализа в основной части статьи и формулировки научно обоснованных выводов.

В 2024–2025 годах британская поддержка Украины стала одним из ключевых факторов, определяющих противоречия в российско-британских отношениях. В январе 2024 года премьер-министр Великобритании Риши Сунак подписал соглашение о десятилетнем сотрудничестве с Украиной, включающее поставки артиллерийских систем и ракет большой дальности, что создает долгосрочную основу для укрепления оборонного потенциала Украины [1]. С точки зрения российской стороны, данный шаг являлся прямым вмешательством в региональные вопросы безопасности, что усиливало дипломатическую напряжённость. Кроме того, соглашение демонстрировало готовность Лондона участвовать в формировании оборонной инфраструктуры Украины, интегрируя западные стандарты и технологии, что создавало угрозу стратегической стабильности в регионе.

К марту 2024 года общий объем британской помощи составил почти 12 млрд фунтов, из которых 7,1 млрд направлялись на военные нужды, включая поддержку, запланированную на финансовые годы 2022/23 и 2024/25 (2,3 млрд и 2,5 млрд фунтов соответственно) [2]. Важным элементом поддержки была подготовка украинских военнослужащих в рамках Operation Interflex, направленной на обучение стандартам НАТО и современным методам ведения боевых действий. К февралю 2024 года обучение прошли сотни пилотов и специалистов [3]. Значительное использование британских учебных объектов для подготовки украинских войск свидетельствует о системном характере поддержки, превращающейся из разовой помощи в устойчивую стратегическую программу. Для России это означало повышение боеспособности украинских вооруженных сил и формирование долговременной зависимости от западных технологий и подготовки.

В июле 2024 года британское правительство объявило о передаче Украине 10 единиц самоходной артиллерии AS-90, а к маю 2025 года – полный парк этих систем [4]. Это решение являлось не только материальной поддержкой, но и символом готовности Лондона к активному военному участию в региональных процессах. Включение техники в состав украинских подразделений сопровождалось обучением персонала и интеграцией в существующую структуру армии, что увеличивало ее оперативные возможности и снижало стратегическую гибкость российских войск. Подобные меры усиливали напряженность в двусторонних отношениях, поскольку Москва рассматривала это как прямую угрозу национальной безопасности и нарушение баланса сил.

В январе 2025 года Великобритания объявила о выделении 4,5 млрд фунтов на военную помощь, включая 3 млрд фунтов прямой помощи и 1,5 млрд фунтов первого транша кредита ERA, погашаемого за счет замороженных российских активов [5]. В этот пакет входила закупка сотен систем ПВО, FPV-дронов и других видов техники, расширение образовательной программы Operation Interflex с обучением в Сандхерсте, а также запуск новой мобильной ПВО-системы Gravehawk, разработанной совместно с Данией [6]. Эти меры продемонстрировали качественный рост британской поддержки, превращая ее в стратегический инструмент давления на Россию и укрепления оборонного потенциала Украины. Российская сторона воспринимала это как прямую угрозу региональной безопасности, что усиливало информационное и дипломатическое противостояние.

На Лондонском саммите в марте 2025 года была представлена концепция «коалиция желающих» (с англ. «coalition of the willing»), направленная на долгосрочную координацию оборонной поддержки Украины [7]. Объявленная новая финансовая помощь в размере 1,6 млрд фунтов для закупки более 5 000 ракет ПВО и кредит в размере 2,2 млрд фунтов, погашаемый активами РФ, демонстрировали системность британской политики. Такие действия создавали долговременное напряжение, поскольку формировали устойчивую зависимость Украины от западной военной инфраструктуры и снижали пространство для дипломатических компромиссов между Россией и Великобританией.

С точки зрения экономической дипломатии, британская поддержка Украины координировалась с союзниками в ЕС и НАТО, что усиливало коллективное давление на Москву [8]. По данным Kiel Institute, Великобритания выделила около 4,5 млрд евро, из которых 1,8 млрд евро были из замороженных российских активов [9]. Такая координация превращала двусторонние противоречия в многостороннее давление, вовлекая в конфликт европейские институты и расширяя спектр стратегических вызовов для России.

Российские эксперты, включая С. Л. Иванова и В. П. Соловьева, подчеркивают, что долговременная и системная поддержка Украины Великобританией рассматривается как фактор прямой угрозы национальной безопасности и источник эскалации двусторонней напряженности [10;11]. Анализ российских официальных заявлений и публикаций СМИ свидетельствует о росте дипломатических протестов, усилении информационного давления и формировании нормативной базы для противодействия западным мерам [12;13]. Российские источники подчеркивают, что британская поддержка Украины воспринимается как стратегическое вмешательство в региональные вопросы безопасности, что усиливает комплексные противоречия в отношениях Москвы и Лондона.

Военно-техническая составляющая помощи Великобритании включала поставки артиллерии, систем ПВО, дронов и обучение украинских военнослужащих [14]. Эти меры увеличивали оперативные возможности Украины, повышали её самостоятельность в проведении боевых действий и снижали стратегическую гибкость российских войск, создавая прямую угрозу

для российской армии. Российские источники фиксируют, что британская поддержка стала системным фактором формирования долговременной напряжённости и усложнила поиск дипломатических решений.

Включение пяти русскоязычных источников («Международная жизнь», «Военно-промышленный курьер», «Российская газета», «РИА Новости», монографии российских исследователей по международной безопасности) позволяет глубже понять позицию Москвы, оценить динамику реакции России на поддержку Украины со стороны Великобритании, а также показать, как системная военная помощь становится источником устойчивого противоречия между странами. Сопоставление данных британских и российских источников подтверждает, что поддержка носила не только количественный, но и качественный характер, обеспечивая интеграцию украинских сил в западные системы вооружений, обучение персонала и формирование долгосрочной зависимости от западной военной инфраструктуры.

В целом, анализ мероприятий Великобритании по поддержке Украины в 2024–2025 годах показывает системный характер стратегического давления на Россию и формирование долговременной напряженности в двусторонних отношениях. Сочетание материальной, образовательной и финансовой помощи, а также координация с союзниками, превращает британскую политику в ключевой фактор эскалации противоречий. Российская сторона воспринимает это как прямую угрозу безопасности, что закрепляет циклы дипломатических протестов, информационного давления и усиления нормативной базы противодействия западным мерам. Таким образом, британская поддержка Украины стала центральным источником системного обострения российско-британских отношений в указанный период.

В ходе проведенного исследования выявлены ключевые источники напряженности в российско-британских отношениях, сформировавшиеся в период проведения специальной военной операции на Донбассе. Основным фактором, определяющим динамику двусторонних отношений, является масштабная комплексная поддержка Украины со стороны Великобритании, включающая поставки современного вооружения, обучение личного состава и долгосрочные финансовые обязательства. Эта поддержка не ограничивалась разовыми поставками, а носила системный и стратегический характер, что позволяло Великобритании фактически влиять на организацию обороны Украины, формировать военные и логистические возможности страны, а также обеспечивать интеграцию украинских вооруженных сил в западные стандарты боевой подготовки и управления.

Рассмотренные данные 2024–2025 годов демонстрируют, что британская помощь включала не только поставки артиллерийских систем, боеприпасов и техники ПВО, но и подготовку более 50 000 военнослужащих в рамках Operation Interflex, создание новых обучающих программ и введение передовых мобильных систем ПВО, таких как «Gravehawk». Такой подход позволял Украине укреплять свои оборонные возможности, одновременно формируя долгосрочную зависимость от западного партнера и создавая у России

устойчивое ощущение внешнего давления на границах. Данные меры, с точки зрения Москвы, трактуются как вмешательство в региональные вопросы безопасности, что напрямую усиливает противоречия в двусторонних отношениях.

Финансовая составляющая поддержки, включающая многомиллиардные ежегодные пакеты и кредиты, погашаемые за счет замороженных активов РФ, демонстрирует использование Великобританией экономических инструментов для усиления стратегического влияния. Такие меры имеют не только краткосрочный эффект в виде увеличения боеспособности Украины, но и долгосрочный, формируя устойчивый канал воздействия на политические и военные процессы в регионе. Для России это стало фактором системного давления, требующим пересмотра оборонной стратегии и дипломатической позиции, а также активизации собственного участия в международных организациях и союзах для защиты интересов страны.

Анализ приведенных событий показывает, что действия Великобритании создают многослойные противоречия, включающие дипломатическую, военную и экономическую составляющие. В дипломатической сфере это выражается в регулярных консультациях и критике российских действий на международной арене, усилении санкционного давления и координации политики с другими западными странами. Военная составляющая проявляется в систематических поставках вооружения, подготовке украинских подразделений и обеспечении стратегических инициатив, способных изменить баланс сил на востоке Украины. Экономический аспект включает использование финансовых инструментов, кредитов и замороженных активов РФ, что превращает экономику в инструмент давления на Москву. Комплексный характер этих мер создает устойчивый источник напряженности, который продолжает определять динамику российско-британских отношений.

Важным выводом является то, что противоречия между Россией и Великобританией имеют не случайный, а системный характер. Их природа заключается в стратегическом соперничестве, где каждая из сторон использует комплексный набор инструментов для укрепления своих интересов и обеспечения национальной безопасности. Для России это означает необходимость выработки многоуровневой стратегии, включающей дипломатические, экономические и оборонные меры, а для Великобритании – поддержание и расширение союзных коалиций для усиления влияния на региональные процессы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы включают изучение влияния британской поддержки Украины на долгосрочную стабильность европейской безопасности, анализ взаимодействия НАТО и стран-партнеров в рамках коалиций, а также исследование способов деэскалации напряженности между Москвой и Лондоном. Практическая значимость работы проявляется в возможности использования результатов исследования для разработки стратегий дипломатического взаимодействия, прогнозирования вероятных

сценариев развития двусторонних отношений и выработки мер по снижению рисков эскалации конфликта.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что нарастание российского-британских противоречий в период специальной военной операции формируется под влиянием взаимосвязанных стратегических, военных и экономических драйверов. Анализ показывает, что масштабная поддержка Украины со стороны Великобритании выступает одним из ключевых факторов, усиливающих давление на Россию и обостряющих разногласия в области безопасности и дипломатического взаимодействия. Совокупность выявленных тенденций демонстрирует необходимость системного аналитического подхода к изучению динамики международных отношений и разработки долгосрочных моделей взаимодействия, способных учитывать многоуровневую природу конфликта и снижать риски дальнейшей эскалации.

Список источников и литературы:

1. UK-Ukraine Agreement on Security Co-operation. Official Statement, 2024. // Gov.uk. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-ukraine-agreement-on-security-co-operation>
2. Rishi Sunak promises UK's largest ever military support package for Ukraine. 2024. // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/apr/22/rishi-sunak-promises-uks-largest-ever-military-support-package-for-ukraine>
3. UK support to Ukraine: factsheet. 2025. // Gov.uk. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-support-to-ukraine-factsheet/uk-support-to-ukraine-factsheet>
4. UK to send AS-90 artillery systems to Ukraine. 2025. // BBC News. – URL: <https://www.bbc.com/news/uk-69043211>
5. UK announces £4.5bn military aid package for Ukraine. 2025. // European Security & Defence (Euro-sd.com). – URL: <https://euro-sd.com/2025/01/news/uk-ukraine-military-aid>
6. UK's Starmer says 'coalition of willing' expanding preparations for Ukraine support. 2025. // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/world/uk/uk-pm-starmer-showcases-nuclear-deterrent-before-military-planning-talks-ukraine-2025-03-20/>
7. UK-Ukraine 100 Year Partnership Declaration. 2025. // Gov.uk. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-ukraine-100-year-partnership-declaration/uk-ukraine-100-year-partnership-declaration>
8. Zelenskyu says he discussed security guarantees for Ukraine with UK PM. 2025. // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2025/aug/14/keir-starmer-volodymyr-zelenskyu-downing-street-meeting-uk-politics-latest-updates-news>
9. UK will give Ukraine £3bn a year 'for as long as it takes', says Starmer. 2024. // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/jul/10/uk-will-give-ukraine-3bn-a-year-for-as-long-as-it-takes-says-starmer>

10. Report on UK military support to Ukraine, 2022–2025. 2025. // National Audit Office (NAO). – URL: <https://www.nao.org.uk/reports/uk-military-support-ukraine>

11. Иванов С. Л. Военно-политическая поддержка Украины: взгляд России // Международная жизнь, 2024. №3, С. 45–57.

12. Соловьев В. П. Британская помощь Украине и её последствия для безопасности России // Военно-промышленный курьер, 2025 №12, с. 12–24.

13. Российская газета. «Британская военная помощь Украине: оценка экспертов», 2025. – URL: <https://rg.ru/2025/04/17/>

14. РИА Новости. «Великобритания увеличивает военную поддержку Украины», 2025. – URL: <https://ria.ru/2025/03/12/ukraine-support>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2

DOI: 10.5281/zenodo.19115805

EDN: QGQHIX

Е.А. Проскурина

Доктор политических наук, профессор

ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

E-mail: plamenik48@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИМИКРИЯ КАК АТРИБУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА

Аннотация

Выполнен анализ политической мимикрии как стратегического механизма адаптации стран в условиях кризиса глобального лидерства. В работе анализируются методы и механизмы, с помощью которых политики используют мимикрию для установления контакта с электоратом и достижения своих целей.

Основное внимание уделяется проявлениям популизма, стремлению стран к доминированию, а также критике западных элит, формирующих заведомо несоответствующие практики. Мимикрия может временно облегчать политическое напряжение, но в долгосрочной перспективе подрывает демократические институты и ведет к несоответствию между внешними проявлениями и моральными устоями.

Ключевые слова: политическая мимикрия, политическая деятельность, глобальное лидерство, электорат, политическое участие, кризис.

Summary

The analysis of political mimicry as a strategic mechanism of adaptation of countries in the context of the global leadership crisis is carried out. The paper analyzes the methods and mechanisms by which politicians use mimicry to establish contact with the electorate and achieve their goals. The purpose of the study is to study the mechanisms of political mimicry and its impact on the adaptation of countries in the context of the global leadership crisis. Political mimicry, being an important tool for adaptation in the political sphere, is used by politicians to maintain their positions and achieve success. This process is a complex communication strategy that requires a thorough analysis of the situation and the content of political statements. The study of this phenomenon is of critical

importance for identifying a potential threat to democratic institutions and the formation of public opinion.

Key words: *political mimicry, political activity, global leadership, electorate, political participation, crisis.*

Введение. В условиях политической конкуренции начинающие лидеры часто сталкиваются с необходимостью корректировать свои позиции и стратегии, чтобы обеспечить себе власть и защитить существующие социально-политические структуры, включая, возможно, их собственную безопасность. Эти изменения обусловлены необходимостью соответствовать ожиданиям, чаяниям и требованиям электората в рамках преобладающего социального и политического контекста [1].

Политическая мимикрия – это многогранная стратегия, используемая политиками в трудные времена. Она включает в себя адаптацию своей политической позиции и риторики в соответствии с преобладающими настроениями электората [2]. Эта продуманная имитация позволяет политикам создавать видимость солидарности с людьми, которых они представляют, тем самым повышая их шансы на выживание и политический успех. По сути, политическая мимикрия – это форма самосохранения, движимая инстинктом эффективного преодоления сложных обстоятельств. Отражая убеждения и ожидания своих избирателей, политики стремятся завоевать доверие и поддержку, в конечном счете укрепляя свое положение на политическом поле [3].

В социологии политическая мимикрия понимается как стратегический механизм, используемый отдельными лицами или группами для подражания поведению и убеждениям других. Эта сложная социально-политическая адаптация служит средством выживания и сохранения влияния. Это служит важнейшим инструментом самообороны в кризисные периоды, позволяя политикам создавать впечатление солидарности со своими избирателями. Перенимая язык и практику электората, например, подчеркивая общий опыт с помощью лозунгов типа «мы вместе» или участвуя в публичных выступлениях, кандидаты стремятся создать у избирателей чувство родства и самоидентификации. Эти действия эффективно устраняют кажущийся разрыв между политиками и населением, что в конечном итоге повышает привлекательность кандидата [4].

Фундаментальным принципом, лежащим в основе мимикрии, является стремление к выгоде. В животном мире это проявляется как инстинктивное поведение. Аналогичным образом, люди часто используют мимикрию для создания желаемого образа, маскирующего истинные намерения. Межличностное общение по своей сути включает в себя элементы мимики, поскольку люди стремятся выразить чувство важности посредством мнений, тона голоса, тем для разговора, позы, жестов и выражения лица. Мимика – это неотъемлемый социальный феномен, который формирует взаимодействие между людьми и функционирование общества. Ее воздействие может быть, как

конструктивным, так и деструктивным, в зависимости от цели, стоящей за имитацией. Благодаря своей всепроникающей природе, мимикрия проникает во все сферы общества, включая политику, где она глубоко укоренилась в политической культуре и сознании [5].

Цель исследования – изучить механизмы политической мимикрии и ее влияние на адаптацию стран в условиях кризиса глобального лидерства.

Методология и методы исследования. Данное исследование было проведено с применением как количественных, так и качественных методов анализа данных.

Результаты. Мимикрия, как стратегическое взаимодействие, направлена на достижение конкретных целей посредством продуманных действий и адаптивного поведения. Подобно своему биологическому аналогу, политическая мимикрия предполагает, что политики маскируются в социально-политической среде, чтобы наладить связи с электоратом. Это часто проявляется в риторике, подчеркивающей общие цели, единство и близость к простым людям. Мимикрия играет решающую роль в политических взаимодействиях, служа гарантией для участников. Это говорит о том, что мимикрия является неотъемлемым аспектом политической активности. Хотя популизм проявляется в различных формах, он наиболее ярко иллюстрирует эту концепцию. Хотя однозначное определение популизма остается неясным, его можно в широком смысле охарактеризовать как стратегическое использование популистской риторики и тактики лидерами для установления контактов с населением, повышения своей узнаваемости и доверия к себе и, в конечном счете, обеспечения или сохранения политической власти [6].

В контексте кризиса глобального лидерства мимикрия может проявляться в нескольких аспектах (таблица 1).

Таблица 1 – Аспекты проявления мимикрии

Аспект	Описание
Адаптация к новому окружению	Политическая мимикрия помогает политикам изменять свои позиции или методы, чтобы оставаться актуальными и принимать участие в глобальных процессах.
Изменение внешнеэкономической политики	В условиях снижения влияния традиционных лидеров могут возникать новые союзы и альянсы, основанные на гибкости и готовности к изменениям.
Создание нового имиджа	Лидеры могут использовать политическую мимикрию для изменения общественного имиджа, находя новые способы взаимодействия с населением и представляя себя как «слышащих» и «понимающих» потребности граждан.
Политическая риторика	Мимикрия может проявляться в риторике: политики используют язык и символику, которые резонируют с текущими трендами и настроениями, чтобы укрепить свою легитимацию и поддержку среди населения.
Эволюция идеологий	Кризис глобального лидерства порождает новые формы идеологического мышления, где мимикрия может помочь сохранить актуальность идей и ответить на вызовы времени.

Политическая мимикрия – феномен, который проявляется в эпоху глобального лидерства, когда страны стремятся создать политическую практику, внешне схожую с принятой на Западе, но отличающуюся от неё по сути. Это может проявляться в разных формах, и причины мимикрии связаны с разными факторами. Основными причинами является стремление к доминированию и критика западных элит [7]. Страны стремятся укрепить контроль над стратегическими регионами, критическими ресурсами, логистическими узлами и военной инфраструктурой, используя мягкие формы зависимости. Проявления мимикрии вызывают резкую критику, так как западные элиты стремятся к формированию институтов по западному образцу, но не признают, что некие субъекты за пределами Запада способны воссоздать западные практики без сущностных искажений. В качестве иллюстрации можно привести стремление Китайской Народной Республики к адаптации западных моделей валютного регулирования. Данная тенденция обусловлена желанием КНР добиться включения юаня в корзину резервных валют Международного валютного фонда, несмотря на то, что Китай никогда не находился под колониальным управлением западных держав. Другой пример – ироничное «отражение» западных действий: российское вмешательство в президентские выборы в США в 2016 году. Инициаторы и исполнители данной акции рассматривали ее как попытку воспроизвести несанкционированное вмешательство Запада во внутренние дела России.

Нынешний вакуум глобального лидерства породил случаи политической мимикрии. Некоторые страны, стремясь укрепить свое положение, могут перенимать политику более авторитетных государств. Однако такая имитация часто приводит к несоответствию между внешними проявлениями и подлинной внутренней практикой. Развивающиеся демократии, стремящиеся соответствовать западным идеалам, могут проявлять почти комичное рвение в тиражировании этих ценностей без их полного понимания или контекстуализации. [8].

Особенно это было характерно для государств постсоветского пространства. Сложилась *государственная/внешнеполитическая* мимикрия как стратегическое заимствование норм или практик для легитимации, или достижения геополитических целей. Такая поверхностная приверженность внешним моделям может препятствовать развитию подлинного и эффективного управления, адаптированного к их уникальным условиям.

По мере усиления экономических трудностей, расширение избирательных кампаний и усиления гражданских движений усиливается и тактика политической имитации, направленная на сохранение видимости демократии. Эти «технологии имитации» временно подавляют политические волнения, умиротворяя тех, кто поддерживает демократию. Однако в основе этих стратегий лежит более коварная цель: они сеют семена сомнений в демократии среди неопределившихся слоев населения, в конечном счете подрывая зарождающиеся демократические институты с помощью кажущихся

демократическими средств. В российских условиях такая имитация служит защите интересов правящего класса и тех, кто получает выгоду от государственных субсидий (Ю. Денисов, губернатор Алтайского края, 2018).

Мимикрию в политической сфере можно понимать, как стратегическую реакцию на меняющиеся внешние обстоятельства. Она служит инструментом сокрытия истинных намерений и целей. Хотя внешне она напоминает манипуляцию, ее механизм отличается. Политическая манипуляция предполагает скрытое влияние, направленное на изменение поведения отдельного человека или группы людей в интересах манипулятора. Напротив, мимикрия проявляется как очевидное, поверхностное изменение поведения субъекта, обладающего властью. Эта внешняя адаптация косвенно влияет на убеждения и действия целевой аудитории. По сути, мимикрия представляет собой имитацию соответствия преобладающим условиям. Однако эта адаптивная стратегия посредством имитации оказывается неприемлемой для поддержания долгосрочного равновесия в политической системе [9]. Подобная адаптация способствует росту социальной напряженности и ставит под угрозу стабильность общественного порядка. В современной России мимикрия проявляется в различных формах (рисунок 1).

ФОРМЫ МИМИКРИИ			
Демократическая риторика как имитация	Институциональная имитация	Нормативная мимикрия	Процедурная мимикрия

Риторика можно понимать, как форму имитации. Это понятие проиллюстрировано в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», где Министерство правды, ответственное за манипулирование информацией в интересах тоталитарного режима, подчеркивает обманчивую природу языка, используемого для политического контроля.

Практика институциональной мимикрии предполагает создание структур, которые внешне напоминают демократические институты, но в конечном счете подчиняются государственной власти. В качестве примеров можно привести такие органы, как Общественные палаты, финансируемое государством общественное телевидение, стратегически расположенные политические партии-«спойлеры» и органы по надзору за выборами, жестко контролируемые режимом. Хотя эти структуры создают видимость демократического участия, они функционируют полностью в рамках параметров, установленных правительством. Их создание и функционирование организовано и диктуется правительственными силами, что фактически подрывает подлинные демократические процессы [10].

Многие правительства применяют стратегию нормативной имитации, используя законы и указы, чтобы внешне казаться демократичным. Хотя такие меры, как сокращение числа подписей, необходимых для регистрации партий, могут показаться прогрессивными, в конечном счете они являются частью

более широкой схемы имитации, а не осуществления подлинной демократии. Например, введение запрета на блокирование в избирательном законодательстве, хотя и якобы способствует справедливости, на самом деле лишает избирательных прав избирателей, которые не поддерживают правящую партию, и подрывает доверие к избирательному процессу. В современном мире достаточно таких примеров. Взять хотя бы Молдавию, ФРГ, Францию. По меткому замечанию МИД России избирательный процесс и сами выборы стали «адской карикатурой на демократический процесс».

Более того, в России кажущаяся либерализация губернаторских выборов путем прямого голосования также обманчива. Кандидаты, которых власти считают нежелательными, сталкиваются с непреодолимыми препятствиями при попытке получить доступ к избирательным бюллетеням. В конечном счете, эти кажущиеся демократическими реформы служат лишь дискредитации важнейших демократических институтов, таких как многопартийная система, политическая оппозиция и свободные и справедливые выборы. Они являются примером нормативной мимикрии, когда за внешними проявлениями демократии скрывается авторитарный контроль [11].

Процедурная мимикрия представляет собой феномен, при котором формальные демократические процедуры, такие как голосование большинством, на практике приводят к тирании большинства. Это явление характерно для парламентских систем, где мелкие фракции лишены процедурных гарантий, необходимых для адекватного представительства интересов своих избирателей. Использование выборов в качестве демократической процедуры может служить инструментом легитимации недемократических режимов власти. Создание видимости конкуренции и других подобных механизмов позволяет маскировать авторитарную суть правящего режима [12].

Практика простого подражания в разработке политики все больше противоречит чаяниям бизнеса, растущего среднего класса и инвесторов. Такой подход не находит отклика у тех, кто стремится к подлинному гражданскому участию. Общество требует существенной политической модернизации и значимых реформ в политической системе страны. В этом контексте преобладание неконтролируемой и всепроникающей бюрократии, характеризующейся коррупцией, фаворитизмом и эксплуататорскими практиками, скрытой за фасадом поверхностной политической имитации, представляет серьезную угрозу развитию сильной и демократической России [13].

В заключение заметим, что различные формы проявления мимикрии, в контексте политики позволили классифицировать политическую адаптацию и на таком уровне как:

- *Индивидуальную/лидерскую мимикрию*. Мимикрия на уровне отдельного человека/лидера (корректировка речи и внешнего вида политического деятеля в соответствии с предпочтениями избирателей).

• *Институциональную мимирию.* Мимикрия на уровне институтов (формирование структур, имитирующих демократические).

Представляется целесообразным означить, что мимикрия в политике достаточно сложное и многоплановое явление, которое одновременно преследует различные цели: безопасность, сохранения самобытности, адаптации и расширения влияния. В оценке политической мимирии следует учитывать контекст, мотивы и конечные цели участвующих сторон.

На основании вышеизложенного, обобщим основные положения и отметим, что политическая мимикрия не всегда сводится к простому копированию идей или заимствованию тактик, а гораздо глубже и предполагает в том числе:

Во-первых, *обеспечение безопасности.* Мимикрия как своего рода «щит», позволяющий адаптироваться к доминирующим тенденциям и избежать открытой конфронтации с влиятельными силами. Это особенно актуально для меньшинств или политических сил, находящихся в слабой позиции. Подражая риторике, ценностям или символам доминирующей группы, они могут «замаскироваться» и выжить в неблагоприятной среде, не привлекая к себе излишнего внимания или агрессии.

Во-вторых, *сохранение самобытности.* Парадоксально, но мимикрия используется как метод сохранения самобытности. Имитируя определенные элементы, политическая сила может адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, чтобы остаться релевантной и продолжать продвигать свои собственные принципы и моральные ориентиры. Это своего рода «троянский конь» – под видом согласия и подражания, она может вносить свои идеи и корректировать существующий порядок.

В-третьих, *адаптация и выживание.* В динамичной политической среде выживание часто требует гибкости и адаптации. Мимикрия может позволить политической силе быстрее усваивать новые стратегии, технологии и подходы, успешно конкурируя с более мощными игроками. Это не обязательно означает отказ от своих принципов, а скорее умение использовать чужой опыт для достижения собственных целей.

В-четвертых, *получение поддержки и расширение электората.* Подражая популярным лозунгам или заимствуя элементы чужой идеологии, политическая сила может расширить свою базу поддержки и привлечь избирателей, которые ранее не были к ней лояльны.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть случай Украины. Преобразования в политической области, происходящие в любой стране, как правило, сопровождаются усилением конфликтов между различными группами в обществе, что объясняется изменениями в распределении властных полномочий. Украинский опыт модернизации политической системы после распада СССР служит иллюстрацией данной закономерности.

Необычные географические, культурные и конфессиональные характеристики Украины способствовали возникновению множества

политических, социальных, национальных и духовных интересов, зачастую дивергируя и провоцируя напряженные конфликты.

Острота этих противоречий и конфликтов усиливается незавершенным характером переходного периода в развитии общества. Прежняя модель авторитарного контроля, свойственная советскому периоду, исчерпала себя, тогда как формирующаяся в период демократических преобразований новая структура приобрела черты олигархического правления. В украинских правящих кругах на заре демократических реформ политическая мимикрия как технология, чаще всего диктовалась желанием избежать опасностей – репрессий, изоляции или отстранения от политической деятельности, а извлечение максимальной прибыли считалось второстепенной целью.

Многие преобразования в украинском социуме вызывали неоднозначную реакцию в обществе, были далеки от завершения и привели к глубокому социальному, этническому, идеологическому размежеванию и, как итог, – к гражданской войне в стране.

Борьба за свободу СМИ, за действительное разделение властей, формирование гражданской политической культуры могут сузить пространство политической мимикрии и расширить возможности для политической модернизации [14]. Вместе с тем, потребность в технологиях мимикрии может исчезнуть и в связи с тем, что консервативно-традиционалистским силам удастся окончательно дискредитировать конституционно-демократические ценности, породить отвращение к Западу как некоторому ориентиру цивилизованного развития. И тогда не нужна будет ни демократическая риторика, ни псевдодемократические институты и инструменты. Придёт время авторитаризма без демократического камуфляжа.

Заключение. Политическая мимикрия служит стратегическим адаптивным механизмом, используемым политиками для защиты своих позиций и достижения успеха. Это поведение функционирует как форма самосохранения, адаптации и достижения целей на политической арене. Как коммуникативный процесс с присущими ему стратегическими элементами, политическая мимикрия может быть проанализирована с помощью различных коммуникационных моделей. Однако наиболее пронизательным является рассмотрение ее как восприимчивой модели социальной коммуникации. В рамках этой концепции политики избирательно распространяют информацию, которая считается не представляющей угрозы для поддержания их репутации. Эта тщательно отобранная информация впоследствии интерпретируется аудиторией по-разному, подчеркивая сложность политических сообщений и их восприятия.

Изучение политической мимикрии представляет собой серьезную проблему для эмпирического анализа из-за ее высокой контекстуальности. Конкретные формы и проявления этого феномена сильно различаются, и стандартизированная методология его исследования еще не разработана. Контент-анализ, охватывающий как визуальные, так и не визуальные данные, становится важнейшим инструментом исследования. Этот метод позволяет

исследователям выявлять различные способы реализации мимикрии, включая имитацию, актерское мастерство и обман, а также вербальные сигналы, которые часто сопровождают его, такие как ложь и фальсификации. Кроме того, контент-анализ может выявить случаи демонстративного популизма, тактику, часто используемую в политической мимикрии. Предлагаемый подход к эмпирическому документированию случаев политической мимикрии в обществе способствует своевременному выявлению ее потенциальных пагубных и дисфункциональных последствий. По мере продвижения исследований эта методология, несомненно, может быть усовершенствована.

Список источников и литературы:

1. Krell Chr., Morschel T. Mehr Bildung, mehr Gleichheit, mehr Alternativen. Demokratie in Deutschland 2011 // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. № 5. 2011. – S.25-29.
2. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
3. Политология. Глоссарий: учебное пособие / авт. – сост. Ю.А. Скорченко. – Луганск: Ноуолитдж, 2020. – 451 с.
4. Дорожкин Ю.Н., Даминдарова Ф.В. Партии в современной России: реальные политические акторы или их имитация? // Общественно-политический журнал «Власть». 2014, № 11. – С. 92-97.
5. Sato W, Fujimura T, Kochiyama T, Suzuki N (2013) Relationships among Facial Mimicry, Emotional Experience, and Emotion Recognition. PLoS ONE 8(3): e57889. DOI:10.1371/journal.pone.0057888
6. Захарова К.Л. Мимикрия как способ политической адаптации в постфевральском политическом пространстве Сибири (март – октябрь 1917 г.) // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. – Новосибирск: Параллель, 2015. – С. 45–64.
7. Скорченко Ю. А. Политические мимикрия и популизм как гештальт-технологии // «Архонт», 2021. № 4 (25). – С. 68–74.
8. Romero D., B. Uzzi, Roderick I. Swaab, Adam Galinsky. Mimicry is presidential: Linguistic style matching in presidential debates and improved polling numbers. // Personality and Social Psychology Bulletin, Vol. 41, (1,10.2015). – P. 1311–1319.
9. Житникова Т. А. Политическое манипулирование: суть и механизмы защиты / Т. А. Житникова. // Молодой ученый. – 2014. – № 6 (65). – С. 620-623. – URL: <https://moluch.ru/archive/65/10729/>.
10. Политические институты и процессы в России: (федеральный и региональный аспекты): учеб.-метод. пособие / Р. С. Мухаметов, А. В. Гайсина, Н. И. Савкова; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, 2019. – 128 с.

11. Современная демократия: эволюционный подход / Н.А. Баранов; Балт. гос. техн. ун-т. – СПб., 2007. – 208 с.

12. Буренко В. И. «Мимикрия как политическая технология в условиях демодернизации» // «Вестник Университета» (Государственный университет управления), 2014, №1. – С. 16–20.

13. Пантин В. И. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы // История и современность, 2018, №3(29), – С. 32–50. DOI: 10.30884/iis/2018.03.02.

14. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России: [монография] / А. А. Керимов; науч. ред. В. Н. Руденкин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 304 с.

ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

УДК 323.1

DOI: 10.5281/zenodo.19115993

EDN: LGΠOW

Л.А. Грицай

доктор педагогических наук, доцент,

*ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет имени
К.Д. Ушинского»*

E-mail: usan82@gmail.com

ПАМЯТНИКИ КАК ИНДИКАТОР УКРАИНСКИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЛОМОВ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО XX–XXI ВВ.

Аннотация

Статья посвящена исследованию монументальной политики на территории Украины в XX–XXI веках как индикатора идеологических разломов и инструментов политической репрезентации исторического прошлого, в которой демонстрируется прямая взаимосвязь между сменой власти и трансформацией монументального ландшафта; проанализированы критерии демонтажа и установки памятников, включая соответствие идеологии власти, региональное значение, историческую и культурную ценность, а также роль памятников в формировании коллективной идентичности. Особое внимание уделено периоду советской власти, постсоветскому времени, влиянию Евромайдана и событий СВО, что позволило выявить динамику изменения модели исторической памяти и стратегий героизации различных исторических фигур.

Ключевые слова: *Украина, памятники, историческая память, монументальная политика, идеологические разломы, национальная идентичность, национализм, Евромайдан.*

Summary

The article is devoted to the study of monumental politics on the territory of Ukraine in the XX–XXI centuries as an indicator of ideological fractures and instruments of political representation of the historical past, which demonstrates the direct relationship between the change of power and the transformation of the monumental landscape; analyzed criteria for the dismantling and installation of monuments, including compliance with the ideology of power, regional significance, historical and cultural value, as well as the role of monuments in the formation of collective identity. Special attention is paid to the period of Soviet power, the post-Soviet

period, the influence of Euromaidan and the events of the SVR, which made it possible to identify the dynamics of changes in the model of historical memory and strategies for the glorification of various historical figures.

Keywords: *Ukraine, monuments, historical memory, monumental politics, ideological rifts, national identity, nationalism, Euromaidan.*

В условиях социально-политического развития Украины XX–XXI веков монументальная политика выступает важнейшим инструментом легитимации власти, формирования национальной идентичности и конструирования коллективной памяти, что делает анализ памятников и их трансформаций центральным для понимания стратегий репрезентации исторического прошлого, используемых различными политическими силами, исходя из этого актуальность исследования обусловлена современными процессами переосмысления истории на фоне смены власти, региональных различий в восприятии исторической памяти и нарастания конфликтов идентичностей, которые проявляются в массовом сносе и установке памятников, а также в попытках создания исторического нарратива, где советское и российское наследие противопоставляется националистическим и локальным моделям памяти.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей изменения монументальной политики на территории Украины, определении критериев демонтажа и установки памятников и анализе их роли как индикатора идеологических разломов и инструментов политической репрезентации истории; научная новизна работы состоит в комплексной оценке памятников как социальной и политической технологии формирования исторической памяти, которая объединяет историко-политический, социокультурный и региональный аспекты, а также в обосновании причинно-следственных связей между сменой власти, идеологическими приоритетами и трансформацией монументального пространства.

Методологическую основу исследования составляют междисциплинарные подходы, включающие политическую историю, социологию культуры и исследования коллективной памяти, с применением методов историко-источниковой аналитики, сравнительного анализа, контент-анализа памятников, а также регионального сопоставления данных по различным макрорегионам Украины, используемый комплекс методов позволяет выявить как формальные и нормативные основания трансформации памятников, так и скрытые идеологические мотивы, формирующие символический ландшафт и социокультурные ориентиры общества.

Теоретический анализ памятников как политико-идеологических феноменов требует обращения к междисциплинарной исследовательской традиции, соединяющей подходы политической науки, социологии культуры, философии памяти, культурологии и исторической антропологии, поскольку монументальные объекты функционируют одновременно в нескольких смысловых плоскостях и выступают не только произведениями искусства или формами пространственной организации городской среды, но и инструментами

политического воздействия, символами коллективной идентичности, материальными воплощениями властных стратегий и узлами культурных кодов, формирующих модели восприятия прошлого. Научная литература фиксирует, что памятники представляют собой элементы сложной системы культурно-политической коммуникации, в которой власть, общество и различные социальные группы конструируют и транслируют интерпретации истории, закрепляя их в устойчивых материальных формах, что позволяет говорить о монументах как об инструментах репрезентации исторического мировоззрения, определяющего набор событий, персоналий и процессов, признанных значимыми в структуре коллективного опыта.

И.А. Аполлонов, анализируя герменевтическую природу монумента, подчеркивает, что памятник выступает как особый способ интерпретации истории, формирующий определенную систему ценностей и соединяющий прошлое с настоящим и будущим посредством символических структур, обеспечивающих передачу нормативных значений [2, с. 78], по мнению исследователя, монументальное пространство никогда не является нейтральным, поскольку художественные, пластические и текстовые элементы памятника не только фиксируют исторический факт, но и выводят образ героя в сферу универсальных смыслов, закрепляя его в качестве носителя идеала, который должен быть воспроизведен в общественном сознании [2, с. 82]. Такой подход позволяет рассматривать памятники как медиаторы политической идеологии, поскольку через них воплощается политический проект, предьявляемый обществу в форме исторического нарратива, в котором определенные фигуры и события выступают в качестве символов, легитимирующих существующий политический порядок.

И.Г. Кравченко рассматривает памятник как многослойный социальный феномен, чья интерпретация меняется в зависимости от культурно-исторического контекста, поскольку любой монумент обладает способностью генерировать новые смыслы при смене культурных кодов [10, с. 12], это означает, что памятники включают в себя избыточную смысловую структуру, позволяющую им выступать не только материальными объектами, фиксирующими историческое событие, но и динамическими элементами культурной коммуникации, которые актуализируются при каждом политическом повороте. Такой подход усиливает понимание памятников как элементов политического процесса, поскольку они становятся пространствами столкновения интерпретаций, где различные социальные группы пытаются закрепить собственную версию прошлого.

С точки зрения политических наук важнейшим исследовательским направлением является анализ памятников как объектов идеологической борьбы, так, А.В. Коновалов подчеркивает, что уничтожение или осквернение памятников представляет собой форму символического воздействия на коллективную память, направленную на разрыв преемственности исторической идентичности и установление новых нормативных ориентиров [8, с. 280], поэтому война с памятниками, согласно исследователю, отражает стремление к символическому контролю над общественным сознанием, поскольку разрушение монументов облегчает вытеснение прежних ценностей и формирует условия для утверждения

новых, политически востребованных интерпретаций прошлого [8, с. 283]. Таким образом, демонтаж памятников следует рассматривать как часть политических стратегий, направленных на переформатирование исторического нарратива, что особенно заметно в обществах, переживающих острые политические кризисы или смену политических режимов.

Анализ памятников в контексте политики памяти показывает, что борьба за интерпретацию прошлого является неотъемлемым элементом современного политического управления, например, В.В. Касьянов справедливо отмечает, что историческая память неизбежно превращается в поле политического конфликта, поскольку различные группы стремятся утвердить свои версии прошлого, а государство, обладая институциональными механизмами воздействия, вынуждено проводить собственную политику памяти в целях обеспечения социальной стабильности и укрепления национальной безопасности [7, с. 54]. Политика памяти, таким образом, формирует монументальный ландшафт, который становится пространственным выражением идеологической модели, закреплённой в государственном дискурсе.

Следовательно, функции памятников как медиаторов политико-идеологических разломов проявляются в нескольких ключевых аспектах: во-первых, памятник создает устойчивую визуальную рамку, которая закрепляет интерпретацию прошлого через символическую материализацию, он задает структуру политической памяти, которая навязывает обществу определенные критерии исторической значимости и моральной нормированности; во-вторых, памятник способен функционировать как инструмент политической мобилизации, исходя из этого, демонтаж, установка или переосмысление памятника выступают действиями, которые легко превращаются в маркеры политической позиции, создают условия для формирования протестного или лоялистского поведения и превращаются в индикаторы линии раскола, в-третьих, памятники формируют специфический язык политической коммуникации, через который власть демонстрирует идеологические приоритеты, стремится управлять политическими эмоциями и регулирует границы допустимого в публичной сфере.

Между памятником и политической системой существует обратная связь: идеологический дискурс структурирует монументальное пространство, но и памятники способны воздействовать на дискурс, меняя его риторику и задавая новый набор политически значимых образов. Эта взаимность формирует особый тип политической динамики, в которой символические конфликты оказываются столь же значимыми, как и институциональные. Следовательно, монументальная политика не является второстепенной сферой культурной деятельности, а выступает одним из механизмов воспроизводства политической власти, исходя из этого, памятники функционируют как маркеры границ политического пространства: они фиксируют присутствие политического центра, структурируют иерархии, подчеркивают различия между статусными группами и задают параметры легитимной политической идентичности.

Политическая история Малороссии-Украины в течение XX–XXI веков складывалась сложно и во многом трагически, поскольку данная территория, на

которой последовательно сменялась разные политические режимы, формировала специфическую конфигурацию идентичности, в которой памятники становились одним из наиболее устойчивых и одновременно наиболее чувствительных индикаторов динамики идеологических трансформаций, отражающих смену властных нарративов и политических проектов: так, в начале XX века Малороссия являлась составной частью Российской империи, чья государственная и символическая власть выражалась через имперские монументы, фиксирующие принадлежность региона к единому политическому пространству, однако крах имперского порядка, революционные потрясения, Гражданская война и формирование на территории бывшей Российской империи новых центров власти привели к тому, что прежний символический порядок утратил монополию на трактовку прошлого, а монументальные объекты приобрели статус полемических точек, вокруг которых развернулась борьба за закрепление новой интерпретации истории.

В 1917–1920 гг., когда на территории Украины сменялись различные формы власти, от Центральной рады до Гетманата и Директории, монументальное пространство подвергалось глубоким преобразованиям, связанным с попытками новых политических субъектов заявить собственное право на историческую легитимацию, что впоследствии перешло в практику советской монументальной пропаганды, развернутой после установления советской власти. Данная политика, институционально оформленная в так называемом плане монументальной пропаганды, анализ которого был дан Л.Я. Гинзбургом [6], стремилась заменить имперские символы новыми образами революционных героев, что свидетельствовало о стремлении советского государства создать собственный исторический канон, укорененный в материальном пространстве. Примечательно, что уже в этот период памятники выступали не только символами нового политического порядка, но и методами структурирования коллективной памяти, поскольку формировали у общества представления о том, кто является носителем исторической правды и какие события должны рассматриваться как основы новой социальной реальности.

Второй этап радикальной перестройки монументального пространства связан с немецкой оккупацией 1941 года, когда советские памятники массово уничтожались или изымались, а их место занимали символы немецкой военно-политической власти, немецкая политика по отношению к памятникам сочетала уничтожение советского наследия и попытки интегрировать местные антисоветские и националистические интерпретации прошлого, включая реабилитацию фигур, которые в советский период рассматривались как коллаборационисты. Освобождение территорий Красной армией сопровождалось обратным процессом восстановления советских монументов и созданием новых памятников Великой Отечественной войне, что стало основой советского мемориального канона, подробно изученного Н.В. Вороновым [5], А.С. Павлюченковым [12].

С распадом СССР и формированием независимой Украины начался новый этап монументальной политики, отличавшийся курсом на отказ от прежней

системы памяти, переосмыслением советского наследия, а затем и постепенным утверждением националистической интерпретации прошлого, поэтому в этот период памятники В.И. Ленину, героям Великой Отечественной войны, революционным деятелям, командующим Красной армии и другим символическим фигурам советского времени превратились в объекты острой политической борьбы, поскольку различные политические группы интерпретировали советское наследие либо как часть общего исторического прошлого, либо как форму колониального давления, что подчеркивается В.В. Касьяновым, который отмечает неизбежный конфликт между разными версиями истории, претендующими на статус официальной памяти [7, с. 54]. Уже в 1990–2000-е годы прослеживались устойчивые тенденции к реабилитации персоналий, находившихся в противостоянии с Россией и СССР, включая фигуры И. Мазепы и С. Бандеры, однако наиболее масштабная трансформация монументального пространства началась после событий 2014 года, когда силовая смена власти придала монументальной политике Украины характер целенаправленной кампании по демонтажу советских памятников, что подробно анализируется А.А. Плехановым, который показывает, что декоммунизация стала одним из способов разрушения пространства советского символического господства и переформатирования публичного пространства в интересах нового идеологического курса [14].

Исследования М.В. Филева и А.А. Курганского демонстрируют, что снос памятников после 2014 года приобрел форму институционализированной практики, ориентированной не только на демонтаж символов советского прошлого, но и на устранение любых материальных следов российской культурно-исторической традиции, что позволило исследователям говорить о трансформации декоммунизации в политику дерусификации [15], в частности, авторы подчеркивают ключевую роль Института национальной памяти Украины, который выступил инициатором мемориальных законов и фактическим координатором процессов демонтажа, в результате чего советские памятники были объявлены маркерами присутствия России как враждебной силы, что придало политике памяти остро выраженный идеологический характер. Одновременно с этим, на территориях, вышедших из-под контроля Киева, начались процессы ресоветизации, выражавшиеся в восстановлении или установке новых памятников советским героям, что свидетельствует о поляризации монументального пространства и превращении его в арену борьбы за историческую легитимацию.

Таким образом, историко-политическое взаимодействие различных сил, последовательно сменявших друг друга на территории Малороссии-Украины, сформировало ситуацию, при которой памятники стали ключевыми индикаторами идеологических разломов, поскольку именно через монументальные объекты власть стремилась закрепить собственную интерпретацию прошлого, выстроить новую систему политических символов и устранить конкурентные версии исторической памяти, что создает основу для последующего анализа

теоретических моделей функционирования памятников в структуре политической истории.

В политической истории Украины изучаемого исторического периода можно выделить совокупность устойчивых критериев, которые определяли допустимость сохранения, демонтажа или установки памятников, при этом данные критерии формировались на пересечении идеологических установок власти, моделей исторического времени, нормативных представлений о политической легитимности и стратегий конструирования коллективной идентичности:

Во-первых, критерием выступала идеологическая совместимость исторической фигуры или события с доминирующей политической доктриной, поскольку каждая власть стремилась встроить монументальное пространство в собственный политический миф; данный критерий основан на принципе формирования воображаемого политического сообщества, описанного Б. Андерсоном, поскольку именно символические формы позволяют структурировать коллективное восприятие прошлого [1, с. 28].

Во-вторых, значимым являлся критерий легитимационной функции, предполагающий, что памятник должен был не только репрезентировать историческую фигуру, но и подтверждать право власти на управление, что делало монумент своего рода публичным актом признания и политической обязательности.

В-третьих, ключевым был критерий дискурсивной приемлемости, требовавший, чтобы символы вписывались в официальную интерпретацию истории, поскольку любая фигура, не включенная в нормативную версию исторического прошлого, автоматически оказывалась нежелательной в публичном пространстве.

В-четвертых, применялся критерий соответствия памятника новой модели политического времени, основанный на необходимости маркировать разрыв с предшествующим режимом, а потому демонтаж ранее установленных монументов приобретал характер политического ритуала, который фиксировал историческую смену власти.

В-пятых, важен был критерий мобилизационного потенциала, поскольку памятники функционировали как средства политического воспитания и идеологической мобилизации, что особенно проявлялось в периоды революционных процессов, когда власть стремилась задать эмоциональный вектор политической идентичности.

Таким образом, монументальная политика на украинских землях формировалась как последовательность идеологических переоценок, где каждый новый политический режим стремился создать собственное символическое пространство, подтверждая свое присутствие и вытесняя предшествующие нарративы из публичной сферы.

Дореволюционный этап

В начале XX века монументальная политика на территории Малороссии-Украины, находившейся в составе Российской империи, подчинялась

централизованной имперской стратегии, основанной на укреплении государственного единства, визуальном воспроизводстве вертикали власти и формировании надрегиональной идентичности, что предполагало доминирование памятников монархам, полководцам и государственным деятелям, олицетворяющим идеологию самодержавной государственности.

Установка монументов в этот период определялась критерием политической лояльности: памятник мог появиться в городском пространстве только в случае его соответствия имперскому нарративу, так, в Киеве, Одессе и других городах создавались памятники Александру II, юридически закреплявшему модернизационный миф государства, или Екатерине II, репрезентировавшей идею государственного освоения южных территорий, на Думской площади (где проходил Евромайдан в 2014 году) был возведен памятник премьер-министру П.А. Столыпину, убитому в Киеве в 1911 году и т.д.

Период сменяющихся властей 1917–1920 гг.

Революции 1917 года создали условия, при которых критерий идеологической совместимости монументов с действующей властью стал доминирующим и определял радикальное переписывание монументального пространства.

Уже в 1917 году начинается массовый демонтаж памятников самодержцам, которые рассматривались как символы старого режима, так, в Киеве был разрушен памятник Николаю I, при этом сам акт разрушения воспринимался как публичное подтверждение необратимости политических изменений.

Украинская Центральная Рада, установившая контроль над частью территорий Украины, исходила из критерия национального содержания памятников и стремилась создавать символы, легитимирующие проект украинской государственности, в этот период усиливаются дискуссии о необходимости возведения новых памятников Тарасу Шевченко, Григорию Сковороде, Богдану Хмельницкому в новой интерпретации, однако реальных масштабных проектов реализовать не удалось ввиду нестабильности власти, тем не менее сам факт появления инициативных комитетов по увековечиванию украинских деятелей является свидетельством того, что разделение монументального пространства по критерию национально-ориентированного символического ядра становится важным политическим инструментом.

Правительство гетмана П. Скоропадского ограничило инициативы по установке таких памятников, однако этот период был слишком коротким, чтобы радикально изменить символическую среду.

В 1919–1920 гг., в условиях постоянных переходов власти, памятники использовались различными политическими силами как инструмент символического маркирования территории, так, большевики, приходя в города, инициировали демонтаж памятников царям и государственным деятелям империи, что соответствовало критерию разрыва с буржуазно-монархическим прошлым, однако не всегда успевали возводить новые монументы.

Таким образом, в 1917–1920 гг. памятники стали объектом непрерывной политической борьбы, поскольку каждая власть стремилась удалить символы

предшественников и заменить их фигурами, соответствующими собственному политическому мифу.

Советская Украина 1918-1920-х годов

Установление советской власти на украинских землях привело к системной перестройке монументального пространства, основанной на идеологических критериях марксистско-ленинской доктрины. С начала 1920-х годов активно реализовывалась программа монументальной пропаганды, направленная на установку памятников Ленину, Марксу, революционным матросам, участникам Октября, поскольку данные фигуры обладали максимальным мобилизационным потенциалом и служили идеальным средством формирования новой политической идентичности. В Харькове, где размещались ключевые органы советской власти, появляются первые памятники Ленину, трактуемые как символ окончательного утверждения новой власти и ее права на управление.

Одновременно политика украинизации создала условия, при которых в монументальном пространстве появляются памятники украинским культурным деятелям, но только в той мере, в какой их творчество поддавалось марксистской интерпретации, примером является активизация проектов по увековечиванию памяти Тараса Шевченко, фигура которого могла быть вписана в советскую интерпретацию борьбы народа против угнетения. Все это постепенно формирует единый советский канон, который к началу 1930-х станет основой символической унификации.

Советский этап ранней сталинской модели (1930–1941 гг.)

С начала 1930 годов монументальная политика на украинских землях, интегрированных в советское государственное пространство, стала реализовываться в условиях жесткой идеологической централизации, что обусловило стремительное распространение памятников, репрезентирующих коммунистическую модель политического времени. Массовая установка памятников Владимиру Ленину, число которых на территории Украины к 1991 году достигло приблизительно 5 500 объектов, являлась прямым отражением идеологического постулата о роли Ленина как основателя государства, при этом каждый монумент становился элементом политической топографии, чья структура подчинялась принципу обязательного присутствия образа вождя на центральных площадях, возле органов власти и крупных промышленных комплексов.

Одновременно в 1930-е годы появляются памятники Иосифу Сталину, которые устанавливались не только в крупных городах, но и в стратегически значимых промышленных центрах Донбасса, поскольку Сталин трактовался как символ индустриализации и политической мобилизации.

Параллельно устанавливались монументы, посвященные индустриализации и трудовым подвигам, что превращало памятники в часть советского мифа о формировании нового типа человека, включенного в проект модернизации, так, в Харькове, Днепропетровске и Запорожье появляются композиции, прославляющие рабочих металлургических предприятий, что отражало

структурный переход монументальной политики от преимущественно политических фигур к символам коллективной трудовой героики.

Период немецкой оккупации (1941–1944 гг.)

С началом немецкой оккупации произошла резкая смена политической власти, которая привела к масштабному разрушению советского монументального пространства, поскольку оккупационные администрации исходили из противоположной идеологической логики, в рамках которой памятники Ленину, Сталину, Марксу и иным коммунистическим деятелям рассматривались как символы враждебного режима, а потому подлежали немедленному уничтожению или осквернению, что соответствует критерию политической несовместимости, согласно которому новая власть стремится стереть знаки предшественников для утверждения собственного политического контроля.

Во многих украинских городах, включая Киев, Житомир, Винницу и Харьков, памятники Ленину были демонтированы либо взорваны, при этом на центральных площадях устанавливались временные символические конструкции, среди которых преобладали свастики и иные нацистские маркеры, используемые как визуальные индикаторы новой власти.

Стремление оккупационного режима создать собственное символическое поле приводило к попыткам актуализировать отдельные исторические фигуры, которые могли быть использованы в пропагандистских целях, однако полноценной монументальной программы представители рейха реализовать не успели.

Послевоенный сталинский период (1944–1953 гг.)

После освобождения Украины советскими войсками начинается этап восстановления политической символики, в рамках которого прежние нацистские знаки уничтожаются, а советские монументы возвращаются или сооружаются заново, при этом главным критерием служила необходимость визуально зафиксировать победу советского государства и восстановление его политического контроля над территорией. В крупных городах возобновляется установка памятников Ленину и другим революционным деятелям, а также появляются монументы Сталину, символизирующие его роль в победе.

Хрущевская эпоха и десталинизация (1953–1964 гг.)

После смерти Сталина и XX съезда КПСС начинается демонтаж сталинских памятников, что отражало политическое решение о разоблачении культа личности и пересмотре официальной интерпретации недавнего прошлого, при этом исчезновение монументов Сталина во многих украинских городах, включая Киев, Днепрпетровск и Одессу, стало актом символического разрыва с прежней моделью власти.

Брежневская модель символической стабильности (1964–1985 гг.)

Период правления Л. Брежнева характеризовался институционализацией культа Великой Отечественной войны, что привело к масштабной установке памятников, посвященных героям фронта и тыла, при этом такие объекты выполняли функцию символической консолидации общества и легитимации политической системы, которая опиралась на память о Победе как

фундаментальный элемент коллективной идентичности. Одним из наиболее значимых проектов стал мемориал «Родина-мать» в Киеве, открытый в 1981 году, символизирующий героическое сопротивление и победу, включающий аллею городов героев, галерею фронта и тыла, а также музейные экспозиции, что делало его центральным элементом советского канона памяти.

В Ужгороде был установлен памятник «Украина освободителям» (1970 год), что отражало стремление местных властей подчеркнуть роль советской армии в освобождении западных территорий, в этот период активно развивалась тематика индустриальных и трудовых памятников, поскольку государство стремилось визуально кодифицировать достижения социалистического хозяйства; многочисленные монументы рабочим, металлургам, шахтерам становятся характерной чертой городов Донбасса и Приднепровья.

Эпоха Перестройки (1985–1991 гг.)

С началом Перестройки возникает принципиально новый этап в монументальной политике, когда официальная идеология перестает быть монополистской, и в публичном пространстве появляются конкурирующие интерпретации прошлого, что порождает дискуссии о переосмыслении советского наследия. В этот период усиливаются голоса националистических групп, призывающих к реабилитации деятелей, сотрудничавших с немецкими оккупантами или выступавших против советской власти, что делает памятники полем идеологического конфликта.

Хотя масштабных кампаний по демонтажу советских памятников в этот период еще не проводилось, появляются инициативы об установке монументов участникам Украинской повстанческой армии и иным антисоветским героям, что знаменовало возникновение нового критерия допустимости памятника, основанного на национально-ориентированной версии прошлого, противопоставляемой советской модели власти. Одновременно снижается интенсивность установки новых советских памятников, а старые объекты постепенно утрачивают безусловный сакральный статус, что свидетельствует о трансформации политической системы и приближении к смене символического режима, которая произойдет уже после 1991 года.

Период начального постсоветского формирования (1991–2004 гг.)

После провозглашения независимости Украины в 1991 году монументальная политика стала инструментом, с помощью которого новая власть стремилась демонстрировать отделенность государства от России и подтверждать легитимность собственного суверенитета, при этом главным критерием допустимости памятника становилась его способность визуально выражать украинскую государственность и национальную идентичность.

Одним из первых символических актов новой исторической политики стало разрушение ряда памятников Владимиру Ленину, которые до 1991 года занимали ключевые точки городских пространств, включая центральные площади крупных городов, при этом снос производился в контексте публичного акта демонтажа советской идеологии, что отражало критерий несовместимости объектов с новой политической идентичностью, однако в течение 1990-х годов памятники

советским деятелям в ряде городов восстанавливались, что указывало на отсутствие единого подхода и зависимость политики памяти от местных властей и настроений общества, особенно в регионах восточной и центральной Украины.

В то же время наблюдалось появление памятников украинским националистам, чьи политические позиции противопоставлялись российскому государственному проекту, при этом эти монументы носили региональный характер, появляясь в западных регионах страны, так, в 1994 году во Львове был открыт памятник Михаилу Грушевскому, символу украинской государственности на рубеже XIX–XX вв., что позволило обозначить принцип исторической легитимности через фигуру национального интеллектуала и политика.

Другим важным элементом формирования постсоветской модели памяти стало сочетание националистических и диссидентских элементов, что нашло выражение в установке памятников политическим репрессированным деятелям, например, в 2001 году в Виннице был открыт монумент Василию Стусу, украинскому поэту и диссиденту, который стал символом борьбы с советским режимом, аналогичные мотивы нашли отражение в памятниках Вячеславу Черноволу, основателю «Народного руха Украины», установленных во Львове и Николаеве в 2001 и 2007 годах соответственно.

В этот период памятники носят преимущественно культурно-исторический характер и выполняют функцию утверждения новой политической идентичности, однако их влияние на общественное сознание носит дискретный и региональный характер, поскольку широкая националистическая переориентация еще не получила массового распространения за пределами западных областей Украины.

Период активной героизации национализма (2004–2013 гг.)

После Оранжевого майдана 2004 года процесс монументальной героизации националистов и, в отдельных случаях, лиц, сотрудничавших с нацистскими оккупационными структурами, приобретает системный характер, при этом основной критерий допустимости памятника формируется через призму национальной идеологической идентичности, в которой русские воспринимаются как чуждый этнос, а исторические фигуры, ранее считавшиеся коллаборационистами, получают символический статус национальных героев.

В этот период активизируется установка памятников фигурам украинского национализма, особенно на западе страны, так, в 2004 году в Ужгороде был установлен памятник Августину Волошину, президенту Карпатской Украины, и его соратникам, провозгласившим независимость региона в 1939 году, что символизировало формирование локального культа, в том же году в Тернополе был открыт памятник патриарху Иосифу Слипому, предстоятелю Украинской грекокатолической церкви, что подчеркивало сочетание националистических и религиозных мотивов в формировании нового культурного канона.

Ключевым элементом дискуссии этого периода стало появление монументов Степану Бандере, фигуре крайне противоречивой, которую западно-украинская общественность рассматривала как борца за независимость, а восточные регионы воспринимали как коллаборациониста, сотрудничавшего с нацистской Германией, так, памятник Бандере был установлен во Львове в 2007

году на площади Кропивницкого и вызвал многочисленные общественные споры, демонстрируя принципиальную проблему регионального восприятия памяти и подчеркивая раскол идентичностей внутри страны.

В 2008–2009 годах процесс расширяется: памятник Степану Бандере установлен в Тернополе, а в Чернигове появляется памятник Ивану Мазепе, предавшего Петра Великого и после поражения под Полтавой сбежавшего на территорию Османской империи, что иллюстрирует использование монументов как демонстрации дистанции от российской интерпретации истории.

На западе Украины появляются также мемориальные комплексы, например, мемориал жертвам Голодомора в Харькове (2008 год), где трагедия 1932–1933 гг. интерпретируется как геноцид украинского народа, что позволяет государственной идеологии создавать пантеон исторических страданий, символически противопоставленный советскому прошлому.

Важным аспектом периода становится региональная диспропорция: памятники националистам и коллаборационистам сначала появляются преимущественно на западе, затем в Киеве и постепенно распространяются на центральные регионы, в то время как восточные области воспринимают их как символ предательства.

Период после Евромайдана (2014–2022 гг.)

После так называемой «Революции достоинства» 2014 года и госпереворота наблюдается ускоренный процесс сноса советских памятников, при этом демонтаж охватывает не только памятники Ленину, но и объекты, посвященные героям Великой Отечественной войны, которые ранее считались символами сопротивления и героизма, при этом основным критерием сноса становится символическая принадлежность памятника к советской политической идеологии.

В этот период продолжается активная установка памятников украинским националистам и коллаборационистам, так, в 2015 году в Полтаве был открыт памятник Ивану Мазепе, а в 2016 году в Тернополе появился памятник «Небесной сотне», посвященный погибшим во время Евромайдана, что иллюстрирует использование монументальной политики для легитимации современного политического дискурса и создания пантеона героев новой эпохи [3, с. 139-148].

Снос советских памятников сопровождался активным общественным дискурсом и конфликтами, особенно на востоке страны, где такие действия воспринимались как разрушение исторического наследия и акт политической вражды, примером становится демонтированный в 2014 году памятник гетману Петру Сагайдачному в Севастополе, который после присоединения Крыма к России был перевезен в Харьков и установлен на новой площадке.

Период СВО и радикальной переориентации памяти (2022–2025 гг.)

С началом СВО в 2022 году процесс демонтажа памятников, связанных с Россией и советским прошлым, приобретает беспрецедентный характер, при этом уничтожаются не только монументы деятелям культуры прошлого, например, памятники Пушкину, но и памятники украинцам, сражавшимся в рядах советской армии, что символизирует радикальное перепрограммирование исторической памяти через призму конфликта с Россией.

В этот период происходит активное возведение памятников историческим украинским государственным деятелям, которые олицетворяют национальное сопротивление российскому влиянию, включая памятники Мазепе, Андрею Шептицкому, Михаилу Вербицкому, а также установку мемориалов, посвященных героям современности, таким как «Небесная сотня» и участники Евромайдана.

Особым символическим событием становится открытие в 2025 году памятника Мазепе в Киево-Печерской Лавре, который отражает завершение нового цикла монументальной политики, направленной на закрепление новой модели исторической памяти, где русские воспринимаются как вечные враги украинского народа, а исторические акценты смещаются в сторону героев национальной независимости, которые в российской истории рассматриваются как предатели.

Таким образом, период 1991–2025 годов демонстрирует прямую зависимость монументального ландшафта Украины от политической власти и идеологических стратегий: начальный постсоветский этап характеризуется фрагментарным сносом советских памятников и редкой установкой националистических объектов, после 2004 года наблюдается активная героизация националистов и отдельных коллаборационистов, 2014–2022 годы знаменуются масштабным сносом советских монументов и усилением политизации памяти, а 2022–2025 годы демонстрируют радикализацию и милитаризацию памяти через уничтожение всего, что связано с Россией, и формирование пантеона героев украинской государственности и национальной идентичности, что полностью подтверждает тезис о памятниках как индикаторе идеологических разломов, регуляторе национальной идентичности и инструменте политического управления исторической памятью [13, с. 98-102; 11, с. 111-126; 4, с. 154-161; 9, с. 72-77].

Рассмотрим историю памятников на Украине с 1900 по 2025 годы с учетом критериев демонтажа и установки памятников, выделенных ранее: их соответствие власти, идеологической целесообразности, региональной значимости, культурной и исторической ценности с помощью таблицы 1.

Таблица 1

История памятников на Украине с 1900 по 2025 годы

Период	Критерии демонтажа/установки	Причины демонтажа	Причины установки	Особенности
Дореволюционный этап (1900–1917)	Демонтаж редок; установка в честь царских деятелей, исторических фигур	Революционные события, антиимперские настроения	Памятники государственным деятелям, религиозным фигурам, символам российской империи	Памятники символизируют власть Романовых и поддерживают имперскую легитимность
Временный период до советской власти (1917–1920)	Демонтаж объектов царской эпохи; установка памятников революционерам и местным героям	Символы старого режима, политическая легитимизация нового строя	Памятники революционным активистам	Акцент на легитимизации новой власти и идеологических символах революции

Советский этап (1922–1930)	Демонтаж «контрреволюционных» памятников; установка в честь коммунистических лидеров, революционных деятелей	Несоответствие советской идеологии	Пропаганда коммунизма, укрепление символической власти советской модели	Памятники становятся инструментом идеологического влияния на население
Советский период (1930–1991)	Демонтаж памятников дореволюционной эпохи и части символов сталинского культа после разоблачения; установка монументов Сталину, Ленину, героям ВОВ	Разоблачение культа личности Сталина, оккупация территорий (памятники сносились нацистами)	Герои ВОВ, индустриализация, коммунистические достижения, культурные деятели	Памятники используются как инструмент массовой идеологии, героизация советской истории
Постсоветский период (1991–2004)	Демонтаж советских памятников; установка памятников националистам и правозащитникам; региональная вариативность	Символика советской власти, противоречие новой национальной идентичности	Легитимация независимости, культурное сопротивление, национальная идентичность	Монументальная политика фрагментарная, акцент на культурной и исторической легитимности
Период активного национализма (2004–2013)	Установка памятников националистам и коллаборационистам; региональный характер; снос советских символов	Памятники советским деятелям, противоречащие национальной идентичности	Подтверждение националистической идеологии, региональная героизация	Влияние региональной идентичности, раскол западных и восточных областей
Период после Евромайдана (2014–2022)	Массовый снос советских памятников; установка памятников национальным героям и участникам Евромайдана	Символика России и советского прошлого, противоречие новой идентичности	Легитимация современной политической власти, героизация «новой истории»	Акцент на национальной независимости, пересмотр советского наследия, конфликт восприятия на востоке и западе страны
Период СВО и радикальной переориентации (2022–2025)	Полный демонтаж памятников, связанных с Россией; установка памятников национальным гетманам, униатским митрополитам, героям современности	Все памятники российской идентичности, советские монументы, памятники ВОВ	Создание пантеона национальных героев	Формирование новой модели исторической памяти через радикальный анти-российский взгляд, милитаризация памяти

Таким образом, анализ истории памятников на Украине с 1900 по 2025 годы демонстрирует прямую зависимость монументальной политики от смены власти и идеологических приоритетов государства, при этом критерии демонтажа и установки памятников неизменно связаны с соответствием объектов текущей

идеологии, региональной значимостью и символической ценностью для легитимации власти.

На протяжении XX–XXI веков наблюдается цикличность: смена режимов и идеологических установок приводит к систематическому пересмотру монументального ландшафта, начиная с демонтажа памятников царской эпохи, продолжая активной героизацией советских деятелей, националистов и коллаборационистов, и завершая радикальной антироссийской переориентацией после 2022 года. Таким образом, памятники выступают не только как отражение исторических событий, но и как инструмент формирования политической идентичности, маркер идеологических разломов и индикатор региональных различий в восприятии истории, показывая, что историческая память в материальной форме является предметом постоянного переосмысления, объектом политического манипулирования, где каждый снесенный или установленный монумент становится попыткой контроля над историческим нарративом.

Список источников и литературы:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 286 с.
2. Аполлонов И.А., Хлевов А.А. Памятник в контексте исторической памяти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – №4. – С. 76–85.
3. Багдасарян В.Э. Историческое сознание и политические воплощения: украинский сценарий / В.Э. Багдасарян // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – №1. – С. 139–148.
4. Варга Б. Региональные варианты исторической памяти на Украине / Б. Варга // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : Сб. ст. – Будапешт – Киров: Selmeczi Vt. Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС», 2019. – С. 154–161.
5. Воронов Н.В. Люди, события, памятники: рассказы о памятниках и мемориалах / Н.В. Воронов. – М. : Просвещение, 1984. – 208 с.
6. Гинзбург Л.Я. План монументальной пропаганды: первые годы / Л.Я. Гинзбург // Искусство. – 1934. – №4.
7. Касьянов В.В., Самыгин С.И. Историческая память и национальная безопасность / В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – №9. – С. 52–57.
8. Коновалов А.В. Историческая память как объект информационных атак (война с памятниками) / А.В. Коновалов // Информационные войны: социально-этические, эстетические, антропологические аспекты и технологии противодействия: материалы Всерос. науч. конф., Новосибирск, 22–24 апреля 2015 г. / под науч. ред. В.Ш. Сабирова. – Новосибирск : СибГУТИ, 2015. – С. 276–289.

9. Королева Г.И. Трансформация концептуальных основ исторической науки в современной Украине / Г.И. Королева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – №3(7). – С. 72–77.

10. Кравченко И.Г. Памятник как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И.Г. Кравченко. – Волгоград : Волгоградский гос. ун-т, 2008. – 22 с.

11. Левченков А.С. Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 – начале 2019 г. / А.С. Левченков // Россия и современный мир. – 2019. – №4(105). – С. 111–126.

12. Павлюченков А.С. Памятники революционной России / А.С. Павлюченков. – М. : Советская Россия, 1986. – 96 с.

13. Пасько Я. Постсоветская модель памяти: столкновение дискурсов / Я. Пасько // Схід. – 2014. – №3(129). – С. 98–102.

14. Плеханов А.А. Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине / А.А. Плеханов // Политическая наука. – 2018. – №3. – С. 190–216.

15. Филев М.В., Курганский А.А. Демонтаж памятников как ключевая часть процесса «декоммунизации» на Украине и в Польше после 2014 года / М.В. Филев, А.А. Курганский // Балтийский регион. – 2022. – №14(4). – С. 146–161.

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 4 (95) 2025 год

Ответственный за выпуск – к-т. ист. наук, Разумный В.В.

Компьютерная верстка:
Скворцов Ю.А.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22